

Аарон Штейнберг

«Мы были живыми людьми...»

Переписка с современниками

Аарон Штейнберг

**«Мы были живыми людьми...»
Переписка с современниками**

Аарон Штейнберг

«МЫ БЫЛИ ЖИВЫМИ ЛЮДЬМИ...»

Переписка с современниками

Составление, вступительная статья и комментарии
Нелли Портновой

Мюнхен
ImWerdenVerlag
2019

ISBN 978-0-244-49521-3

© Нелли Портнова, составление, вступительная статья и комментарии, 2019
© Оформление. ImWerdenVerlag, 2019

Содержание

От составителя. <i>Н. Портнова</i>	5
20–30-е гг.	
I. Исидор Эльяшев – Аарону Штейнбергу.....	27
II. Елена Штейнберг.....	28
III. Семен Маркович Дубнов.....	31
IV. Эсфирь Эльяшева-Гурлянд.....	48
V. Залман-Барух Рабинков.....	53
VI. Исаак Донской.....	59
VII. Семен и Фанни Капланы.....	69
VIII. Ицхак-Нахман Штейнберг.....	79
IX. Мордехай Фридман.....	96
X. Шмуэль Эльяшив-Фридман.....	114

40–70-е гг.

I. Карл и Гертруда Ясперс.....	127
II. Исая Берлин.....	130
III. Мартин Бубер.....	139
IV. Залман Шазар.....	141
V. Эммануил Райс.....	142
VI. Софья Семеновна Эрлих-Дубнова.....	150
VII. Мордехай Фридман-Эльяшив.....	164
VIII. Шмуэль Эльяшив (Фридман).....	181

Любовь и (или) философия

С. В. Розенблатт-Штейнберг.....	187
---------------------------------	-----

Дружба и философия

Семен и Фанни Капланы.....	203
----------------------------	-----

Индекс имен.....	285
------------------	-----

От составителя

Аарон Захарович Штейнберг (1891–1975), не оцененный при жизни¹, выходит к читателям постепенно, по мере публикации его обширного наследия². Избрав главным предназначением своей жизни философию, Штейнберг начал печататься рано, в 1910 г., будучи студентом Гейдельберга. Через полвека обнаружилось, что многое из опубликованного им в прессе на разных языках, осталось в своем времени. Всемирный Еврейский Конгресс собирался издать Собрание сочинений Штейнберга в 7 томах. Потом было решено опубликовать сборник философских сочинений в переводе на один – английский – язык. Том был подготовлен автором, но вышел в свет через 8 лет после его смерти³ – с прекрасной вступительной статьей профессора У. Таля.

В следующем десятилетии парижский «Синтаксис» представил читателям мемуары Штейнберга, один из лучших художественно-документальных текстов о последнем этапе русского Серебряного века⁴.

Еще через 10 лет на основе материалов личного архива⁵ философа появилось второе издание⁶ мемуаров. Далее, в московском издательстве был подготовлен сборник некоторых важных философских сочи-

¹ Финкельштейн Эйтан. Невезение Аарона Штейнберга. Форум новейшей восточно-европейской истории и культуры – Русское издание. Айхштетт. № 1, 2005.

² Archives for the History of the Jewish People (Jerusalem), A. Steinberg's Collection, P. 159. Далее все документы цитируются по оригиналам, хранящимся в этом архиве.

³ Steinberg Aaron. History as Experience. Aspects of Historical Thought – Universal und Jewish: Selected Essays and Studies. New York, 1983.

⁴ Штейнберг А. Друзья моих ранних лет (1911–1928). Подг. текста, послесловие и примеч. Ж. Нива. Париж: Синтаксис, 1991 (https://vtoraya-literatura.com/publ_561.html).

⁵ Archives for the History of the Jewish People (Jerusalem), A. Steinberg's Collection, P / 159.

нений на русском языке⁷. Он далек от полноты, но такая важная тема, как Ф. М. Достоевский, представлена более полно: лекция в Вольфиле 1921 г. «Ф. М. Достоевский-философ» и книга «Система свободы Достоевского» 1923 г. (вторая работа Штейнберга, 1966 г., осталась неизвестной русскому читателю).

По мере изучения архива становилось понятно, что, несмотря на самоограничение, Штейнберг писал и своеобразные художественные тексты: очерки, рассказы, повести, пьесы и эссе, начинал большой роман. В сборнике «Проза философа» они были изданы в 2014 г.⁸

Один из самых сосредоточенных на своем духовном развитии интеллектуал, Штейнберг максимально пользовался дневниками. В них – подробная история его внутреннего развития, к которой он постоянно возвращался и которую оценивал⁹. Но и это еще не все.

Главной целью рефлексии Штейнберга была забота о единстве своего развития и о цельности своей личности. В 1916 г. он записал в дневнике: «Единство и непрерывность развития, которые я чувствую, я хочу для себя самого превратить в осязаемый психологический факт». Дневники. 78. Через 30 лет, в 1946 г., он подводил итоги и сформулировал, из чего состоит его идентичность: «Пора перейти к серьезной организации производства. Элемент субстанциональный – еврейское религиозное сознание в оболочке русской стихии, европейской атмосферы, на фоне всемирности и в потоке всечеловеческого движения. Это – ядро. Если бы оно разложилось, это был бы и духовный, и физический конец». Дневники. 128. Отчеты продолжались – например, «список моих напечатанных работ, написанных мною на шести языках», своих занятий и пророчеств. Дневники. 154¹⁰.

⁶ А. З. Штейнберг. Литературный Архипелаг. Вступит. статья, подгот. текста и коммент. Н. Портновой и В. Хазана. Новое Литературное Обозрение. С. 2009. Далее: ЛА, стр.

⁷ А. З. Штейнберг. Философские сочинения Мир. С.-Петербург. 2011.

⁸ Аарон Штейнберг. Проза философа. Состав., вступит. статья и комментарии Нелли Портновой. ImWerden. Мюнхен. 2014.

⁹ Аарон Штейнберг. Дневники (1909–1971). Ф. М. Достоевский. Модест Колеров. Составление, подготовка текста и комментарии Н. Портновой. М. 2017. Мы не упоминаем очень ценные материалы о работе А. Штейнберга в Вольфиле: Белоус В. Г. Вольфила [Петроградская Вольная Философская Ассоциация] 1919–1924. Книга Первая Предыстория. Заседания. 2. II. 1967. Модест Колеров и «Три квадрата». М. 2005. Книга Вторая. Хроника. Портреты. Модест Колеров и «Три квадрата». М. 2005.

¹⁰ Шесть языков обеспечивали широту личного и делового общения. Их употребление не было хаотичным. Идиш – язык детства и журналистской работы 20–30-х гг. Немецкий – язык науки и культуры довоенного времени. Английский – после переез-

Дневники Штейнберга последовательно интроспективны. Если в них и появлялись события и люди, то лишь пройденные и пережитые автором, вместе с ним. Но помимо дневниковых сюжетов, Штейнберг был очень открыт и предприимчив в жизни, участвуя в самых разных формах общественной жизни, что осуществлялось и регулировалось перепиской. Чтением писем и ответами на них Штейнберг завершал каждый день. «Сейчас около 12-ти ночи, надо писать письма». 1931. «Сегодня – газеты, а затем – до сих пор работа. Надо еще писать письма». 1932. Чем шире становились обязанности и проекты Штейнберга – ученого, лектора, издателя, культуртрегера, – тем гуще его почта. «А переписка! Обрушилась целая лавина писем из разных стран и на разных языках, и большей частью эти куски льда продолжают казаться». 1966.

В собрании избранных нами писем Штейнберга есть переписка полная (И. Берлин, К. Ясперс, И.-Н. Штейнберг), и неполная, когда его письма оставались у адресатов (Дубнов, бр. Фридманы, И. Донской и т. д.). Это не значит, что они интересны лишь описанными обстоятельствами. Не только родственные отношения, но и общие дела и личностная сверхзадача, о которой Штейнберга не забывал, проникала в почтовые отношения с его корреспондентами.

Можно начать с краткого приветствия, посланного племяннику дядей Исидором, **Израэлем Исидором Эльяшевым** (1873–1924, Баал-Махшовесом, идишским критиком) 30 декабря 1915 г.

Исидор пишет Аарону о себе: «здоров, не весел, не радостен». Во время 1-й мировой войны оба живут не по своей воле: интернированный Аарон в германской деревне, И. Эльяшев демобилизован и заведует военным госпиталем в Костромской губ. Аарон знает, что, кроме оторванности от литературной работы¹¹, дядя переживает и личную драму: его покинула красавица-жена Полина. Но уже в начале 1916 г., побывав в Полтаве и пообщавшись там с В. Г. Короленко, Исидор воспрянул духом, и другой его племянник Шмуэль Фридман-Эльяшев за-

да в Лондон – язык прессы и деловой переписки. Иврит – язык Торы и еврейского календаря, а после войны – разговора и научного общения в Израиле. Письма друзьям и близким писались в основном на русском языке, «языке его мысли»; при этом в него постоянно вставлялись выражения из обоих еврейских языков. Во время поездок в латино-американские общины – испанский.

¹¹ В русской печати широко обсуждалась полемика его с М. Горьким, призывавшего русскую интеллигенцию помочь еврейству. Баал-Махшовес был не согласен: «степные волки собираются разбираться в жизни мурашек»: защищать себя должны сами евреи.

стал дядю уже полным оптимизма. Аарон помнил слова Исидора: «Как отличаетесь вы, ваше поколение, по сравнению с нашим, – говорил он мне. – Никакого запрета, никаких колебаний, ни малейшего беспокойства в объединении вашей еврейскости с вашим космополитизмом, как будто не было никакой проблемы вообще»¹². Наряду с домашним воспитанием, влиянием учителя Рабинкова и гейдельбергского университета, наставление дяди было непоколебимым заветом на всю жизнь¹³.

Совершенно иначе в 20–30-е гг. писала братьям их мать **Елена (Шейна) Штейнберг** (? – 1941). Приезжая в студенческие годы в Ковно, Аарон отзывался о родине свысока. «Как я могу жить среди мешан!?» 21.IV.1910; это «люди с небольшим кругозором» 30.IV.1910¹⁴. В 20–30 гг. город стал культурной столицей Литвы: здесь выходило 5 ежедневных еврейских газет, работали 4 ивритские гимназии и Ковенский народный университет. По письмам Елены, нежным и трогательным, видно, как она старается не отстать от времени: читает издаваемый сыновьями еженедельник, распространяет его в городе, собирает деньги на продолжение издания. Эти усилия сказались и на языке писем: родной идиш уже недостаточен, Елена пишет на двух языках, хотя русский у нее слаб. «Я не могу писать, но многое имею вам рассказать». Это желание было неисполнимо: сыновья уехали навсегда, Аарон приезжал в Ковно только один раз, в 1937 г.¹⁵ У дяди Аарон учился, мать чувствовала дистанцию между собой и молодежью и училась сама.

¹² The Synagogue Review. July 1957. № 11.

¹³ Штейнберг писал о дяде: Дядя Исидор (Onkel Isidor). Семейные воспоминания о Баал-Махшовесе. Die Welt. Иллюстрированный еженедельник еврейской жизни и семьи. Kovno № 11. С. 168–169; № 12. С. 183–184. Kovno. March 1941; «Бялик и Баал-Махшево́т». А. Штейнберг. Проза философа. С. 162–167; Мой двоюродный брат Самуил. Там же. С. 192, 193.

¹⁴ С. 47.

¹⁵ Семья Эльяшевых – большая и чрезвычайно талантливая, в двух поколениях дала европейской и еврейской культурам критика, чемпиона мира по шахматам, трех философов, политика и писателя, переводчиков, дипломата (некоторые совмещали эти специальности). Учитель З. Рабинков и историк С. Дубнов, а также друзья Семен и Фанни Капланы, были семьей духовной близостью.

I. 1930-е годы

Семен Маркович Дубнов (1860–1941) – историк и публицист из поколения 80-х гг., знакомый и сотрудник Штейнберга по Петрограду, был обращен исключительно к еврейской культуре. «Встречались мы, остатки еврейской интеллигенции, только изредка в искусственно возвращенном Еврейском народном университете, придуманном лишь для того, чтобы дать кусок хлеба десятку-другому писателей и художников»¹⁶.

Поняв несостоятельность своей идеи культурной автономии, Дубнов уехал в эмиграцию, в Берлин (1922). Благодаря А. Штейнбергу, 10-томная «Всемирная история еврейского народа» была переведена и прочитана на немецком языке. Неутомимый «работник истории»¹⁷, С. Дубнов был мало похож на кабинетного ученого. После прихода нацистов к власти он уехал из Берлина в Ригу, где пережил смерть жены¹⁸. «Вокруг меня становится пусто. Нет людей, с кем можно было бы по душе поговорить. О кружке и мечтать нечего». Дубнов держится работой: пока его книги пользуются спросом в разных странах, тиражи расходятся, поступают новые заказы, необходимо перевести «Историю» на другие языки диаспоры. Он вдохновляет, торопит и инструктирует друзей. Несмотря на ощущение приближающейся катастрофы и ослабление веры в силу «свободного слова», они мечтают преодолеть рассеяние. Настоящий еврейский интеллигент должен жить не только своим «подлым» временем, но «совокупностью времен».

Эсфирь (Эстер) Эльяшева-Гурлянд (1878–1941) – доктор философии, тетя Аарона (младшая сестра матери) в 30-е гг. разворачивает бурную просветительскую деятельность в Ковно: готовит встречи, лекции, открывает новые издания и учебные заведения. Ее рассказ Аарону перемежается жалобами: больной муж, его смерть, свои болезни, усталость. Понятно, что работой на пределе Эсфирь вытесняет отчая-

¹⁶ Цит. по: С. Дубнов. Книга жизни. Воспоминания и размышления. Материалы для истории моего времени. Вступ. статья и комментарии В. Е. Кельнера. С.-Петербург. 1998. С. 420.

¹⁷ А. Штейнберг в своих работах о С. Дубнове подчеркивал именно эту черту его личности: «Simon Dubnow – The Master and his Work» на неделе еврейской книги в Британском Отделении ВЕКа. World Jewry. British Section Record. 1961 vol. 4 # 29 March–April; Aaron Steinberg. Simon Dubnow: The Man and His Work. См. ст. Б. Акци-на: «Демократия в Израиле в опасности?» – о деле Лавона в № 3 того же журнала.

¹⁸ Ида Ефимовна Дубнова умерла 23 января 1934 г.

ние. Окружающие поражаются ее энергии, иногда осуждают за гиперактивность. Племянник Аля Эльяшев сомневается, что тете удастся изменить атмосферу провинциальности города. Однако в истории еврейского просвещения независимой Литвы имя Эстер Эльяшевой-Гурлянд сохранилось.

Залман-Барух Рабинков (1882–1941)¹⁹ – домашний учитель братьев по еврейским дисциплинам – по-своему вел их к программе универсальности. Окончив самую «прогрессивную» литовскую ешиву Тельшино, он решил не жениться, а продолжить образование. В 1908 г. начал посещать лекции по философии, праву и социологии Гейдельбергского университета. Из всех ценностей жизни Рабинков выше всего ценил самостоятельность мысли²⁰, его система преподавания была основана на индивидуальном подходе к личности ученика. Когда во время войны Аарону удалось выехать из Раппенау для встречи с учителем, по возвращении он записал в дневнике, что пережил «то особое, ведомое мне с раннего юношества чувство беспредельных во мне возможностей, ту возвышающую готовность меряться с кем угодно, то почти физическое ощущение крылатости и силы духа...»²¹. В 20-е гг. Рабинков стал известен как талантливый преподаватель Талмуда.

В середине 30-е гг. уроков нет, Рабинков ищет работу, от места преподавателя Талмуда в университете Франкфурта отказывается. Бывшие ученики зовут его в Америку, но туда нужны гарантии. Палестина отпугивает провинциальностью. Пока он в Голландии, там же остается и в начале войны и даже женится. Письма братьям пишутся на четырех языках: по-русски – на языке личного общения, на идише – языке детства и иронии, на иврите – языке мудрости и по-немецки, языке европейской культуры. 28 мая 1941 г., после операции, Рабинков умирает, а все разъехавшиеся по миру ученики – будто из одного класса – начинают готовить «Книгу памяти», и самый активный из них – философ и психолог Эрих Фромм, которого когда-то учитель благословил оставить иудаизм ради науки.

Исаак Липман Донской (1898–1938) – двоюродный брат Аарона со стороны отца – еще один его корреспондент. Доктор философии Берлинского университета, переводчик, он владел 12-ю языками, изучал международное право в Лондоне, редактировал журнал «Мысль

¹⁹ Н. Портнова. «Господин Рабинков». Лехаим. 2010. № 1.

²⁰ См. Проза философа. С. 213.

²¹ Дневники. С. 82–83.

и жизнь» на идише, по-литовски писал в «Логос», на идише – во «Фрайе ворт» и «Фрайе шрифтен», перевел на немецкий язык «Насилие и террор в революции» И.-Н. Штейнберга. Донской приводил в восхищение слушателей его лекций в ковенском College YIVO²². Он глубокомыслен и эмоционален; о «частичном разномыслии» с Аароном пишет просто и свободно, нежен к жене, заботлив по отношению к родне, в том числе, к тете Елене. И. Донской не успел реализовать свой потенциал²³ (попытки занять место приват-доцента в Вильнюсском университете окончились неудачей). Как многие еврейские интеллигенты, он мечтал устроиться в Лондоне, но по пути на Конгресс еврейских регионалистов, проходившем в британской столице, заболел и умер в Париже²⁴.

Семен (1893–1979) и **Фанни** (1893–1999) **Капланы** давно знакомы с А. Штейнбергом, оба – из Гейдельберга. Семен учился с ним на факультете философии. Потом были берлинские кружки. В 30-е гг. в поисках убежища они металась по Европе. В Праге у Фанни нашлась кое-какая работа по статистике; Семен пытался устроиться в Париже, обращался даже к кино-бизнесу. Но в их письмах нет отчаяния, есть постоянное движение: изучение языка, чтение, наблюдения над людьми. Семен дает политические оценки России и Европе, а Фанни формулирует личностные изменения: беженство – «пересадка в пути». В эти годы простой обмен приветами, не говоря о встречах с друзьями, дает поддержку: жизнь продолжается.

В ближнем кругу А. Штейнберга были не только занимавшиеся научной работой и журналистикой, но и поверившие в политическую идею, связавшие себя с нею, временно или навсегда.

Уже в детстве было видна разница между братьями Штейнбергами: Аароном и старшим Ицхаком-Нахманом²⁵: старший быстро находил решение и начинал его исполнять, младший задерживался, обду-

²² Аарон писал в мемуарах: «Позднее в нашей «академии» появился мой двоюродный брат Донской, человек с громадной эрудицией, философ, учившийся в нескольких университетах и имевший несколько дипломов [...]. Его особенно любил Лев Платонович [Карсавин]». — ЛА.

²³ Статья И. Донского 1934 г. «Truth and Modern Dictatorship» отличается поразительной актуальностью: Cambridge University Press. Royal Institute Vol. 23. 12.2012.

²⁴ На могильной плите (парижское кладбище de Bagneux) надпись: «Isaac Donsky – Docteur en Philosophie, de Kaunas (Lithuanie). Dévoué jusqu'à son dernier souffle, à sa science, à son Dieu, à son peuple. Décédé le 30 Décembre 1938 à l'âge de 40 ans» («Был предан до последнего вздоха своей науке, своему Богу, своему народу»). Благодарю Вилиуса Дрансейку за предоставленную информацию.

²⁵ Аарон Штейнберг. Проза философа. С. 7.

мывал ситуацию со всех сторон. Исаак был убежден, что зло надо искоренять собственными руками. Доктор юриспруденции и лидер лево-эсеровской партии, он стал наркомом юстиции в первом ленинском правительстве (1917–1918), а после эсеровского процесса, в эмиграции – представителем партии в международном Венском Интернационале. Издатель, журналист, писатель и ученый одновременно²⁶, он писал брату откровенно и глубоко. Первые письма 1934–1935 гг. – об их совместной научной и просветительской работе; с конца 1935 г. в качестве эмиссара «Лиги свободных стран» («Фрайланд Лига»)²⁷ Исаак ищет пустующие земли в Южной Африке для спасения тех евреев, которые не смогут уехать в Палестину. Он полностью погрузился в жизнь незнакомой страны: ездил, уговаривал, был неутомимым, «как беспокойный мотор». Его письма похожи на отчеты: «обо всем хотелось бы тебе рассказать». При этом Исаак продолжает и прежнюю работу, сердится на пассивность культурных центров. Аарон не верит в политические проекты брата. Их расхождения нужно обсудить по возвращении Исаака в Лондон. То была первая экспедиция, не удавшаяся, как и последующие²⁸. Но масштаб его героизма и личного вклада в спасение народа поражал, В. Жаботинский называл Ицхака Штейнберга «австралийским Герцлем»²⁹.

Последовательно и упорно участвовали в реализации главного политического проекта двоюродные братья Аарона **Мордехай и Шмуэль Фридманы**, такие же романтики, как Исаак, но не герои-одиночки. **Мордехай Фридман** (1898–1977) познакомился с сионизмом на родине, участвуя в молодежной организации «Прахой Цион» («Цветы Сиона»). В 1930 г. он уехал в Палестину. В то время, как его родственники в Европе занимались наукой и журналистикой, он – учитель в маленьком молодежном поселении – начинал жизнь сначала: писал учебники на иврите, готовил пособия и в то же время выплачивал долги, дежурил по ночам в народной полиции в годы «арабского восста-

²⁶ Его книги – исповеди: «От февраля по октябрь 1917 г.», «Когда я был наркомом», «Дантово и Робеспьерово начало в революции», «Нравственный лик революции», «Австралия – Необетованная земля» и пр.

²⁷ Михл Янкинский. Ицхок-Нахман Штейнберг и территориализм. Русские евреи в Зарубежье. Иерусалим. 1998. 1(6).

²⁸ И. Штейнберг ездил в Эквадор (1935), Анголу (1938), Австралию (1938–1944) и Суринам (1948).

²⁹ Jabotinsky V. The Jewish War Front. London, 1940. P. 143. Об этом см.: Н. Портнова. Вторая жизнь ленинского министра или австралийский доктор Герцль». Лехаим. 2011. Июнь.

ния» 1936–1939 гг. и т. д. «Мака» пишет подробно и обо всем: о политике, о людях, о жене и детях, о здоровье и климате. Его включенность в общее дело («положение тяжелое, и кто знает, что еще нам предстоит») самое полное, он радуется каждому достижению нового ишува. Письма тоже похожи на отчет: авторитет брата-философа непререкаем. Одно время, когда Аарон не был уверен в перспективах своего устройства в Лондоне, он подумывал о Палестине. Это стало известно Мордехаю, и в каждом письме он задавал один и тот же вопрос: когда же ты (или Исаак) присоединишься к нам? «...ты бы здесь занял почетное место в области культуртрегерства». Но далекое восточное поселение по своим возможностям не могло сравниться с британской столицей. Идеи же сионизма, не решающие главные задачи мирового еврейства, А. Штейнберг не разделял. В постоянных призывах Маки, с одной стороны, была тяга к родным, которую ощущали многие «палестинцы» (мать братьев Фридманов Соня тосковала по сестрам до истерики), с другой, проявлялась новая национальная идентичность.

Письма его брата **Шмуэля Фридмана** (1899–1955), тоже связавшего себя с сионистской идеей, иные: лаконичные и только по делу. Шмуэль много учился: в Московском, Киевском и Харьковском университетах, получил диплом доктора международного права в Тулузе. Он рано начал печататься: в русской «Еврейской жизни», в «Идише штиме», «Ди ворт», «Ди трибуне», «Ди нойе цайт»; писал на темы эмиграции, национально-еврейской автономии в Литве, литературы. Взгляды Шмуэля близки социалистам-сионистам «Цеирей-Цион».

Первые его письма 20-х гг. из Ковно и Парижа – общения издателя, критика, литератора вообще – о совместной с Аароном работе над изданием Собрания сочинений Баал-Махшовеса. Поклонник музеев и библиотек предан именно такому просвещению народа. В 1934 г. он тоже уехал в Палестину; здесь, как многие прибывшие интеллигенты, он начал с работы в профсоюзной организации, Гистадруте, стал членом ЦК «Ха-Поэль-Ха-Цаир» («Молодой рабочий»), считая необходимым «обычное и политическое воспитание тех тысяч новых людей», которые приедут. При этом Шмуэль не забывал о международном праве и готовился к дипломатической работе.

Хотя многие корреспонденты оставляли послания Штейнберга у себя, как это бывает обычно, и хранящийся в архиве письменный диалог оказался неполон, та система философского цельности челове-

ка, которая пронизывала очерки, эссе, исследования Штейнберга, так или иначе проникала в письма его корреспондентов-современников. Так, в письмах Дубнова, сквозь кружок которого 20-х гг. прошли оба брата и после отъезда которого в Ригу они остались сами исполняя общее дело. И. Донской спорит и свободен. Доверие и энергия учителя Рабинкова – в африканских письмах Исаака; открытость и национальный пафос – в посланиях Мордехая.

Всем друзьям, участникам довоенного еврейского ренессанса, Аарон Штейнберг мог бы сказать то, что он написал брату в 1940 г.: «Чувство у меня такое, что мы с разных концов делаем одно и то же большое дело, каждый по мере своих сил и возможностей». В общем довоенная жизнь философа, при всей изменчивости обстоятельств, прошла проверку на цельность.

II. 1940–1975 гг.

Продолжение и обновление. За военные годы многое изменилось. Прежде всего, сократились семья и круг друзей (погибли мать, С. Дубнов, З. Рабинков, Э. Эльяшева-Гурлянд и др.). Европейское еврейство потеряло свою аутентичность (в том числе, языковую). Чему теперь учить, на каком языке, к чему призывать? Письменное общение Штейнберга расширилось, он не только остается связующим звеном для бывших друзей и знакомых из разных стран, но может влиять на общины как глава Департамента культуры ВЕКа и его представитель в ЮНЕСКО. Спасти остатки еврейской культуры – значит доказать существование неубитого народа. Работая очень много, Штейнберг не становится чиновником, но вписывает общественную работу в свое личностное пространство, в обновленную идентичность.

Общение с психиатром и философом-неокантианцем **Карлом Ясперсом** (1883–1969) началось в университетские годы. Философия была тогда у Штейнберга кодексом чести, психиатрия располагалась ниже, и он расходился с известным европейским ученым. Вместе с тем, среди рекомендаций, написанных философами для издания книги о Достоевском на немецком языке, был и отзыв К. Яспера: «Важный шаг в историческом опыте познания образа Достоевского». В конце жизни он повторял свою высокую оценку. Его жена Гертруда пишет Аарону в традиции общих воспоминаний. «Между ними и нами

вырос уже целый мир, и мы намного лучше понимаем теперь, что двигало Вами тогда». Аарон подхватывает «намек», поворачивая их к своей излюбленной теме духовной цельности человека. В 50–60 е гг. открытия Ясперса полнее входят в его сознание, о нем записывается в дневнике, о неугасшей связи с радостью сообщается друзьям: «Мне вообще совестно, что он проявляет так много «экзистенциализма» в отношении воскресшего для него обломка столь далекого прошлого» (Капланам. 23.9.1969 г.). В письме-некрологе вдове Гертруде Штейнберг подчеркивал: «я выверил свой курс по жизни и творчеству Вашего супруга». И еще раз, имея в виду учение Ясперса об «осевом времени», подкрепляет в многозначительной подписи: «Ваш, с тех давних времен в Гейдельберге Аарон». Все жанры высказывания едины – показатели «живой жизни»: через несколько лет Штейнберг вспомнил об этой человеческой и научной непрерывности в мемуарах³⁰ и в письмах: «Все на чем-то сходились, хотя во многом держались исключительно своего». 1974.

Особый характер имели встречи и переписка с **Исайей Берлиным** (1909–1999), историком идей, «великим учителем»³¹ и «великим плюралистом». У них было много общего: немецкое образование, русская культура, еврейство; но были и отличия: у Исайи – английское воспитание, принятие сионизма, неприятие экзистенциализма, скептицизм. Оксфордский друг Аарона не верил в абсолютное единство мира и в «здоровые ценности цивилизованного компромисса»³², считая, что «ни одна попытка подобрать „ключ“ к истории пока не удалась»³³. Их письменный обмен на двух языках – мост между встречами, легок и приятен. Дважды в сохранившейся переписке обнаружили расхождения. В первый раз Исайя деликатно отказался участвовать в новом еврейском издании: он не сужал себя национальной сферой культуры. Во второй, когда, поздравляя Исайю с присвоением титула сэра, Аарон увидел в этом доказательство единства судьбы друга, «потомственного дворянина по еврейской линии». Берлин не любил патетику: «это довольно смешно. Хасид – рижский еврей – сионист и т. д. – и вдруг «рыцарь»! Разные, они дополняли друг друга, ничего не навязывая и не конфликтуя.

³⁰ ЛА. С. 126.

³¹ Роджер Хаусхиер. Портрет сэра Исайи Берлина. Евреи в культуре Русского Зарубежья. Том IV. 1939–1960. Иерусалим. 1995. С. 135.

³² Там же. С. 139.

³³ Исайя Берлин. Философия свободы. Европа. НЛО. М. 2001. С.31.

С философом-экзистенциалистом **Мartiном Бубером** (1878–1965) жизнь то соединяла Штейнберга, то разделяла. Когда-то у проф. Франкфуртского ун-та он просил работу для З. Рабинкова, печатался в его журнале «Der Jüde». Сионистская идея была для Бубера спасительной. Приехав в Палестину в 1938 г., он принял страну сразу: «Воздух этой страны делает нас мудрее». К намерению профессора социологии Еврейского университета сблизить иудаизм с сионизмом Штейнберг относился прохладно, но тема диалога иудаизма с христианством (которую поднял М. Бубер в Иерусалиме) привлекала его постоянно. Они тоже были разными и близкими. Теперь Штейнберг искал у Бубера затерявшуюся рукопись З. Рабинкова; в конце концов, она нашлась, и оба рады. Чему же? Найденная рукопись незабвенного для обоих «г-на Рабинкова» – доказательство непрерывности интеллектуальной традиции.

Шнеур Залман Рубашов (1889–1974) – политик, публицист, историк, из числа самых образованных сионистов, учился в трех университетах Германии, с Штейнбергом они дружили в берлинские годы; в 1963 г. стал третьим президентом Израиля. Выбранное нами письмо философу – ответ на присланную им книгу о С. Дубнове³⁴. Письмо на официальном бланке, на высоком иврите, но далеко от официального послания. В нем – лаконичная оценка и автора книги, и их общего учителя, сочинения которого старый друг «переводил и распространял». Вы «преодолели языковые и географические расстояния», «пытались бороться с фактором времени». Благодарность включает философский посыл – живо довоенное время, когда они были вместе.

Эммануил Райс (1909–1981) – талантливый эссеист, переводчик, критик и оратор³⁵ – пребывал в вечных исканиях. То он марксист, то отчаянный антисоветчик, христианин и одновременно поклонник еврейской культуры. В 60-е гг. Райс – поклонник украинской литературы, которую нужно распространить на Западе... Его возмущает закрытость иудаизма, самоуверенность евреев и т. д., но Аарон Штейнберг – образец последовательности и цельности, человек, давно ре-

³⁴ Simon Dubnow. L'homme et son oeuvre. Steinberg, Aaron [Ed.]. Paris. 1963.

³⁵ Э. Райса называли «красочным явлением» парижской эмиграции. См.: Э. Райс. Под глухими небесами. Из дневников, 1938–1941 гг. Международное Литературное Содружество. Нью-Йорк. 1967 (https://vtoraya-literatura.com/publ_1907.html). Познакомились с Штейнбергом в 1960 г., когда тот приезжал в Париж по делам ЮНЕСКО. См.: Н. Портнова. Патриот никакой национальности. Письма Эммануила Райса к Аарону Штейнбергу. Лехаим. 2013. № 9.

шивший для себя все проблемы. Как это ему удастся?³⁶ Э. Райс мечтает о встрече. Наконец, во время приезда Штейнберга в Париж по делам ЮНЕСКО, она состоялась. Но ее итоги были довольно грустными. Штейнберг не может принять ни христианства еврея, ни искания им какой-то «глубинной духовности», ради которой стоит отказаться от национальной идентичности³⁷. По-детски обидчивый, Райс написал полный список своих претензий – адресат испещрил письмо вопросами и восклицаниями. Дружба не состоялась; талантливый эссеист остался непонятым.

Софья Семеновна Дубнова-Эрлих³⁸ (1885–1986) ценила в Аароне Штейнберге прежде всего близкого друга семьи. Особенно в 1961 г., когда ВЕК отмечает столетие со дня рождения историка: «я все эти последние месяцы чувствую себя членом Вашей семьи». Софья уже написала биографию отца³⁹, она руководствовалась, как учил ее отец, историческими событиями. Эмигрантка в Америке, она верит, что Россия еще жива, прошлое не умирает, добро побеждает и т. д. Главное, что хочется ей сказать: разделенные временем и пространством, мы вместе. Это чувство помогает найти общую точку опоры: «Так нуждаемся мы в ощущении дружеской близости, мы, «дети страшных лет» не только России, но и всего мира». Кажется, что они говорят об одном и том же, но это не совсем так. Софья имеет в виду психологическую близость; Аарон не просто погружается в прошлое, но переживает саму *идею* непрерывности.

Мордехай Эльяшив пишет брату так же часто, как и до войны. Государство, работа, дети – у него есть настоящее предназначение. После образования государства убежденность в победе общего дела еще более крепка. Мака продолжает звать Аарона: как можно еврею жить не здесь... Но тот, не соглашаясь по-прежнему с сионизмом теоретически, как глава Департамента культуры ВЕКА тесно связан с Из-

³⁶ См.: Владимир Беллуос Вольфила. Книга вторая. Хроника. Портреты. М. 2005. С. 583

³⁷ «Элемент субстанциональный – еврейское религиозное сознание в оболочке русской стихии, европейской атмосферы, на фоне всемирности и в потоке всечеловеческого движения. Это – ядро. Если бы оно разложилось, это был бы и духовный, и физический конец». А. З. Штейнберг. Дневник. С. 128.

³⁸ Эрлих Генрих Моисеевич (1882–1942), зять С. Дубнова; один из лидеров Бунда, оказался в советской зоне оккупации; покончил с собой в тюрьме.

³⁹ С. Дубнова-Эрлих. Жизнь и творчество С. М. Дубнова. Нью-Йорк. Комитет им. С. М. Дубнова, 1950.

раилем практически: приезжает на конференции, инициирует журналы, читает лекции и... не спорит.

Его брат **Шмуэль**, как и прежде, пишет редко и очень конкретно. Он продолжает литературную работу, публикует «Очерки о новой советской литературе» и т. д. В 1948–1950 гг. становится директором Восточно-Европейского отдела Министерства иностранных дел; потом – консулом в Праге и Будапеште, членом делегации Израиля в ООН, а в 1951–1953 гг. – послом Израиля в СССР. Это был очень трудный период: его неизменно сопровождала советская агентура (о чем он не был в неведении⁴⁰), в 1953 г. в присутствии Шмуэля Эльяшива провозглашен разрыв дипломатических отношений между странами. Вернувшись в Израиль, он вскоре тяжело заболел.

Переписка между братьями происходит теперь в контексте развивающейся в Израиле традиции памяти: индивидуальная и семейная, она становится национальной. Мордехай добился увековечения имени брата в названии улицы (Холона) и в книге Памяти⁴¹; Аарон пишет для нее очерк⁴². Оба принимают участие в коллективном сборнике на идише «Литва».

III. Философия и (или) любовь

Переписка с С. В. Розенблатт (Штейнберг) вносит неоднозначность в историю личной жизни философа. В юности А. Штейнберг уверил себя, что земная любовь и брак могут помешать его предназна-

⁴⁰ См.: Обстановку в Москве Шмуэль описывал в телеграмме МИДУ Израиля: «В кануне еврейского Нового года и в два праздничных дня посетили синагогу. Как всегда, тысячи молящихся в огромной скученности, среди которых множество молодых. Вокруг нас атмосфера напряженности, страх приблизиться, отдельные попытки обменяться репликами. Двоим удалось передать нам записки с важной информацией о положении евреев. Шпионы внутри синагоги следили за каждым нашим шагом». Об одном эпизоде дипломатической работы Ш. Эльяшива Зам. Министра ГБ СССР генерал-лейтенант Л. Ф. Цанава докладывал в спецсообщении «О подставе нашего агента представителям миссии Израйля Эльяшиву и Аргаману и членам команды израильского парохода «Римон» в г. Одесса». 14 января 1952 г. «Узнав, что Эльяшив и Аргаман ведут беседы на древнееврейском языке, Знаток на том же языке обратился к ним с вопросом, не являются ли они гражданами государства Израиль. Э. и А. проявили интерес к Агенту и спросили, кто он...». <https://3xop.org/items/show/54>.

⁴¹ Шмуэль Эльяшив. Тель-Авив. 1974 (*иврит*).

⁴² Штейнберг подготовил очерк и на русском языке: А. Штейнберг. Мой двоюродный брат Самуил (из семейной хроники). Проза философа. С. 185–194.

чению, что его «Прекрасной Дамой» является философия, только она. Но в 1912–1913 гг., он увлекся своей тетей Эстер Эльяшевой⁴³, и временами был уверен в своих чувствах: «Мой нежный и необыкновенный роман открыл мне целый мир сказочных увлечений... (17.IX.12): я знаю: одному человеку я мог бы составить счастье на всю жизнь»⁴⁴. Но максимализм, преданность «могучему» большому делу⁴⁵ побеждали. То было влияние не только немецкой философии, но и русского Серебряного века. В Петрограде научный секретарь Вольфилы вел себя как «друг женщин»⁴⁶, окруженный поклонницами, которых привлекали его ум, образованность и прекрасная манера общения. Александра Векслер стала на всю жизнь жертвой своей безответной любви. Софья Розенблат (1885–1966), работала с Аароном в научно-теоретической секции ТОО Наркомпроса. В архиве хранится листок, переписанный рукой Штейнберга: «Есть записка Исидора (Д-р Эльяшева) якобы от 1903 г., написанная здесь по поводу г-жи Беккер, урожд. Розенблат из Ковно».

«У этой девушки глаза цвета незабудки. Грустный наклон головы. Плечи с изгибом покорности. Походка несвободно решительная. Голос трезвых рассудительных оттенков. Красивые материнские руки. Смех под сурдинку с пламенными нотками. Смесь грусти и рассудительности, печали беспричинной с трезвостью. Будет премилой матерью в рамках меланхолии еврейской женщины. Судьба ее в ней, не в том муже, которого получит» [подч. А. Ш. – Н. П.].

Как складывались их отношения? Покинув Сов<етскую> Россию в конце 1922 г., Штейнберг некоторое время провел в привычном для работы и тихом Гейдельберге, пытаясь представить свое будущее в эмиграции⁴⁷. Соня уже в Берлине, он пишет ей бодрые и шуточные письма, в которых прозаические детали соединяются с игрой: поэмой «Повесть 27 лун», «единственной читательницей которой будет Со-нюрка. Прими скромный дар от любящего тебя А.». Трудолюбивая

⁴³ См. Н. Портнова. «Любовь и национальная работа». Букник. 11 июня. 2014.

⁴⁴ Дневники. С. 70.

⁴⁵ Дневники. С. 55.

⁴⁶ В вольфильском фольклоре была шуточная поэма К. Эрберга на эту тему: «Как бы ни было, плененный / И системою прельщенный, / Дух его не хочет воли, /Хоть влюбился бы он, что ли!» Белоус. 2. С. 745. И в приписке: «Тоже людоед: поедает сердца, преимущественно женские. С. 754.

⁴⁷ Он вообще любил разделяться на лица: «Толпа моих друзей: тот хороший черный 15-летний мальчик, и Heidelberg'ский лирик, и римский гордец, и друг женщин, и серьезный студент, – всех их провожаю улыбкой...». Дневник. 22.2.1912.

и ответственная Соня – его верная помощница⁴⁸. В Берлине они встречаются ежедневно, и Штейнберг записывал в дневнике полускрытно: «с С. в кафе».

В конце 1934 г. Штейнбергу удалось уехать в Лондон, а Соня осталась в Берлине одна. Сонюра – незаменимый помощник: «Когда Вы будете здесь, наверное, проще будет: теперь я должен иногда тратить время на вещи, в которых Вы могли бы меня заменить» 1.3.35. И вообще ее необходимо спасти. Но получить постоянную визу для Сони можно только в качестве его жены. Аарон объясняет противоречие: «моя женитьба сделает невозможным для меня когда-либо выступить инициатором того дела, которое мне представляется». Значит – фиктивный брак. Соня берет решение на себя, как и писал дядя. («Судьба ее в ней...»); 4 апреля 1935 г. состоялось бракосочетание. Своей близкой знакомой Марте Нотман Аарон писал 1.5.1935 «Новоиспеченная фрау [...] на брак смотрит так же, как и я». Как этот дружеский «союз» стал счастливым браком, и насколько счастливым, мы не знаем. Судя по письмам, отношения супругов идеальны; родные и друзья почитают Софью Владимировну; ее письма полны любви, заботы и бесконечной нежности. Во время расставаний они пишут друг другу дважды в день, не считая телеграмм и открыток, внимательно отслеживают движение почты. Аарон сообщает о своем настроении, малейших недомоганиях, условиях проживания в отеле, виде из окна, о погоде... Соня не сообщает о себе почти ничего, только – о выполненных поручениях и знакомых. Из отзыва о лекции Коэна видно, насколько она может быть самостоятельна в суждениях. Сонюра не терпит толпы (а ее муж всегда с людьми). В марте 1966 г. оба, почти одновременно заболели. Соня в тревоге, неожиданно она умирает. Может быть, она устроила свой конец из страха пережить его? – думает Аарон. Штейнберг выносит свою боль близким друзьям и «продлевает» общение с Сонюрой в письмах ей. В этом сочинении-исповеди сходятся разные виды рефлексии: диалог, исповедь, дневник, литературный источник (реминисценция из «Кроткой» Достоевского). Соня унесла тайну с собой, но приговор висит в воздухе, моральный приоритет за ней⁴⁹. Литературный эпилог их отношений – настоящий «до-

⁴⁸ «...я также перевел, с помощью мисс Софьи Розенблатт, нынешней моей жены, с русского оригинала на немецкий 10 томов Всемирной истории еврейского народа С. М. Дубнова». Из Автобиографии (англ.). Лондон. 20.10.1949. Вох VIII.

⁴⁹ Рукопись в отдельном блокноте при жизни автора осталась неопубликованной. См.: Letters to Mrs S. Steinberg after her death on 18.III. 1966. А. З. Штейнберг. Проза

стоевский» роман. Уверен ли Штейнберг в том, что в интимной части своей жизни он прошел экзамен на цельность? Думается, что нет, недаром в последних дневниковых записях так много раскаяния.

Но при этом, совершая необходимую философу авторефлексии, А. Штейнберг убеждался еще раз сам (и собирался убедить других), что познание личности бесконечно.

IV. Дружба: переписка экзистенциалиста

Переписка с Семеном и Фанни Капланами – достойна отдельного рассмотрения. Никто из широкого окружения Штейнберга не писал таких исчерпывающих, тесно друг с другом связанных и необходимых обеим сторонам посланий. Они это чувствовали: в последний год жизни Аарона Фанни предложила объединить письма⁵⁰.

В 40-е годы Капланы уже нашли стабильность, работая в Аннаполисе, США. Семен преподает философию в College St. John's; его жена там же библиотекарь. Войдя в новый мир («Я многому учусь», – пишет Семен), они стараются не потерять старые связи. «То, что позади, такое далекое и как будто из другой жизни, вдруг приобретает полную реальность...». Аарон с коллегой обсуждают профессиональные и политические вопросы. Семен не согласен с суждением друга «об органической непрерывности в России»; на самом деле революция не решила ни одного вопроса, «власти удалось растлить» русского человека. Штейнберг исходил из философской идеи; С. Каплан – из фактов.

О своем экзистенциализме он знал еще в 1921 г., согласно мемуарам, но то была еще идея, а теперь она стала жизнью. При встречах и почтовых конвертах – поцелуи, творчество, поучения. В письмах несколько уровней. Главный внешний сюжет – «литературная работа» Аарона, Фанни помогает материалом, присылает новые издания, вырезки из газет. Она горячо поддерживает работу над мемуарами, дает нетривиальные собственные оценки: «через портреты ты выявишь соборный дух того времени... и т. д.». Уверенная в заслугах Штейнберга

философа. С. 258–277.

⁵⁰ В письме 1 мая 1975 г. Фанни Каплан пишет: «Я уйду из этого мира, не оставив следа, кроме как в сердцах немногих, меня знавших. У тебя же следы будут тянуться и, зная человеческую природу, найдутся люди, которые займутся выяснением всех сторон твоей жизни». Вох XIV–XIVa.

как исследователя Достоевского⁵¹, она случайно, как бы на ходу, задает ему вопрос об отношении к популярной книге М. Бахтина⁵². Ответ разъясняет проблему, которую до сих пор решает литературоведение⁵³.

В 60-е гг. собственная ответственность Штейнберга за проповедуемые им идеи всё еще актуальна. «...я занят исповедью, покаянием, «возвращением» к грехам прошлого... и вижу – путь все время был прямой, как струнка». Он демонстрировал друзьям, как происходит процесс «существования»⁵⁴. Понятия, которые должны связывать отдельные сюжеты и моменты такого видения, – выражаются у него двумя лексемами: *продолжение* и *возвращение*. Все совпадения, повторения, встречи, внезапные воспоминания – акты закона непрерывности – «моей 25-летней работы», «переписки», «истории», «культурной политики», «монолога» и т. д. «Жду продолжения», – пишет он на листе бумаги, и это звучит универсально. Продолжение беседы даст понимание «сути»⁵⁵, «доверие к потенциалу мудрости, кроющемуся в любом из смертных». Человеку важно помнить⁵⁶ и учитывать все происходящее: что А. Белый сказал о А. Блоке, что сам он подумал, получив письмо из Аннаполиса, почему не прочел его сразу, какую главу читают на этой неделе в синагогах и т. д. Настоящее непременно

⁵¹ Например: «Это только «справедливо», чтобы твоя книга о Д[остоевском] вошла в русскую литературу о нем. О ней никто из последующих авторов в России не упоминал, но нет никакого сомнения, что лучшая из тамошних книг о Д. – книга Бахтина, вышедшая в 1929 г., написана под влиянием твоей книги, и даже сильным». 21. VI. 1973.

⁵² См. письмо от 14 апреля 1965.

⁵³ См. Белоус В. Г. О пересечении «параллельных линий». М. М. Бахтин и А. З. Штейнберг. Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1994. № 4. С. 105–106; Л. Н. Столович. М. М. Бахтин и А. З. Штейнберг: Бахтин повторил или Штейнберг предвосхитил? М. М. Бахтин в контексте русской культуры XX века. Диалог. Карнавал. Хронотоп. М.: Языки русской культуры, 2000.

⁵⁴ Философ-экзистенциалист М. Мамардашвили (1930–1990), говорил в своих лекциях о «радости мысли», ее «событийности», о том, что «непроизвольное воспоминание связано с новизной извлеченного понимания», что «повторение происходит на онтологическом уровне вечной новизны бытия» – именно как идеи. «Бытие – это то, чего никогда не было и никогда не будет, а есть сейчас». https://emosurf.com/post/6535/Merab_Mamardashvili_O_zhizni.html

⁵⁵ Еще раньше А. Штейнберг определял задачу философа так: «Видеть ядро и вещи, прежде всего, людей, историю, культуру – сквозь разъединяющую призму пространства – в этом суть того искусства, которому учит Философия. Оттого-то я люблю ее с юношеских лет. А. З. Штейнберг. 15.X.1940. Дневники. С. 121.

⁵⁶ Доверие к собственной памяти не значило, что иногда она его не подводила: см. Комментарии в ЛА.

связывается с прошлым – будничные действия становятся сакральными. При этом и банальная в письмах тема здоровья понимается как духовная сила: «надо, чтобы мы были здоровы – все! Тогда удастся и мои вопросы перечислить. Не унывайте»⁵⁷.

Это и есть «живая» жизнь, которую человек, как в Творении, сотворяет каждый день.

Письма печатаются с сохранением авторского языка и стиля. Иврит и идиш транслитерированы латиницей.

Приношу сердечную благодарность за помощь в работе: Дану Харуву, Вениамину Лукину, Марии Гробман, Анастасии Глазановой, Марку Шраберман, Валентине Брио, Марине Левитас, Вилиусу Дрансейке, Эмме Чудновской, Леониду Ройтману.

Н. Портнова

⁵⁷ Письма последнего времени Капланам становятся все более похожими на его дневники. А. З. Штейнберг. Дневники (1919–1971). Ф. М. Достоевский. С. 183–200.

20–30-е гг.

И. Исидор Эльяшев – Аарону Штейнбергу

Из письма Э. Эльяшевой-Гурлянд

Петроград–Раппенау

30.12. 1915. почт. штемпель: 25.1.1916

Дорогой Арон! Все время справляюсь о твоём здоровье. Верю, что не погибнешь, каковы бы ни были обстоятельства¹. Я служу в Земском союзе в Костромской губернии. Веду [госпиталем] для раненых. Здоров, не весел, не радостен. От времени до времени кое-что пишу и печатаю. Мой адрес: Нерехта, Костромской губ.

Целует тебя дядя Исидор.

И. З. Эльяшев

¹ В том же тоне писала ему Эсфирь: «Будь здоров, учись и мысли, а главное – продолжай сохранять ясность и спокойствие души. Благословляет тебя твоя тетя Эсфирь Гурлянд».

II. Елена Штейнберг

1. Е. Штейнберг – И. и А. Штейнбергам

Ковно – Лондон.

11. 6. 1934

идиши

Мои дорогие дети, Нюта, Эсфирь¹, с вашей молодежью! Я вам писала вчера. Хочу верить, что получу от вас лучшие сведения относительно Нюты и Ароши. Я прошу Аниуту и Арошу писать мне лично. Как ваше состояние, как с головокружением Нюты, можно ли надеяться, что ты отдыхаешь, все еще поправится с Б<ожьей> помощью. Лишь бы ты, Нютечка, себя пощадила! Я хочу знать, кто доктор, который вас смотрел. Наш Исаак знает ли его? И кто будет лечить Арона, я прошу, чтобы доктор сделал рентгеновские анализы и здоровых зубов не трогал. Со мною тоже сделали снимок и оставили те зубы, которые не поражены. Делайте это ради меня.

Касательно требуемой суммы, Соня сегодня пошлет, она очень волнуется, и Шмера мне сказал, что постарается, чем скорее получите для вас. Ты, милый Исаак, посчитай, сколько вам требуется для излечения и поездки Аниуты на поправку. Я же со своей стороны сделаю все, что только возможно, лишь бы вы поправились.

Исаак, я получила «Dos Fraye Wort» № 17 , и многие обещают поддержать «твой» журнал, и тетя Соня тоже берет участие, но пока получишь от твоего журнала, нужно будет все делать, чтобы вы поправились.

Целую вас всех и моих внучат и прошу мне ответить воздушной почтой, что у вас происходит. Ваша Мама.

¹ Анна Штейнберг – жена Ицхака; Эсфирь – ее сестра

2. Е. Штейнберг – Штейнбергам

Ковно 4. 7. 1934

Дорогие мои Анюта, Исаак, Аарон, Эсфирь и милые детки, шалом и Браха!

Ваши письма от 29/6 – прямо подарок Всевышнего. Рада я, что ты, дорогая Нюта, уже собираешься отдохнуть, и другой, Арон, тоже по дороге выздоровления, и наши добрые коллеги, которые страдали со мной вместе, «Исаак и Маруся»², тоже вздохнули и всей душой Вам посылают свой привет и требуют не смей больше болеть.

Одно отдельно: тетя Соня, я не поняла, откуда она берет, что я мешала им высылать денег. Я только просила об одном: послать Вам сколько только возможно. Теперь Соня выезжает в Колотово. Я еще должна принимать ванны 20 раз, потому что тоже поеду на дачу. Алика Соня просила приехать на дачу.

Я прошу Вас не писать на мой адрес о полученных деньгах, ведь мне не удастся Вам высылать через Шмеру ни одного сента. Также не вспоминать 81 фунтов, что ты, Исаак, получил перед Ханукой из Вильно. Я обещаю, что в августе месяце тоже получите некоторую сумму из Вильно. Мне следует, кроме денег от домов, еще деньги, что я лично одолжила семье М. «Zichronot le bracha»³, и возможно, что они об этом помнят.

Мои дела здесь я остановила, потому что будем отдыхать и поправляться. Я лично здесь получила от старика Аронсона⁴ письмо, где он просит ему написать мою прошлую жизнь. Я это сделаю. Но Соня не хочет, чтобы я с ним дружила. Так прошу об этом не писать. Я ему напишу скоро. Эсфири Вайсборт⁵ вчера писала, она со мною очень в хороших отношениях. Но надолго ли, не знаю. Как живет Эсфири? Горячо кланяюсь, всех целую.

прписка И.Донского: искренний привет от нас обоих и Сони.

² Исаак Донской и его жена Маруся.

³ На «Дни памяти».

⁴ Алтер Аронсон – родственник Елены Ш., бизнесмен.

⁵ Сестра Эсфирь по фамилии второго мужа – Генри Вайсборга.

3. Е. Штейнберг – И. и А. Штейнбергам

Ковно. 28. 1. 1936

идиши

Милые дорогие дети мои! Простите за мое молчание. Я могу, дражайшие, выслать 103 лита, чтобы подкрепиться. Слушайте меня и расскажите все, что у вас теперь. Не работайте так много, все, что сумею, сделаю для вас, но не говорите никому об этом. Прошу Сонюрку⁶ писать обо всем, благодарю за письмо от 24.1. Пишите, хоть открытки, но пишите.

4. Е. Штейнберг – А. Штейнбергу

[рукой Ревекки]

Ковно 8. 6. 1939

Дорогой Аарон! Я благодарю Вас за телеграмму поздравительную к празднику Shavuot⁷ Я вам давно не писала, и от вас нет давно писем. Хочется знать, как вы поживаете и что слышно от Исаака дорогого в Австралии и его семьи в Лондоне. Пусть они мне напишут, я буду им очень благодарна. У нас теперь уже жарко, и Рахиль, моя сестра, с ее дочкой Ревеккой, собираются на дачу в Колотово, и я, может быть, сумею тоже отдохнуть. Как ты поживаешь и как поживает Софья Владимировна? Получил ли ты деньги, посланные тебе на праздники? Я, с<лава> Б<огу>, здорова, но слаба от жарких дней. Тетя Эстер тоже сняла дачу в Колотово. Постараюсь Вам послать, сколько можно. Если ты не получил, напиши сейчас мне. Будь здоров и жду писем от тебя. Целую Вас. Поклон, мои дорогие, от сестер Рахили, Эстер и Ревекки, моей племянницы. Твоя мать

Елена Штейнберг

⁶ Софья Владимировна Штейнберг.

⁷ Шавуот – праздник дарования Торы.

III. Семен Маркович Дубнов

1. С. Дубнов – А. и И. Штейнбергам

Рига – Лондон. 5.III.34

Дорогие друзья! Ваши письма (и лондонское, и берлинское Арона Зах<арьевича>) меня глубоко тронули. Нужно было, чтобы после нашего рассеяния еще эта смерть «запечатлела» эпоху нашего берлинского кружка, это хорошее, при всех его тревогах, десятилетие, когда еще верилось в возрождающийся после военной грозы мир. В моей жизни образовалась новая грань – остающуюся узкую полосу наполнять таким содержанием, которое дало бы моему смыслу жизни упор среди царящего шатания¹. Живу уединенно в своем «лесном парке», но не одиноко, ибо сам-друг с работой, да и друзья из города иногда навещают. Кроме механической работы (редактирование переводов и т. п.), продолжаю свои воспоминания, что для меня теперь составляет *avoda shebalev*². Сейчас принимаюсь за окончательную редакцию I тома, который решил издать здесь в небольшом числе экземпляров в русском оригинале (доведено до 1903 г.). Он выйдет с посвящением памяти покойной. Соня оставила меня 7 февраля. Днем я не один (прислуга до вечера ведет хозяйство и уходит к семье), а вечером работаю, беседую иногда с друзьями и не чувствую слишком остро своего одиночества. Обширная переписка связывает меня с большим миром.

¹ Побывав в Риге у Дубнова в 1934 г., А. Штейнберг вспоминал: «... сколько бы я ни напрягал свое воображение, лицо его остается неизменным – спокойное, серьезное, он отвернулся от окружающих его убийц, подмышкой – пачка книг и рукописей». «Праведник, который жил в вере своей: Памяти мастера-строителя». Еврейский журнал, Мюнхен. № 2 (1991). С. 16 (https://vtoraya-literatura.com/publ_525.html).

² Близкая к сердцу работа, любимое занятие (иврит).

А хотелось бы знать, что у вас, дорогие друзья, каким оказался для вас туманный Лондон. Читаю ваше «Frage Wort» и нахожу журнал серьезным, содержательным, хотя несколько однообразным. С приходом Ар<она> Зах<арьевича> у вас прибавится еще одна хорошая сила³. От души желаю, чтобы журнал развивался и приобретал все более общенародный характер. Сейчас на очереди Всемирный еврейский конгресс, у которого в прессе, кажется, больше противников, чем сторонников. Работайте для этой идеи. Первые строки, которые я написал после болезни, было короткое воззвание, опубликованное в газетах, и пока я слышал только отрицательный отклик в сионистском офисе «Ha-olam»⁴. Полемизировать мне сейчас не по душе.

Дорогой Арон Захарович! Вас поздравляю с Yetziat Mitzraim⁵ и надеюсь, что Ваши берлинские нервы в Лондоне успокоятся. Не сомневаюсь, что у Вас будет много живой работы. От д-ра Кац<нельсона>⁶ я на днях получил Kondolenz-Brief⁷. Он пишет между прочим: «Ich hoffe, dass Dr. St<einberg> jetzt in der Lage sein wird, die Arbeit an der Volksausgabe mit größerer Beschleunigung fortzuleiten, sodass sie Ende dieses Jahres erscheinen kann⁸. Сбудется ли это? Мне тоже кажется, что есть periculum in mora⁹. Пока еще есть интерес к новому мученичеству еврейства. Вдобавок на очереди английское – точнее, американское, издание сокращенной Истории. Пишите о своих новых впечатлениях, работах и планах. Обнимаю Вас и целую ваших славных детей.

Сердечно ваш С. Дубнов.

³ А. Штейнберг приехал в Лондон 8 февраля 1934 г.: Автобиография (англ.), рукопись. Лондон. 20. 10. 1949.

⁴ Еженедельник «Ha-olam» был органом Гистадрута Всемирной сионистской организации. С 1923 г. редактировался Х. Гринбергом.

⁵ Исход из Египта, Песах.

⁶ Кацнельсон Сигизмунд (1893–1953), владелец берлинского издательства «Der Jüdischer Verlag», Берлин, в котором печаталась «Всемирная история еврейского народа». С. М. Дубнова.

⁷ Письмо соболезнования (нем.).

⁸ «Д-р Штейнберг теперь сможет с большим энтузиазмом продолжить работу над популярным изданием, чтобы представить его в конце этого года» (нем.).

⁹ Опасность задержки.

2. С. Дубнов – А. Штейнбергу

Рига. 4.IV.34

Дорогой Арон Захарьевич!

[...] Снова делаю работу «для души». После долгих колебаний решил издать здесь в русском оригинале 1 том мемуаров (до 1903 г.) в небольшом числе экз. Хочу, кроме посвящения книги памяти недавно ушедшей, поставить этой последней книгой на русском языке памятник ушедшей русско-еврейской литературе, которой была посвящена моя жизнь.

Читал Ваше письмо и думал: в Лондоне 1934 года приходится бороться за «право на жительство», как в Петербурге времен царизма, хотя и по иным мотивам. Было ли это возможно 25 лет тому назад? Что выйдет из вашей борьбы за право дышать лондонским туманом? А между тем, Вы, несомненно, нужны в Лондоне! Ваши статьи в «Frage Wort» я всегда узнаю по стилю. Последнюю, от Erev Pesach¹⁰, сейчас прочел с удовольствием: я сам в последнее время втянут в этот круг мыслей. Только заключение не ясно (вероятно, разовьете в следующей статье): не человек взбунтовался, а зверь в человеке, вооруженный техническим знанием – так выходит, по-моему. Последний № журнала вообще очень содержателен; статьи серьезные, журнального типа. Односторонность вижу только в борьбе с фашизмом справа, а не слева. Кто этически осуждает Гитлера, должен осуждать и Сталина. Вообще в журнале молчат о Советской России, как принято в еврейской прессе Риги, Ковны, Варшавы. Боятся коммунистов местных и тех социалистов, которые все еще живут в заблуждении, будто Сталин и его чекисты строят социалистическое государство. Очень печально. Затем не следовало бы так часто подчеркивать партийный характер журнала, который, по существу, мог бы развиваться в общенародный орган. Истинный социализм вовсе не противоречит Klal Israel politik¹¹, которую обливают грязью сапожники из бывшей и нынешней черты оседлости¹². Идея 16-миллионного еврейского Интернацио-

¹⁰ Вечер Песаха (ивр.).

¹¹ Общая еврейская политика (идиш) – политика еврейской солидарности, которая была целью еврейских националистов-центристов, в основном, автономистов и сионистов-центристов.

¹² «Сапожники из бывшей и нынешней черты оседлости» – члены Бунда в Российской империи и в Польше, сторонники «фальшивого» социализма, по мнению Дубнова, враги еврейской солидарности.

нала должна господствовать в нашей публицистике¹³, а теперь она растоптана. Это приведет к провалу Weltkongress'a и, м<ожет> б<ыть>, даже к распаду Сионистской организации¹⁴. Виноваты в этом, впрочем, не только левые, но и крайне правые, из «Агуда»¹⁵. Против этой рассыпанности еврейского народа надо бороться всеми силами.

3. С. Дубнов – А. Штейнбергу

Друскеники. Открытка

31.7.34

Дорогой Арон Захарьевич! Спешу ответить вкратце на Ваше письмо от 23.VII. Вместо дачной тишины, меня тут окружают шум и сутолока еврейского курорта, так что не успеваешь даже отвечать на письма. По соседству живет Соня с детьми и мужем, а там – широкая периферия. Газеты выдумали, что я переселяюсь в Польшу. Пока это преждевременно. До 15 авг<уста> остаюсь здесь, затем еду на неделю в Вильну и около 25.8. буду опять в Кайзервальде. Чувствую себя хорошо, даже «молодею» – по словам завистливых сверстников. А вот Вы, друг мой, напрасно хвораете. Бросьте эту привычку вместе с курением, которое наверно вредно для Вашего здоровья. Я рад, что именно вас выбрала колония для чтения лекций по нов<ой> Евр<ейской> истории: лучшего не найдут. Верю, что Вы со временем займете в лондонской жизни место, которое Вам подобает. А пока постараемся закончить наш совместный труд.

Напишите д-ру Кац<нельсону>, что я согласен принять от Левитаса сумму в Mk 68 – в счет будущего гонорара. Жду коллективного приговора от семьи Штейнберг о «Книге жизни», где прежние слуша-

¹³ Идея создания единого еврейского органа, похожего на Социалистический или Коммунистический Интернационал.

¹⁴ Weltkongress – Всемирный Еврейский конгресс был создан в 1936 г. Распад Сионистской организации – выход из Всемирной Сионистской организации сторонников Жаботинского, создавших в 1935 г. Новую Сионистскую организацию. Левые – Бунд и, возможно, Мапай – в Палестине и его сторонники в диаспоре.

¹⁵ Крайне правые – имевшие сильные позиции в Польше и в других странах, включая Палестину, были объединены во Всемирный союз «Агудат Исраэль» («Агудас Исроэл», *идиши*).

тели найдут в печатном тексте много больше, чем прослушанное раньше¹⁶.

Соня сердечно кланяется Вам вместе со своими двумя гигантами. Славные ребята! Хотят сами писать Вам, да не успеют к почте.

Сердечный привет брату и всем Вашим. Будьте здоровы! Ваш С. Дубнов.

4. С. Дубнов – А. Штейнбергу

22. IX 34 открытка

Дорогой Арон Захарьевич! Спасибо за привет от «Erev Rosh ha-Shana»¹⁷ за прекрасную статью о моих мемуарах. Я уже тут больше трех недель, вошел в работу (пока неприятную – исправление перевода Крупника¹⁸) и скоро возьмусь за 2-й том мемуаров. Живу пока одиноко в очаровательном Кайзервальде, где отдохнул после шумной недели в Вильне.

Вы мне ничего не пишете о себе и своих работах. Как Вы уже знаете из моего друскеникского письма, сокращенная трехтомная История ожидается издателями для перевода на другие языки. Как подвигается Ваша работа, что намерен делать Кац<нелсон>? Прошел ли уже Ваш «Bill of naturalization» в Лондоне? Сердечный привет Вашему брату и всей семье! Le-Shana tova!¹⁹

Ваш С. Дубнов

5. С. Дубнов – А. Штейнбергу

25.X.34. Рига *открытка*

Дорогой Арон Захарьевич, получил обе Ваши карточки. Отвечаю al aharon risho. Поздравляю Вас и брата по случаю годового юбилея

¹⁶ Рецензия А. Штейнберга на «Книгу жизни» С. Дубнова была опубликована в «Дос Фрайе ворт». № 44 (7 сентября 1935 г.).

¹⁷ Новогодний привет.

¹⁸ Крупник Борух (1888–1972) – историк и переводчик. До эмиграции руководил издательством «Кадима» в Петрограде. Жил в Берлине. В 1932 г. уехал в Эрец-Исраэль, переводил «Всемирную историю...» С. Дубнова на иврит.

¹⁹ С Новым годом!

журнала, в который, видимо, вложено много души. Вместо шаблонного приветствия я намерен – правда, не к юбилейному №, а позже – написать для «Frage Wort» серию статей под названием «Wohin gehen wir»²⁰, где по-своему очерчу наши перспективы. Постараюсь первую статью или две написать во 2-й половине ноября.

Я рад, что Ваша работа сокращения подвигается. У Вас написано, что надеетесь скоро покончить со вторым томом, и, ввиду неразборчивости Вашего почерка, я прочел: с третьим. На минуту обрадовался, но потом спохватился. «Халевай зол дос таке мекуям верн»²¹.

Вы переменили квартиру. Видно, живется Вам трудно, но верю, что все вы раньше или позже устроитесь в Лондоне. Да будет это и shinu mazal²²! Радуюсь, что будете читать историю на курсах там с другими друзьями.

Я продолжаю пересмотр 2-й части и скоро приступлю к новым главам. После шума в Польше здесь тихо. Живу с природой и видениями прошлого. Однако общаюсь с миром через газеты и обширную корреспонденцию. «Dos Frage Wort» получаю в последнее время регулярно (раз в 2 недели), но раньше не доходило многое. Мне присылают на старый адрес пансиона. Лучше посылать прямо на мой указанный тут адрес. С сердечным приветом Вам и всей семье брата. Ваш С. Дубнов.

6. С. Дубнов – А. Штейнбергу

8.XI 34 Кайзервальд

Дорогой Арон Захарьевич!

Я давно понял, что какая-то внутренняя сила мешает Вам в последние годы работать с былой энергией над переделкой Истории, а в последнее время – увлечение публицистикой, весьма естественное после долгого молчания. Я уже свыкся с печальной мыслью, что нужно привлечь кого-нибудь, кто помог бы Вам дотащить воз до конца...

²⁰ «Куда нам идти» (идиш).

²¹ «Дай бог, чтобы это действительно исполнилось» (идиш). Подобные выражения есть в Псалмах (псалом 19) и в Вавилонском Талмуде (Брахот, л. 16, с. 2).

²² Изменение счастья. Есть выражение: мешане маком мешане мазаль: меняющий место меняет счастье. Ист. м. б. Вавилонский Талмуд, трактат Рош Ха-шана, лист 16, с. 2.

Получил юбилейный № «Frage Wort» и прочел там ряд интересных статей, особенно Лещинского²³ и Вашу. Бедный Лещинский мечется в области духа, как и географически; мечтает даже о поселении в Палестине. Он переживает болезненный кризис времени, ибо он очень искренен и импульсивен.

Горячо сочувствую Вам и брату, несущим такие тяжелые заботы по изданию в холодной атмосфере Лондона. А теперь еще, как я читал в газетах, родился конкурент – новый еженедельник, который отвлечет от Вас часть сотрудников и читателей. И все-таки я надеюсь, что вы одолеете все препятствия, если только не дадите противникам повода отрицать общенародную позицию вашего журнала.

Будьте здоровы и старайтесь вместе с братом согреть холодный Лондон.

7. С. Дубнов – А. Штейнбергу

23.XI.34

Дорогой Арон Захарович!

Недавно я Вам писал, а теперь спешу исполнить обещание и посылаю Вам статью для «Freue Wort». Эта первая из серии статей «Wohin geen mir» под особым заглавием, естественным для историка. Поставленный в заголовок вопрос, я думаю, волнует не одного только меня. Если редакция «Frage Wort» в каком-нибудь пункте со мною не согласна, то я ничего не буду иметь против того, чтобы она это оговорила в примечании.

Эта 1-я статья будет, вероятно, печататься в двух №№ журнала, так что до конца декабря Вы обеспечены материалом. Постараюсь в январе написать вторую статью. Сейчас я приступаю к прерванной работе по 2-му тому мемуаров, чем буду занят до нового года. Возлагаю на Вас заботу о корректуре (подч. автором – Н. П.) моей статьи, зная Вашу аккуратность в этом отношении. Если рукопись получится накануне выхода №, не спешите печатать и отложите до следующего № – корректура будет лучше.

²³ Лещинский Яков Давидович (1876–1966) – социолог, экономист, общественный деятель, корреспондент еврейско-американской газеты «Форвертс», один из руководителей Объединенной еврейской социалистической партии, издатель «Алгемейне энциклопедие» (идиш). В 1933 г. арестован и выслан из Германии.

Среди глубокой осени продолжается моя *hitbodedut*²⁴ в Кайзервальде – идеальная обстановка для писания мемуаров, но неподходящая для других работ, которые меня отвлекают. Конечно, я слежу за всем, что делается в мире по периодическим изданиям (поскольку они сюда допускаются) и по значительной корреспонденции.

Пишите, как живете и работаете, что решили относительно плана Кацнельсон-Штейн²⁵. Сердечный привет моему «шеф-редактору» Исааку Захарьевичу, сотрудницам Анне и Эсфири Соломоновнам, а, пожалуйста, и Аде с Лео, прикосновенным к журналу.

Жму Вашу руку. Душевно Ваш С. Дубнов.

Р. S. Берегите манускрипт, ибо у меня копии нет. Прилагаю на память свою фотограф<ическую> карточку, снятую летом в Друскениках.

8.

С. Дубнов – А. Штейнбергу

5.XII.34. Рига

Дорогой Арон Захарьевич!

Получил сегодня Ваше подробное письмо и спешу ответить ввиду спешности затронутых там вопросов. В пути Ваше письмо должно было встретиться с моей открыткой, где я просил прислать мне корректуру или копию моей статьи для повторения в «Моменте». Сейчас это еще нужнее, ибо у меня мало надежды на получение «Frage Wort» (№ 52 до сих пор не получен, и едва ли дойдут следующие – таков нынче порядок). Жаль: я очень охотно читал Ваш орган. Но все-таки продолжайте посылать.

Сейчас спешу разрешить вопрос, можно ли кое-что смягчить в известных местах моей статьи. Можно – резкость слов, но не резкость мысли, то есть определенность ее. Не думаю, чтобы «Frage Wort» повредило интересам д-ра Кац<нельсона>.

Я очень рад, что к Вам вернулась радость труда и восстановилась амплитуда Вашего маятника. Вмешательство третьего участника спутало бы все дело. Мне бы очень хотелось, чтобы в творческой работе

²⁴ Одиночество (иврит).

²⁵ С. Кацнельсон поручил проф. истории Венского университета Вильгельму Штейну присоединиться к А. Штейнбергу для ускорения его работы над трехтомником «Истории» С. Дубнова. Штейнберг отказался.

сокращения «Истории» Вы нашли душевное удовлетворение. Ведь, в конце концов, именно сокращенная История будет больше всего читаться на разных языках, с чем связаны и Ваши материальные интересы в будущем. Чередование этой работы с публицистикой даст Вам *Abwechslung*²⁶. Я и сам долго работал в двух областях.

О новых комбинациях нашего хитроумного Меркурия, д-ра Кац<нельсона>. Очень трудно теперь судить. Его раж в направлении низкой цены переходит уже всякие границы (18 мк за три толстых тома!) Напрасно он сулит мой гонорар от издания на *ivrit*. Как раз теперь выходит в Тель-Авиве последний том десяти томной Истории, и «*Davar*» развивает большую энергию для продажи комплектов. В ближайшие годы вторжение сокращенного издания повредит обоим. Главная надежда у меня на английское издание (знаю, что в Америке его давно ждут). И вот у меня сейчас явилась мысль: не отложить ли теперь печатание немецкого оригинала, а сделать английский перевод с Вашей рукописи в Лондоне при Вашем постоянном участии (с немецкого Вы найдете в Лондоне отличных переводчиков), найти издателя как компаньона Кац<нельсона> и печатать 10.000 экз. Тогда будет вознагражден труд всех участников: Вашего (плюс доля гонорара от англ. издания), моего англ<ийского> переводчика и обоих издателей. Кац<нельсон> сделает калькуляцию (он на это мастер). Думаю, что Putman пойдет на такую комбинацию. Посоветуйтесь с Мовшовичем²⁷. В то время, как англ<ийское> издание может рассчитывать на успех при 10.000 экз., немецкое при 3000 может не двигаться, ибо оно может рассчитывать ныне только на одну Германию. Напишите об этом плане Кац<нельсо>ну. Ждут еще перевода на *idish*, французский и польский языки, но они мало доходны в сравнении с английским.

Жду от Вас корректуры моей статьи на тонкой бумаге в закрытом заказном письме.

В Вашем письме я не слышу отклика на шумную неделю в Лондоне в конце ноября. Я жадно глотал в доступных газетах известия об обеих конференциях: заговорили о правах «человека»! Что бы из этого ни вышло, самый факт отраден. Мы отвыкли от таких лозунгов. А настроение в Вашем письме печальное. От души желаю, чтобы Вы

²⁶ Разнообразие (нем.).

²⁷ Мовшович Даниил – переводчик трехтомника «Всемирной истории» на английский язык.

с братом добились, наконец, определенного положения в новом кругу, и надеюсь, что это раньше или позже придет: *Ve sof ha-kavod lavo*²⁸.

С сердечным приветом также и брату с семьей. С. Дубнов.

9.

С. Дубнов – А. Штейнбергу

Рига, 28.ХІІ.34.

Дорогой Арон Захарьевич,

Ваше последнее письмо от 20. ХІІ докатилось до меня только вчера. Предыдущее своевременно получил и благодарю за аккуратность. Дошел также и № 54, где статья напечатана (там только непрямая опечатка на стр. 11 – строке перед концом: должно быть *gasizm*, а не *fashizm*). Так как некоторые газеты уже тексты перепечатали, то мой план с «Моментом» отпадает.

Продолжения статьи скоро не будет. Я ведь с самого начала задумал эту серию как ряд публицистических откликов время от времени, когда «приспичит». Поэтому каждая статья имеет свой особый заголовок и является чем-то законченным. Я ставлю вопросы, проблемы, которые могут обсуждаться в прессе и в кружках. Сейчас у меня на очереди другие работы: юбилейная статья (для сборника Клаузнера²⁹) о философии в Библии и затем продолжение 2-го тома мемуаров. Думаю, что раньше конца января к публицистике не вернусь.

Новое предложение д-ра Кац<нелсона> ставит меня в очень трудное положение. К нему применим с нашей стороны упрек Якова к Лавану³⁰. Я не могу совсем отказаться от гонорара за немецкое издание в ожидании дохода от еврейского и английского перевода в недалеком будущем. Самая крайняя уступка, на которую я мог бы пойти, это одновременное печатание немец<ких> и англ<ийских> изданий с тем, чтобы английский перевод делать с отпечатанных листов

²⁸ «...в конце концов уважение (почет) придет». Вавилонский Талмуд, трактат Недарим, л. 62.

²⁹ Клаузнер Иосиф Львович (1874–1958) – историк, литературовед, лингвист, общественный деятель, один из инициаторов возрождения ивритской культуры, лауреат Премии Израиля (1958), первый редактор «Еврейской энциклопедии» на иврите.

³⁰ Упреки Якова Лавану в том, что тот выдал за него свою старшую дочь вместо младшей.

немецкого, так чтобы английский том выходил через полгода после немецкого. По-моему, конкуренции тут не будет. В английском издании я буду настаивать на втором эпилоге (1933–1935), неудобном для немецкого, ибо нельзя замолчать новейший крупный перелом в судьбах еврейства. Конечно, английского издателя еще надо найти, но ведь и к печатанию немецкого издания еще нельзя приступить сейчас, когда не окончен еще 2-й том и не начат 3-й. Меня удивляет, что опять всплыл проект привлечения Штейна, после того, как Вы недавно решили все-таки оставить за собой всю работу. Вот и все, что Вы можете сообщить от моего имени д-ру Кац<нельсону>.

Как видно из Ваших намеков, у Вас и в Лондоне такое же угнетенное настроение, как нынче повсюду. Время несомненно «подлое», но нельзя поддаваться его влиянию: нужно жить совокупностью времен. Больно только, когда всюду слышишь о разделении вместо объединения. Вот даже и в деле Всемирного Конгресса рабочие организации отделились после того, как Житловский еще недавно призывал к объединению. В нынешнем мраке светится одна точка – представительство мирового еврейства при Лиге Наций, если и эта точка погаснет, наступит «Darkness» Байрона ³¹.

Спешу отправить письмо и ставлю точку. Примите и передайте всей милой семье мое поздравление к гражданскому Новолетию. Да будет Новый год не эрой катаклизма, как пророчат, а началом выхода из мрака!

Крупко жму руку. Ваш С. Дубнов.

PS. «Frage Wort» все еще адресуется по-старому. Передайте, чтобы сделали по обычному моему адресу.

10.

С. Дубнов – А. Штейнбергу

4.VII.1935

Дорогой Арон Захарьевич, давным-давно от Вас нет писем. Больше месяца назад Вам был послан 2-й том «Книги жизни». Я успел побывать в Ковне, затем серьезно болел две недели (гриппа), теперь поправляюсь и должен был изменить свой летний план: июль провожу

³¹ Стихотворение Д. Г. Байрона «Мрак» (1816).

здесь вместо Друскеник и только в августе буду в Вильне на съезде YVO и встречусь там с Соней.

А что у Вас? Знаю о кризисе «Graue Wort» – и больше ничего. Что с нашей злополучной трехтомной «Историей»? Кончили ли Вы Вашу часть работы, работает ли Штейн, подает ли признаки жизни Кац<нелсон>? Словно все замерло в нынешнем царстве теней.

Мне, в положении выздоравливающего, трудно писать много. Передайте сердечный привет брату с семьей. Ваш С. Дубнов

11.

С. Дубнов – А. Штейнбергу

8. X. 35 Рига-Кайзервальд,
на полях: Боюсь «четвертого измерения».

Дорогой Арон Захарович!

Спасибо Вам и милой Софье Владимировне за дружеский привет на грани лет. Моя жизнь стала уже измеряться четвертями века, не оттого ли удостоился я этого, что в своей исторической работе привык к вековым измерениям? Для историка великое благо – жить в трех «измерениях», в трех поколениях, ибо он может глубже проникнуть в тайну смены эпох; но это и великое горе, если смена идет к ухудшению, ибо тогда возникает опасение, что в темной полосе оборвется нить жизни.

Мы переживаем страшное время, и только двойной betachon³² еврея и летописца дает силы для перенесения этого.

Улегся юбилейный шум, на сей раз гораздо меньший, чем в 1930 г. По крайней мере в своем тихом лесной уголке я его мало чувствовал (только на один вечер я отдал себя в жертву чествователям здесь, в Кайзервальде). Однако телеграф и почта приносили и еще приносят издали отклики, порою очень трогательные.

Я в свое время получил от Вас и кусочек рукописи (стр. 185–212) при коротком письме. Я ждал продолжения, но, не дождавшись, отослал Вам сегодня рукопись в бандероли, с поправками. Грустно думать, что работа так бесконечно тянется, задерживая ряд изданий.

³² Здесь: уверенность в себе.

Меня удивляет, что д-р К<ацнельсон> не переносит свое дело в Прагу: ведь Deutsch Juden³³ находятся и вне Германии; даже из Палестины я недавно получил предложение предоставить право издания немецкого перевода моих мемуаров какому-то издательству «Biblion» (Гурвича, ищущего издателя в Берлине)³⁴.

Как будете писать д-ру К<ацнельсону>, передайте ему мою благодарность за письменное приветствие, посланное через Вас. Скажите ему, что я с отрадой вспоминаю лучшие годы нашей кипучей работы втроем над десяти-ярусной громадой. И Вас я вспоминаю при этом, дорогая Софья Владимировна, и рассчитываю на Ваше непременно сотрудничество в нашей дальнейшей общей работе.

Я уже начал работать над третьим томом мемуаров. Вошел в «берлинский период» и скоро подойду к годам нашей совместной работы. Думаю довести до исхода из германского Египта. Но это составит лишь третью часть последнего тома, остальное – «Размышления»: избранные заметки, иногда малые этюды, накопившиеся на протяжении десятилетий.

Как ни упрашивала меня Соня переехать в Польшу, я не мог решиться на разлуку с тихим Кайзервальдом, где порою скучно, где тяготит одиночество, но нет этого бурного кипения страстей, этой болезненной партийной склоки на почве страшной пауперизации, как в Польше. Хорошо провести у старой бабушки Вильны несколько дней, но долго жить и видеть нужду и отчаянье – тяжело. Да и нынешняя внешняя ориентация Польши внушает мне опасения. Остаюсь пока в Балтике и, если Вы приедете в Ковну, мы непременно увидимся.

Брат, конечно, рассказал Вам о встречах в Вильне с нашими друзьями, я пишу здесь и ему и прилагаю рекомендацию к главному раввину Южной Африки Ландау, который, наверное, примет брата хорошо.

Le-Shana tova! – будьте здоровы и бодры и не забывайте искренно Вам преданного

С. Дубнова.

³³ Немецкие евреи.

³⁴ Гурвич Георгий Давидович (1894–1965) – философ и социолог. Покинул Россию в 1920 г., получил философское и юридическое образование. В 1932 г. вышла в свет «Идея социального права» (Париж).

12.

С. Дубнов – А. Штейнбергу

Рига. 19. V. 37

Дорогой друг! Долго не писал Вам, ожидая вестей от Вас о движении нашей трехтомной черепахи. А между тем, опять долгое молчание и долгий перерыв. Как раз теперь у меня есть некоторый досуг для просмотра машинной копии или корректур III тома. Нет ли известий от д-ра К<ацнельсона> или о нем? I том, по-видимому, распространяется, и в Польше уже появился солидный издатель польского перевода (о Кракове). Мовшович будет еще искать английского издателя, как он писал мне на днях.

Я уже давно оправился от своей болезни и забыл о ней в непрерывной работе. Подхожу уже к концу IV тома (нашего VII), где я переделал всю архитектуру, которая и раньше мне не нравилась. Когда том выйдет в сен<тябре> (в I-й полов<ине> июня), я Вам пришлю сразу тома II–IV, и Вы увидите, что я недаром прожил этот год.

Что Вы теперь делаете, Арон Захарьевич? Боюсь, что не имеее постоянной работы. Каковы Ваши летние планы и что предпринимает Ваш брат? Видели ли Вы новый том «Historische shriften»³⁵ – эту сооруженную Чериковером³⁶ Эйфелеву башню? Пишите. С сердечным приветом всем. Ваш С. Дубнов.

13.

С. Дубнов – А. Штейнбергу

21.IX. 38

Дорогой Арон Захарьевич!

После Вашего письма от 1 сент<ября> я не знаю, куда писать, в Лондон или Париж. Пишу на всякий случай, чтобы послать Вам bracha le-shana tova³⁷ на исходе проклятого года, на его кульминационном пункте.

³⁵ «Исторические труды» (идиш).

³⁶ Чериковер Илья Михайлович (1881–1943), историк, архивист, собиратель материалов об еврейских погромах на Украине. Бывший сотрудник «Еврейской старины», помощник С. Дубнова. С 1923 г. – руководитель еврейского отдела в изд-ве «Грани» (Берлин).

³⁷ Поздравление с Новым Годом (ивр.).

III том нашей «Weltgeschichte» уже получен мной из machon³⁸, где он печатался. Великолепная книга с богатым общим индексом, над которым Вы поработали. Но какая судьба ждет эту книгу?

Мой глаз поправился еще не вполне, так что нуждаюсь в помощи чтецов. А между тем хочется от помощи уйти в спасительную научную работу. С сердечным приветом Вам и С. В. Ваш С. Дубнов.

P.S. Вашему брату я написал.

14.

С. Дубнов – А. Штейнбергу

12.X.39

Дорогой друг, я так долго ждал Ваших писем, что уже перестал верить в их получение, тем более в наши дни уничтожения путей сообщения. И меня поэтому очень обрадовало сегодня получение Ваших коротких строк, на которые спешу ответить. Ведь мое письмо проделает вероятно тот же двухнедельный путь, как и Ваше. Сообщу пока только, что я здоров и мужественно преодолеваю жуткие впечатления нашего времени, но от наших варшавских детей, проводивших у меня летний месяц, я с начала войны не получаю никаких сведений. Знаю только со слов других, что они все бежали из Варшавы в день панической эвакуации, 6 сентября, и попали в Пинск, который скоро вошел в полосу советской оккупации. Меня угнетает мысль, что они бедствуют, так как всё покинуто в Варшаве среди паники. Мои планы работ, конечно, расстроены, но я не перестал писать – для себя. Единственный луч света во мраке – литовская Вильна, где может быть нам всем суждено когда-нибудь встретиться. Пока будемте поддерживать письменную связь друг с другом.

Пишите и передайте мой сердечный привет С. В. и семье брата. Ваш С. Дубнов.

³⁸ Учреждение (ивр.).

15.

С. Дубнов – А. Штейнбергу

16.XI.39

Дорогой Арон Захарьевич!

Я сегодня получил Ваше письмо от 3.XI. и спешу отвечать, потому что мне очень по сердцу пришлось высказанная в нем мысль о необходимости подготовиться к тому времени, когда катастрофа минет и нужно будет позаботиться об устройстве ее миллионов еврейских жертв, особенно в разрушенном польском центре. План издания литературного сборника можно только приветствовать. Но мне кажется, что это недостаточно. Нужно создать периодический орган печати, по крайней мере, еженедельник, который живо откликнется бы на вопросы дня, а также на мучающие нас проблемы близкого будущего. Я слышал, будто в Париже готовятся к такому изданию. Правда ли это и не думаете ли Вы, что Лондон и Париж должны соединить свои усилия в этом направлении? Мне думается, этот орган должен издаваться в Лондоне на английском [подч. автором – *Н. П.*] языке для того, чтобы он мог действовать не только на европейское, но и на американское общественное мнение.

Если это осуществиться, то можете рассчитывать на мое постоянное сотрудничество. Я в последнее время ношусь с планом статей под общим заглавием *Inter arma* II, наподобие серии статей, которые я печатал в Петербурге в 1914–1915 гг., в годы мировой войны. Там будет смесь истории и современности с прогнозом будущего.

Для материального обеспечения этого органа нужно провести большую акцию в Лондоне West и East, в Париже и Нью-Йорке. Штаб сотрудников и английских переводчиков найдется, несомненно, в этих центрах. Конечно, орган будет сверхпартийный, как Вы правильно намечаете. Кроме статей, там должен быть отдел информации, строго проверенной. Ведь теперь треть нашего народа в беженцах или пленниках.

Польская катастрофа коснулась и моей варшавской семьи. Дочь с сыновьями бежала из Варшавы в сентябрьские дни и после долгих скитаний под германскими бомбами – пешком, на крестьянских телегах и в поездах ж. д. – попала сначала в Пинск, а потом в Вильну советскую, сейчас литовскую. Но о зяте нет пока сведений: он с некоторыми друзьями задержан в советской зоне – в Ковеле или Бресте, и дочь до сих пор его разыскивает³⁹. Жду сегодня-завтра новых сведе-

³⁹ Эрлих Генрих Моисеевич (1882–1942) – один из лидеров Бунда, в 1939 г. бежал в советскую зону Польши, в 1940 г. был арестован, обвинен в связи

ний. Дочь и сыновья теперь в Вильне, обеспечены всем необходимым (я распорядился посылать им из Ковны вещи и деньги). Но главная моя забота – перевезти их в мою квартиру, которая была бы для них настоящей санаторией, наталкивается на большие официальные препятствия. Сделаю все, чтобы преодолеть их, если не удастся позаботиться об устройстве моих беженцев в Ковне, так как Вильна разорена и теперь неуютна.

Среди всех этих общих и личных переживаний я все-таки еще сохраняю душевное равновесие. Я писал своим американским друзьям, что пока не воспользуюсь высланной ими визой, ибо боюсь, что поездка за океан более опасна для моего душевного равновесия, чем пребывание здесь. Во всяком случае балтийские нейтральные страны могут пока быть более спокойны, чем другие.

На днях выходит из печати последний том русского оригинала «Всемирной истории», и я могу сказать с облегченным сердцем: *Nunc dimittis servum tuum in pace*⁴⁰. Но с другой стороны, жутко оставаться ныне без напряженной умственной работы, и я взялся за пересмотр III части «Книги жизни», давно лежащей в рукописи. Жаль, что почтовые трудности мешают выслать Вам большой груз – недостающие Вам тома «Истории», но я постараюсь найти путь для этого.

От Чериковера из Парижа получил письмо еще в октябре и жду от него новых сообщений о литературных планах. Слышал, что готовится 2-й том Энциклопедии.

Слышали ли Вы что-нибудь о местопребывании брата Кацнельсона? Меня мучает мысль, что издание трехтомной нашей Истории погибло во время нацистского погрома. «Двир» перед самым началом войны решил издать свое сокращенное издание (по тексту Крупника) в одном большом томе, «юбилейном» – но, вероятно, теперь дело заглохнет⁴¹. Не везет нам.

С сердечным приветом Вам, Соф<ье> Влад<имировне> и семье Вашего брата. Ваш С. Дубнов.

с польской контрразведкой и Бундом, приговорён к смертной казни, которая была заменена десятилетним заключением, был освобожден, но в декабре 1941 г. повторно арестован в Куйбышеве. 23 декабря осужден за связь с германской разведкой; 14 мая 1942 г. в тюрьме покончил жизнь самоубийством.

⁴⁰ «Ныне отпускаеши раба Твоего...» – песнь Симеона Богоприимца (лат).

⁴¹ Трехтомная «История» Дубнова, сокращенная А. Штейнбергом, вышла в свет в 1937–1938 г. в Еврейском издательстве в Берлине.

IV. Эсфирь Эльяшева-Гурлянд

1. Э. Эльяшева-Гурлянд – И. и А. Штейнбергам

21.III.1933 Kaunas

Дорогие Исаак и Арон! Что у вас хорошего? Вижу изредка "Dos Fraje Wort", когда мама ваша, восхищенная статьями своих сыновей, приносит их сюда. Читала, таким образом, две твоих статьи, милый Арон, на одну и ту же тему в одном из номеров.

Ганс¹ уже активно работает, уже пишет для печати, и на днях его статья об одной выставке появится в литовском ежемесячнике. Зато я себя чувствую теперь несколько утомленной, и придется немного полечиться. Ваша мама усиленно посещает всякие лекции и вообще проявляет большой интерес ко всему. Будьте здоровы, кланяйтесь всем вашим от меня и Ганса.

2. Э. Эльяшева-Гурлянд – И. и А. Штейнбергам

Kaunas, Vilniaus g. 16/7

25.IV.1934.

Дорогие Исаак и Арон! До сих пор не имела возможности ответить. Да, кроме того, хотела уже одновременно прислать вам статьи для вашего еженедельника согласно тому, что Арон просил. Посылаю вам: 1) литературный эскиз о «Дибук» Ан-ского, который может что-нибудь сказать теперь лондонской еврейской публике после того, как она видела постановку этого произведения у Виленской труппы

¹ Ганс (Иоган Герман) Вайсборт – второй муж Э. Эльяшевой, критик-искусствовед.

2) о Гросбарте² (письмо из Литвы), который представляет первоклассную силу и рано или поздно придет и в Лондон. Кроме того, важно было бы, чтоб моя статья о Гросбарте, которого я много раз видела здесь и о котором и много писала, появилась в вашем органе, который начинает интересовать местную публику и еще больше ее будет занимать, если вы будете отзываться и на явления местной жизни. Важно поэтому было бы, чтоб эта статья о Гросбарте появилась, чем скорее [подчер. Э. Э. – Н. П.], пока он еще гастролирует здесь (2–3 недели еще). Эта статья представляет собой квинтэссенцию всего, что я наблюдала у него и написана так, чтобы она могла заинтересовать публику, еще так его не выдавшую. О «Дибук» Ан-ского у меня есть еще анализ всей пьесы, характеризующий ее всесторонне, который займет в вашем еженедельнике две страницы. Это очень интересная работа и хорошо написанная. Если вам желательно, я могу послать вам ее. То, что я о «Дибук» посылаю вам сейчас, является у меня введением к последней статье. Будьте добры также сообщить мне адрес организатора еврейских выступлений [подч. автором – Н. П.], с которым Гросбарт мог бы списаться относительно возможного и желательного для него приезда в Лондон. Вашу маму вижу часто. Только что говорила с ней по телефону. На днях она была у меня вместе с Донским и Сеземаном³ (вы, вероятно, помните его) целый вечер. Она поправилась, активна, как всегда и полна забот о вас и вашем органе.

Мы много заняты теперь всякими делами⁴ – налаживаем работу Народного Университета, Ганс много пишет о выставках, я – о театре и литературе, кроме этого, занята сейчас большой психологической работой. Если была бы возможность издать монографию об Исидоре, я бы ее закончила, чем скорее. Надо использовать год десятилетия со времени его смерти. Здесь теперь, между прочим, большая выставка рано умершего знаменитого еврейского художника Месенблума⁵. Если хотите, я или Ганс могли бы написать для вашего органа о нем. Рада, что тебе, милый Арон, так много дает Лондон. И я много ин-

² Гросбарт (Гросбард) Герц (1892–1994) – известный актер и тещ (идиш).

³ Сеземан Василий Эмильевич (1884–1963) – философ-неокантианец. С 1923 г. работал в Каунасе.

⁴ См.: Н. Портнова. Любовь и национальная работа. Букник. 11 июня. 2014.

⁵ Месенблум Яков (1894–1933), художник. Учился рисованию в Вильнюсской школе рисования. В 1920 г. приехал в Каунас, работал учителем рисования в еврейской гимназии. В художественных выставках участвовал в 1921 и 1923 гг. В 1924 уехал в Париж; в 1931 вернулся в Каунас. В 1934, как и пишет Эсфирь, в Каунасе состоялась его посмертная выставка.

тересного пережила [у] тебя за 10-ти дневное пребывание там. Получаем уже «Dos Fraye Wort» и прилежно и внимательно его читаем. Подробнее о своих впечатлениях напишу в другой раз. Считаю, что вы напрасно не желаете давать статьи с продолжениями. Заинтересованный темой читатель купит второй и третий номер, чтоб узнать о дальнейшем.

Будьте здоровы и давайте почаще слышать о себе. Ваша Эстер.

Ганс сердечно кланяется вам

3. Э. Эльяшева-Гурлянд – А. и А. Штейнбергам

22.IV.35.

Kaunas, Vilniaus gatve 16 / 7

Дорогие Сонюра и Арон! Masol Toiw!⁶ Я от души рада, что вы закрепили тот душевный контакт, который годами рос и развивался между вами. Продолжайте всю жизнь быть опорой друг для друга. Мы вчера весь день провели с твоей мамой, и моя задача была, милая Сонюра, ее знакомить с тобой и рассказывать про тебя без конца. Сегодня она зашла ко мне сияющая и радостная, и поздравления со всех сторон, конечно, со вчерашнего дня не заставляют ждать себя. Поспешите теперь сняться и прислать свои фотографии. Хорошо, что вы имеете уже свой уголок, где сможете спокойно жить и работать.

Не могла до сих пор ответить тебе, дорогой Арон, на твое прочувствованное письмо от 21.XII.34. Я еще до сих пор разбита и не могу прийти в себя. Я и теперь еще сплю только одну ночь – и недостаточно – в два дня. Я ½ месяца была больна, и после этого еще долго у меня температура поднималась по вечерам.

Но жизнь даже не дает по-настоящему горевать. Мне уже не дают замыкаться абсолютно. Мне даже за последнее время пришлось говорить на общественных собраниях. К shloshim⁷ Гансу устроили Gedenkfeier⁸, где с большим пониманием и крайне положительно говорили о том, как быстро он вжился в еврейские интересы, как много ценного было в его работе художественного критика и в его культурных и писательских проявлениях. Недавно к 10-летию «Folks Blat», – газеты, в которой мы 3 года работали, среди почтения памяти покойных наибо-

⁶ Счастья! (идиш).

⁷ 30 дней траура по умершему (ивр.).

⁸ День памяти (нем.).

лее ценных сотрудников остановились на том, что Ганс внес в нашу жизнь. Горюю я до сих пор о Гансе не столько из-за того, что я его потеряла, но что так быстро оборвалась его столь богатая, много обещавшая жизнь. Как только я немного пришла в себя, я взялась за его труды, чтоб подготовить их к изданию. Он оставил одну еще ненапечатанную вполне законченную, очень оригинальную большую работу «Die Eigenweltlichkeit der Kunst»⁹, которая могла бы выйти как отдельная брошюра. Крайне интересна его статья «Spinoza now ästhetischen aus gesehen», где выдержанно показано, что весь характер учения Спинозы – эстетического порядка. Его статьи о бывших за время его жизни здесь выставках дают полную картину художественной жизни Литвы, и в то же время они так мастерски написаны, что могут научить смотреть и разбираться во всех стилистических и технических тонкостях, причем он одновременно вскрывает всю зависимость современных художников от прежних мастеров рядом с проведением характеристики всех новых течений, которые действуют в настоящее время. Имеются у Ганса и работы, освещающие основные вопросы искусства. И все это проникнуто строгим духом выдержанности и точности.

Сейчас я, к сожалению, это должна была на время отложить, потому что должна закончить для нашего литературно-философского сборника статью о специфически еврейском философском образе мышления у таких мыслителей и творцов, которых евреи меньше всего считают своими уже по одному тому, что они признаны классиками европейской мысли и творчества. Сейчас я это стараюсь показать на Спинозе. Обещала еще одну работу о греческих трагиках для литовского журнала, для которого пишу (за последнее время болезни Ганса я там писала уже о художественных выставках). Когда ваши «Feierwochen»¹⁰ пройдут – по существу они должны тянуться всю жизнь, чего от души желаю вам – подумайте о работах Ганса, и если сможете помочь мне в публикации за границей части его работ или советами по изданию всех его сочинений здесь, сделайте это.

Если б ты, Арон, пожелал написать статью на интересующую тебя философскую тему или литературную с философским нюансом для нашего сборника «Gedank un Leb»¹¹, была бы тебе очень благодарна. Еще лучше была бы статья, оценивающая философские подходы Май-

⁹ Внутренний мир искусства.

¹⁰ Праздничные недели (нем.).

¹¹ «Мысль и жизнь».

монида. Сборник, который уже набирается, выйдет через месяц, и ты бы мог успеть, мы бы из-за тебя отложили момент выпуска.

Тебя, милая Сонюра, прошу написать мне все, что знаешь о близких Ганса.

С твоей мамой, Арон, мы живем последние месяцы очень дружно. Она делится со мной многим, мы долго беседуем. Я удивляюсь часто ее интуиции, редкому умению ориентироваться и грандиозной активности. Она проявляет, при ее способности фантазировать, часто и большую объективность. Я установила причину неразборчивости почерка у нее – это результат специфического характера ее психологических реакций. Недостатки часто являются одновременно показателями особой активности, других положительных качеств.

Пока еще раз: Masol Toiw! Целую вас крепко и желаю вам много ярких, отрадных и радостных дней. Ваша Эстер.

V. Залман-Барух Рабинков

1. З. Рабинков – А. Штейнбергу

Гейдельберг, Раменгассе, 34/2. 31 августа 1923 г.

Уважаемый г-н доктор,

касательно того, о чем мы говорили в прошлый вторник, 28 дня сего месяца, должен сообщить Вам следующее.

После длительных размышлений я заключил, что, к большому сожалению, не смогу немедленно принять Ваше предложение, хотя оно, несомненно, интересно. За то время, что я занимал должность преподавателя, я понял, что плодотворные отношения со студентами у меня получаются, только если они имеют личную основу. Поэтому сотрудничество со Свободным еврейским домом учения во Франкфурте кажется мне возможным только в следующем виде.

У меня есть в Франкфурте знакомые, которые уже ходили на мои занятия. Я немедленно свяжусь с ними и попрошу сообщить мне, когда станет окончательно известен состав слушателей, чтобы я смог убедиться, что мы действительно подходим друг другу. А Вам, уважаемый г-н доктор, я предоставляю решить, разумно ли на таких условиях вообще включать в программу, конечно, без указания преподавателя, курс «Галаха с упражнениями» (при достаточном количестве участников).

З. Б. Рабинков

2. З. Рабинков – А. Штейнбергу

Берлин NW87. Лессингштрассе, 13

29 августа 1932

Уважаемый г-н профессор,

сердечно благодарю Вас за возможность прочитать Ваш прекрасный текст о Готском королевстве. Особенно рад я был, увидев, что даже в глубоком историческом исследовании Вы движетесь к решению того самого вопроса, ответ на который станет основанием всей еврейской религиозной философии.

Как мне кажется, еврейское религиозное сознание строится на представлении о том, что между Богом и независимым Израилем был заключен союз. Как независимая общность Израиль назначает Бога своим царем. Получается противоречие: что это за договор, в результате которого одна из сторон теряет свою автономность? Разрешение этого противоречия – в том, что у евреев религиозная автономия всегда совпадает с этической. У других народов этика и религия могут существовать раздельно, а в иудаизме субъекты этической и религиозной автономии совпадают, а значит – они обязательно связаны. Для меня представляет огромный интерес эта феноменология еврейского религиозного сознания. Конечно, ее нужно еще обосновать, подыскать исторические свидетельства. Поэтому я с нетерпением жду появления новых результатов Вашего глубокого исследования. Успешно завершить Вашу работу во славу Божественного закона желает Вам Ваш верный друг, З. Б. Рабинков

3. З. Рабинков – А. Штейнбергу

Scheveningen – London *открытка*

6.3.1934.

Дорогой Аарон, очень радовался Вашими строками. Жалко, что Вы не остановились проездом здесь. Я уже здесь три месяца. Трудно начать «vom milchidiger Messer»¹, но попробую. Я уже здесь три месяца

¹ Начать «с молочного ножа», с самого начала. По правилам кашрута, если трапеза состоит из молочных и мясных блюд, то нужно начать с первых, к которым подается молочная посуда.

ца, тут живут некоторые мои heidelberg'sкие ученики². Я думаю здесь остаться до мая, так как я надеюсь тогда уже иметь новый немецкий паспорт. Собираюсь потом переселиться в Париж. Там тоже несколько учеников heidelberg. и berlinsker, и они желают, чтобы я там kovea midrash sein³. Я был там в октябре, и мне очень нравилось там жить, но сначала хочу кончить вопрос паспортный. От Мар<тина> Бубера получил приглашение вернуться обратно в Aschkenaz и занять место в новом Институте еврейских наук. Он очень старался меня уговаривать и предложил «goldene Berge»⁴, но все друзья категорически отговаривают делать этот шаг. От Шимона⁵ недавно получил письмо, он теперь старается как-нибудь устроиться в Праге. Его adress: Praha – Smichov, Plazenska 177. Тут, в Hollandii, пока антисемитского нет. Народ религиозный. Тут еще осталось немного того духа, который вызвал реформацию. Часть моих книг прибыло в Амстердам. Вообще жаловаться нельзя: Golus ist Golus⁶

4. З. Рабинков – А. Штейнбергу

1.5.1935.

Дорогой Арон! Надеюсь, что у Вас все благополучно и вы собираетесь lir'ot malkei ha-umot ve-levakhei sche-khlak⁷. У меня за это время ничего особенного не случилось. О моей поездке в Палестину не могу еще конкретного сообщить, так как переговоры еще не кончились. Некоторые хотят, чтобы я поселился в Haife, а другие – в Jerusalem. Все это решится просто с экономической точки зрения. Я продолжаю еще мой курс о Маймониде, он имеет успех и среди голландских евреев. Проблема была так поставлена: что может нам дать маймонизм в настоящее время. Маймонизм как задача. В последнее время я работал

² Ученики З. Б. Рабинкова: Аарон Барт, глава банка Израиля; Нахум Гольдман – президент Всемирного Еврейского конгресса; Исраэль Змора – президент Высшего суда Справедливости; Эрнест Симон – педагог; Эрвин Фейст – писатель, Эрих Фромм – психолог; Залман Рубашов (З. Шазар) – будущий президент Израиля, а также: N. Glatzer; Oskar Wolfsberg; Marcus Cohn; Fritz Gumpertz; Hermann Struck; Isaak Unna и др.

³ Чтобы я там основал Дом учения (ивр.).

⁴ «Золотые горы».

⁵ С. Н. Каплан.

⁶ Галут есть галут (идиш).

⁷ увидеть любимых людей и благословить, что сподобился [увидеть].

в направлении показать, что старание кабалистов было (а именно лучших представителей их) показать те пробелы, что маймонизм оставил в конструкции еврейства выполнять их и во многом не безуспешно, но неумение выразить и владеть мыслью научно их труды остались без плодов для научного мышления и еще ожидают портного, который им пошьет малбушим⁸, и, с другой стороны, от Маймонида нужно несколько тогов снять, тогда проблема приблизится более к решению. Много еще нужно думать. Lo alekha ha-m'lakha ligmor⁹. Пишите, что у вас слышно, как Вы работаете. Как ваши. От Семена Наумыча давно не имел писем. Raionot al mazal ha-umot¹⁰. Оставил ли он уже Париж? Я очень сожалел, что на этот раз не вышла встреча с Софьей Владимир<овной>. Надеюсь, что она хорошо приехала. Передайте ей от меня сердечный привет.

Пишите, что у Вас было за Rambam, какие статьи Вы писали в еврейском и немецком издании. В Голландии ничего особенного не было. Что Вы слышите от Pr. Lewy, где находятся они теперь?¹¹ Я хотел знать их адрес, так как не ответил на их последнее письмо. Это уже было давно, 9 месяцев тому назад. Buttennriser уже переселился в Naifa и имеет там дела. Я думаю, что С. Н. тоже решится поехать туда, так как они хорошо понимают друг друга.

5. 3. Рабинков – А. Штейнбергу

5.6.1934 *открытка*

Дорогой Арон, спасибо за Ваше открытое послание. Мы одновременно писали друг другу. Могу Вам сообщить, что моя задача решена прекрасно. Я получил новый контракт на 5 лет, и все осталось по-старому. Насчет поездки в Палестину я еще не решил вопрос, так как здешние приятели меня уговаривают остаться в Голландии. Страна прекрасная. Отношение голландцев к евреям доброжелательное. Во всяком случае, теперь, во время жарких месяцев, нехорошо

⁸ Одежда.

⁹ Не тебе завершить труд. Пиркей Авот.

¹⁰ Мысли о судьбе наций.

¹¹ Фредерик Генри Леви (Lewy, 1885–1950) – немецко-американский невролог и психиатр («деменция с тельцами Леви»); в 1932 г. основал неврологическую клинику в Берлине. Участник берлинских кружков, знакомый Штейнберга. В 1934 г. эмигрировал с семьей в США.

сначала впитывать в себя avira de eretz mahkm¹². Если все-таки поеду, то не раньше сентября месяца и тогда постараюсь так устроить, чтобы мог еще пробыть у вас, повидаться. Пишите, что у Вас и Исаака нового. От Семена Наум<овича> я в последнее время не имел известия, но (нрзб) посетил меня недавно (он живет теперь в Париже) и рассказал мне, что он его недавно видел в Prage, и пока еще у него нет дела, но надеется получить [...]

6. 3. Рабинков – А. Штейнбергу

11.7.1935 Schevenungen Kapelplein 7. Открытка

Дорогие друзья! Благодарю вас за в[аше] приглашение «показать Лондон». К большому сожалению, я раньше решения палестинского вопроса не могу приехать, как я вам уже писал в предыдущем письме. Вопрос не так прост. Здесь у меня есть existenz minimum, а там неизвестно, так как ученики мои живут не на одном месте: в Jerus<alem>, Tel-Av<iv>, Naifa. Ну, увижу. Во всяком случае, я не должен торопиться, так как это уже последняя станция, weg weiss? Я буду очень рад слышать о Вашей работе и как Вы себя чувствуете в вашей умной стране? Тут теперь сезон, но мало народу, валюта очень высокая. После переговоров с Б. и W. – вам напишу подробно. Будьте здоровы и гуляйте побольше, а работайте поменьше! Я вспоминаю последнее берлинское лето, как мы много гуляли по озерам. Wie der Deutsch sagt: «Ende gut – alles gut»¹³. С сердечным приветом, желаю вам всего хорошего. Ваш Рабинков. Привет исааковским друзьям.

7. 3. Рабинков – С. Каплану

Schevenungen Kapelplein 7.

29. 6. 1939

Дорогой Шимон!

Давно от Вас не имел известий. Надеюсь, что у Вас все благополучно. У меня процесс переселения в Америку еще не кончился. Новый консул амер<иканский> находит, что той «affidavit» от приятеля

¹² Впитывать атмосферу Эрец-Исраэль.

¹³ Как говорят по-немецки: «Все хорошо, что хорошо кончается».

недостаточно, так как теперь требуется, чтобы ручательства эти были от родственников, живущих там (хотя прежний консул был согласен с этим америк<анским> ручательством и даже сам мне предложил это от приятеля), и вот теперь требует новый консул, чтобы я еще доказал, что у меня там будет заработок, который достаточен для жизни (указать ему на заработок в тамошних институтах еврейских, теологических и религиозно-философских – это еще английским языком), его не убедит, так как я не владею апулейским языком, поэтому я нахожу единственным способом его убедить, что не буду голодать, т. е. главное, что я не буду пользоваться от америк<анской> z(e)daka)¹⁴, если Арон мне пришлет Евр[ейской] энциклопедии письмо, что они меня приглашают работать для энциклопедии и писать для них работы, кроме от моего Facha, и также обозрения тамошних научных евр. теологических и научных религ<иозно>-фил<ософских> институтов. А главное, что они мне предлагают также, чтобы в письме было выражено, что они надеются, что я соглашусь на эти условия и просят мой ответ "bejahend" (утвердительный). Письмо это и предложение нужно писать по-французски, так как консул нынешний не понимает по-немецки, а по-английски опять не хорошо это будет, опять, как по заказу, то остается единственно французский язык. Понятно, что все это должно нести официальный характер, то есть ain firmen shtempel¹⁵. Впрочем, я все это оставляю, как исполнение также и форму на усмотрение Арона. Я от него пять недель тому назад получил письмо из Лондона, он мне писал, что надеется через три недели приехать в Paris. Я не знаю, приехал ли уже ли нет, во всяком случае прошу Вас доставить ему это мое письмо, или ему, если он уже в Paris и он живет далеко от Вас, телефонно, передать содержание письма и прошу его постараться не медлить с ответом, так как все прочие нужные процедуры уже исполнены, также и врачебный осмотр три недели тому назад, и врач нашел, что я совершенно здоров (врач тоже американец). Вот я еще жду новый паспорт от немцев. Но это не так важно, так как, если я не получу немецкого, то тогда мне дадут голландцы паспорт, который дает право на Reise. В ожидании скорого ответа. Желаю Вам и Фанни Яковл<евне> всего хорошего, с серд<ечным> приветом.

Ваш З. Рабинков.

Передайте серд<ечный> привет Софье Владимировне.

Письмо Аарона: отв<етил> заказным 29.7.1939

¹⁴ Благотворительность (иврит).

¹⁵ На официальном бланке (идиш).

VI. Исаак Донской

1.

Каунас. 18. февр. 1934

Дорогой Арон!

От всей души благодарю за открытое письмо, которое нас¹ чрезвычайно обрадовало.

Дай Бог, Ты найдешь остров счастливым («счастливые острова») и мореплавателей просвещенными². Ты оказался в новом окружении, под новыми небесами; посмотри на них новыми глазами, ты, несомненно, много узришь и определишь. Я надеюсь, что скоро тем или иным путем (письмами, в печати), ты сделаешь доступными твой последний опыт и твои выводы.

Я выдаю тетю, т. е. твою маму, и очень часто с ней говорю по телефону. Она выглядит хорошо, однако ее удручает нездоровье ее сестры, г-жи Фридман. Между прочим, тетя мне говорила, что волнения, связанные с этим нездоровьем, мешают ей Вам достаточно часто и подробно писать.

Привет Льву Платоновичу³ я передам.

У меня нет особенных новостей. Что я не в Лондоне с вами, я крайне сожалею. Во многих отношениях Англия и Лондон как раз теперь, как раз при данных условиях, – несомненный optimum. Но не всем может удаваться этим optimum'ом пользоваться.

¹ И. Донской имеет в виду себя и жену Марусю.

² Донской поздравляет с прибытием в Англию, куда Штейнберг переехал из Берлина в феврале 1934 г.

³ Лев Платонович Карсавин, философ, с 1928 по 1940 гг., – проф. кафедры всеобщей истории Литовского (Каунасского) ун-та.

Я скоро пришлю статью для «Frage Wort». Передай Исааку и его семье от всех нас горячий привет. Горячий привет шлем и тебе.
Преданный Тебе Исаак

2.

Kaunas. 28.III.1934

Дорогой Арон!

Благодарю за письмо. Впрочем, неперсонально адресованные вести из Англии от тебя я имел в твоих статьях в «Fr. Wort». Я имею в виду статьи, подписанные А. Sch.⁴ Теми из них, где мы давали английским евреям наизидание к Пуриму и где мы констатируем гибель Европы в Европе, я был восхищен. Это не исключает частичного разномыслия. Мне кажется, что ты преувеличиваешь германскую центральность и духовную космополитичность в прошлом. Еженедельные обзоры в «Fr. Wort» мне представляются очень ценными. В последних номерах они особенно удачны. Судя по объявлениям, финансовая сторона журнала здоровеет, и вообще можно вас всех с журналом, с его внутренним и внешним успехом, поздравить. В будущем надо надеется, оба этих одинаково важных и друг друга обуславливающих успеха будут дальше расти. Статью для «Fr. Wort» я скоро пришлю. Номер, о котором писал, прибыл с некоторым опозданием.

Был очень рад читать твой анализ первых британских впечатлений. Твои впечатления и выводы положительны, и я не сомневаюсь, что в дальнейшем ты откроешь еще много красот и глубин английской жизни. Твое замечание о специфически английском совпадении культуры и быта я считаю особенно метким и точным. С двумя пунктами я не согласен. Мне не кажется, что в Англии преобладает формальная логика над диалектической. Примиряющее так много противоречий разнообразие английского духа, по-моему, не лишено диалектических моментов. Я не сказал бы, что в Англии нет систематической культурности в немецком смысле слова. Может быть, в Англии меньше систематичности, но зато больше культурности. Мне английский дух кажется в своих основных принципах чуть ли не единственной хорошей доброй силой в теперешнем мировом хаосе. Вопрос, порождающий горькие сомнения в том, останется ли Англия сама собою, не

⁴ Этим криптонимом А. Штейнберг подписывал свои обзоры в еженедельнике.

заразится ли она бациллами «континентальных» безумий, не пропадет ли Англия в Англии, как, согласно твоей статье, Европа пропадает в Европе.

Приближается Пасха, и мы все всем вам от всей души желаем хороших праздников. Слава Богу, вы их снова проводите вместе и в Лондоне. С праздником Bar Mitzvah Левы я уже поздравлял в Лондоне, когда он фактически наступил. Еще раз желаю Леве быстрого и плодотворного развития на радость и ему, и родителям.

Тетю вижу довольно часто. Она была у врача, нашедшего ее состояние хорошим. Она теперь бодрее и веселее.

У меня за последнее время ничего нового не произошло. С горячим приветом от всех нас преданный Тебе Исаак.

3.

Kaunas. 5.XI.1934 Дорогой Арон!

После долгих странствований (их длина и сложность была навязана особенностями избранного маршрута) я попал в Ковно.

Мама Ваша, слава Богу, здорова, прекрасно выглядит. К сожалению, я ее в последнее время не часто вижу. Она крайне занята домашними делами. Надеюсь, что у вас все здоровы. Журнал хорошо развивается и уже празднует первый юбилей, с которым поздравляю от души. Между прочим, последние номера от чего-то не прибыли.

Ты, вероятно, все более акклиматизируешься на Вашем мнимом изолированном, универсальном, вселенском острове.

Всем Вам шлем горячий привет (Поздравляем Аду с преодолением обременительной формальности экзаменов). Привет и Софье Владимировне (я надеюсь, что она уладила трудности с разрешением).

От души преданный тебе Исаак.

4.

Kaunas. 10.I.35

Дорогой Арон! Шлю с большим опозданием книжку, одолженную у Исаака. Она затерялась, и я ее нашел лишь теперь. Шлю ее тебе, а не Исааку, т. к. нового адреса Исаака не знаю и не уверен в том, что вы живете вместе.

Тети давно не видел, но знаю, что она чувствует себя довольно хорошо. Твоя тетя Эсфирь подавлена горем, но находит бодрость в духовном труде.

Шлю Вам всем горячий привет от нас обоих.

Искренно тебе преданный Исаак

5.

Kaunas. 20.I.35

Дорогой Арон!

Пишу тебе по поручению твоей тети Эсфири, которая теперь стала во главе издания философского журнала под названием «Philosophie Blätter»⁵ с участием местных философских и научных сил и просит о твоём сотрудничестве. Возможно, что удастся платить гонорар. Твоя тетя еще очень убита горем, но готова к энергичной работе.

Маму Вашу я в последнее время чаще видал: она очень бодрa и активна, хотя находит необходимым обращаться к врачам.

Жду твоего ответа. Напиши о вашей жизни.

Шлем вам всем горячий привет.

Преданный Тебе Исаак

6.

Kaunas 20.II.35

Дорогой Аарон! Благодарю за письмо. Слава Богу, улажен вопрос с твоим правом окончательного или длительного пребывания на *isle of the blessed* (остров блаженных). Ты, наблюдая и углубляясь, взвешиваешь достоинства и недостатки почти последнего оплота свободной человечности. Оплот менее тверд и устойчив, чем это должно быть. Пороки вкрадываются в убежище добродетелей. Но британские добродетели еще преобладают. Выражаясь языком *Pirke avot* (Perek 5), можно про Британию сказать: *Efseda he-skhara yatsa*. Или мой оптимизм – только иллюзия и континентальная зараза окончательно осквернит «великолепную изоляцию островных свобод?»

Вопрос с гражданством тети еще не улажен. Следовало бы Вам письмом попросить д-ра Сударского, дружного с Розовским, серьезно

⁵ Философский журнал.

попросить последнего о большем усердии в проведении дела Вашей мамы. Тетя выглядит хорошо, но еще слаба и очень о Вас тоскует.

Возвращаюсь к тебе. Все тобой написанное в «Fr. W», как много другого в нем, читаю с большим удовольствием. Из твоих рассказов особенно удачным, в его тихой красоте, наглядной убедительности и углубленной ясности, мне показался первый.

Я надеюсь, что ты ответишь положительно на предложение писать в затеваемом здесь журнале.

Для газет пишу не часто. Остальные работы медленно движутся. Я мог бы для «Fr. Sch.» написать статью на тему из международной этики и специально об этических аспектах понятий суверенитета и интервенции. Как Исаак отнесся бы к такой теме?

С университетом дело еще не выяснилось. Вообще новостей нет, за исключением того, что тебе известно.

От нас всех привет вам всем. Привет и моему у вас живущему племяннику. Искренне преданный Тебе Исаак.

PS: Привет Софье Владимировне; я надеюсь, что она сможет вернуться в Лондон. Твой привет Карсавину я передал.

7.

Kaunas 6.II.1936

Дорогой Арон!

Прости долгое молчание. Я только теперь благодарю за присланную очень интересную вырезку (статья *Der Jude'a*⁶).

Тетя приблизительно здорова, но как-то ослабела. Она живет в хороших условиях, но нельзя говорить о каком-либо уходе, об окружении специальными заботами. Тетя мечтает, неизменно и неослабно, о встрече с Вами.

Из прессы я узнал о выходе новой книги «Frage Schriftn». Мне предоставляется странным, что мне не послали книжки (и как другу, и как в них раньше сотрудничавшему мне экземпляр послать бы следовало). Между прочим, на неполучение книжки жаловалась и твоя тетя Эсфирь. Если желательна уплата, можно ведь было бы ее произвести.

В свое время Ты писал Твоей тете о намерении рецензировать «Gedank un Leb'n» в американской прессе. Осуществимо ли это?

⁶ Журнал М. Бубера. 1927 с. 66–81.

Тут же имеются возможности для выпуска второй книжки нашего прошлогоднего сборника, но пока отсутствует условие второстепенное, но главное, постороннее, но основное: деньги. Если эта трудность окажется устранимой, мы приступим к изданию, и тогда, я надеюсь, ты не откажешься прислать обещанную статью.

Сотрудничавший в «Gedank un Lebn» доцент Ковенского университета д-р Хаим-Нахман Шапиро⁷ просил справиться у тебя, была ли бы желательна для «Frage Schriftn» его статья «О Гаскале (Haskala) и национализме», написанная объективно-академически, но все же с известным сионистским «уклоном».

От тети я знаю, что вы оба здоровы. Я надеюсь, что все здоровы и в семье Исаака и что от него продолжают поступать хорошие сведения (о его успехах в Южной Африке известно и здесь).

Примите вы все (включая семью Исаака) от нас обоих искренний привет.

Не откажись написать в скором времени. И напиши об Англии, этой как будто по-прежнему прекрасной стране, которая и недавно ее посетившим издали кажется таинственно-фантастической.

Горячо преданный тебе Исаак

8.

29.III.36

Дорогой Арон!

Твои письма, которые получают на мой адрес, я немедленно их передаю тете. На днях я по просьбе тети отправил для тебя L 355⁸, но так как адрес был не точный, то деньги тебе не были вручены. Завтра я исправлю адрес и надеюсь, ты скоро деньги получишь. Тетя к нам часто заходит, здоровье ее за последнее время немного улучшилось, но предпринять сейчас поездку в Лондон во всех отношениях для нее затруднительно, и ты в своих письмах не должен на этом настаивать [подч. автором – Н. П.]. Желательно было бы, чтобы ты с супругой приехал в Ковно повидаться с мамой, и тогда сообща сумеете провести лето на даче. Это было бы приятно и полезно. Передай привет твоей многоуважаемой супруге, Исааку с семейством.

⁷ Шапиро Х.-Н. (1895–1943) – известный литературовед, преподаватель семитских языков, с 1931 г. – проф. Каунасского университета.

⁸ Лит – национальная валюта Литвы 1922–1940 гг.

Твой Исаак
Моя жена шлет вам всем сер<дечный> привет.
Желаю вам всем весело провести Пасху. Исаак

9.

Kaunas 21.XII.36

Дорогой Арон! Благодарю за письмо и за полученные для Вольфсона сведения, которые я ему передал. Я надеюсь, что он ими воспользуется.

Относительно Могильнера, я могу добавить, что его потенциальная «звездность» была признана в Париже профессорами Finkel (из Германии) и Gregoire. В Лондоне он предполагал бы учиться у Joos или Фокина⁹.

События в Англии волновали и нас. Пока мне представляется оправданным вывод относительно положительный. Воля парламента восторжествовала. Народоправству не причинено видимого ущерба. Скорее ослаблены стропила новейших (и одновременно средневековых) типов реакционной революционности. Но можно этот диагноз упрекнуть в беглом и легковесном импрессионизме. Для углубленно-серьезного взгляда горизонты все еще беспощадны мрачны.

Франция, независимо от диагнозов и прогнозов, от анализа определяющих ее факторов и от синтеза их взаимодействия, необычно справедлива, неожиданно свободна, непонятно благородна. Но и тут, может быть, только импрессия.

Твоя мама довольно бодрa и недурно выглядит. Она неизменно стремится к встрече с Вами. Мы все шлем Софье Владимировне и тебе, а также семье Исаака искренний привет.

От души преданный тебе

Исаак

P. S. Я надеюсь, что ты не откажешься продолжать узнавать о возможностях для Вольфсона. Если только есть какой-нибудь известный тебе путь для дела Могильнера, не откажись о нем сообщить.

⁹ Finkel Heinz (1908–1946) – танцор и хореограф из Германии, в 1933 г эмигрировал во Францию из солидарности с преследуемыми еврейскими артистами; Gregoire – Дж. Баланчин (1904–1983); Joos Kurt (1901–1979) – хореограф классического балета; Фокин М. М. (1880–1942) – хореограф и артист, в 1936–1937 гг. гастролировал в Лондоне.

Каунас. Erev hag ha-Pesach 5696 [1935–1936]

Дорогой Арон!

Благодарю за письмо и за добрые пожелания.

Однако в то же время в добрых пожеланиях есть нечто утопическое, несбыточно-нестественное. Они как будто стимулируют или постулируют чудо. Доброе невероятно в наши дни. Но тем более приходится благодарить за его пожелание.

Я вполне разделяю, и интеллектуально, и эмоционально, твои мрачные, грозные прогнозы. Тухнут последние европейские очаги нравственной бдительности. Едва тлеют, догорают последние огоньки некогда прославленной европейской человечности. И наступают Hoshah ve-afela¹⁰. Мы можем прибавить: Ha-shem erahem!¹¹

Нет сомнения в Божественно гарантированном триумфе добра. Но все это – Aharit ha-yamim¹². А если – Aharit ha-yamim – бесконечно далека, мы не ближе к ней теперь, чем в худшие времена древности и средневековья. Мы родились и воспитывались в годы, когда была естественна уверенность в том, что наше время хорошее и что оно будет становиться все лучше. Теперь придется свыкнуться с уверенностью в обратном. Мир нам теперь как бы появляется с обратным знаком. И страшно видеть Мировой Минус на листе Мирового Плюса. Но все же будем верить в Плюс, Af al pi she-itmahmeah¹³, верю последней верой, хотя, когда придет это время!

Благодарю за только сегодня прибывшие «Frage Schrift». Я успел заметить, что первые три статьи крайне интересны. Заметку в «Na-olam» я в свое время видел. Вторая книжка «Gedank un Leb» не издается из-за недостатка денег, а также из-за общей «апатии», общего «опускания рук». Впрочем, возможно, что кое-что удастся предпринять.

Я уверен, что твои опасения относительно возможности остаться в Великобритании не обоснованы. Выбраться Вам с вашей мамой во всяком случае необходимо. Она о вас не перестает мечтать.

Мы все шлем тебе, Софье Владимировне, а также всей семье Исаака горячие поздравления к наступающему празднику. Да наступит

¹⁰ Темнота и мрак.

¹¹ Б-г помилует!

¹² В конце дней.

¹³ Несмотря на задержку.

действительно для нас всех давно пришедший и все еще ожидаемый Zman herutenu!¹⁴ С дружеской любовью. Исаак.

Я согласен на bilateral pact о частных письмах¹⁵. Но он должен уберечься от судьбы пактов дипломатических.

P. S. Поздравления и наилучшие пожелания Камберу¹⁶.

11.

11.1.1937

Дорогой Исаак! По поручению твоей мамы сообщаю тебе следующее.

Относительно визы для тебя на Литву в консулат обращаться не следует. Визу получит здесь г. Розовский; для этого необходимо ему сюда прислать твой паспорт. Также следует точно сюда сообщить время твоего последнего пребывания на Литве (день прибытия и день отъезда). Паспорт ты бы мог заказным прислать твоей маме.

Твоя мама также интересуется вопросом о возможности приезда сюда Исаака и хочет знать, намеревается ли Исаак с ней увидеться в скором времени.

Искренний привет вам обоим и Исааку с семьей.

Твой Исаак.

Приписка Е. Штейнберг. Мои дорогие, на все вопросы прошу ответа и благодарю наших родных не задерживать ответ мне, как всегда. Ваша мама

12.

Лондон «Kensington».
2, Boscombe Spa Road
Bournemouth (Hampshire)
Aug. 16 Б. д.

¹⁴ ...ожидаемое «время нашей свободы (освобождения)».

¹⁵ Видимо, речь идет о двусторонней переписке братьев. Исаак намекает на судьбу антикоминтерновского пакта, обсуждение которого то откладывалось, то возобновлялось в течение года. Пакт был подписан 25 ноября.

¹⁶ Камбрия – латинское название Уэльса, по имени легендарного короля Камбера.

Дорогой Арон! Первое место, в котором мы оказались по приезде сюда, было нам сдано только на неделю, и теперь приходится наново переселяться. Наш новый адрес именно тот, который указан в заголовке письма.

Здесь очень хорошо. Простор, тишина, чистота воздуха, красота ландшафтов – все это здесь имеется в специфически британском обилии. Это не исключает некоторых недостатков.

Мы здесь думаем пробыть еще две недели. Может быть, ты бы сюда собрался? Если да, напиши заранее, и мы тебе резервируем комнату (наш новый пансион – еврейский).

Я надеюсь, что вы все в добром здравии. Оба шлем вам всем горячий привет.

Искренне преданный тебе Исаак.

13.

24.III.37

Дорогой Арон! Прошу Тебя и Софью Владимировну, а также Исаака с его семьей принять искренние пожелания счастливых праздников.

Благодарю тебя за сообщение о Бабинском, которым Вольфсон и я уже воспользовались (ответа еще пока нет).

Здесь все время тетя сообщала о подготовке твоей поездки. Но, очевидно, ты ее отложил. Тебе предстоит много британских впечатлений в коронационные месяцы. Может быть, нелегко отлучаться из места столь центрального, как Лондон. В этом отношении может казаться особенно невыгодным быть в Ковно, так далеко от решающих центров. Но возможно, что центр и его влияние легче всего оценить на периферии. Если Лондон делает погоду, в нашей глуши можно на своей шкуре эту погоду испытать. И у нас можно вдыхать мировую атмосферу 1937 года. Итак, я надеюсь, что мы скоро увидимся.

Тетя выглядит и чувствует себя неплохо.

Преданный Вам Исаак.

VII. Семен и Фанни Капланы

1.

Фанни – Аарону

Прага.

6.12.34

Дорогой Аарон Захарьевич, письмо к Вам лежит на моей совести уже много дней. Хотела Вам сразу ответить, но в каждодневной суете все откладывала [...].

Год, что мы прожили в Праге, прошел так, как на пересадочной станции в ожидании поезда. На знаю, знакомо ли Вам это чувство, но я его не раз испытывала в долгих путешествиях в Теркестан. Праге мы оторвались в пространстве и повисли на ниточке времени.

Никаких материальных перспектив. Но виза в Париж у нас всего на 2 мес. И продление теперь получить совсем нелегко.

Вы пишете, что этот год был одним из самых тяжелых в Вашей жизни. Это я себе как раз представляю [...].

2. Семен – Аарону

Paris XV 23 rue Morillons

R. Ginzberg

24.XII 1934

Дорогой Арон Захарьевич!

В Праге до отъезда все собирался ответить Вам на Ваше письмо. Мы с Вами теперь не видались уже 1½ года, и вряд ли можно нашу

необщительность приписать одним только внешним обстоятельствам. Время это было для нас тяжелым во всех смыслах. Тем не менее, из Вашего письма мне кажется, что Вы внутренне и внешне имеете какую-то точку опоры, из которой можно исходить, т. е. можно жить. По Вашему первому письму судя (второе мне Фанни Яковлевна еще не прислала), я понимаю, что тяжелым было это время после переезда из Герм<ании>. Как Вы теперь здоровьем чувствуете?

Знаю я, что Вы получаете какую-то стипендию, пишете в газете и журнале брата, по слухам не (подчер. автором – *Н. П.*) делаете Дубнова, о чем горюет издатель. Будто бы Вы читаете в новообразованных курсах в Лондоне лекции. Все, что я слышал от разных людей, и хорошо бы, если б Вы сами написали, что с Вами.

Кстати, информацию о Вас и Вашем брате я получил по дороге сюда, встретив в Цюрихе, в вагоне, несомненно юркого журналиста Света, которого знал в лицо по Берлину¹. Он же мне дал номер «*Dos Fraue Wort*», а по приезде сюда, у Раф<аила> Як<овлевича> получил несколько номеров, в частности, читал и юбилейный (я за это время научился читать). С интересом читал Ваши рефераты о книгах и искал в них, чем Вы дышите. Но из них мало что видно.

Вот напишите! [...]

О нас: материально мы еще держались до конца Тешена. Затем наступило очень трудное время, прервавшееся временно тем, что мне удалось с патентом Сергея Яковлевича² кое-что сделать и что нас последние 1½ года кормило. Сейчас я опять в неизвестности и приехал сюда в надежде что-либо скомбинировать, так как в Праге это как будто безнадежно [...].

В Праге мы имеем пару знакомств, в частности, Гессена и Бинштока³. Гессен – расположеннейший к людям человек. Живется ему очень-очень трудно. Он перебивается статьями и комбинациями. Теперь его пригласили в Польшу в педаг<огический> инст<итут>, и осенью он уедет. Биншток перебивается с большим трудом статьями.

¹ Свет Гершон (1893–1968) – журналист, музыкальный критик, сионист. Корреспондент газет «Момент», «Рассвет», «Гаарец» и др.

² Сергей Яковлевич – муж Маруси, сестры Фанни Каплан.

³ Гессен Сергей Иосифович (1887–1950) – философ, публицист, педагог. Эмигрировал в 1921 г. в Берлин, проф. Русского научного института, член правления Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии. Биншток Михаил Львович (1871–1942) – журналист, сын переводчика Л. М. Бинштока.

Живем мы в Праге довольно изолированно и относительно много читаем. Фанни Яковлевна работает в кабинете Прокоповича⁴ и пишет в его Бюллетене. Хоть и есть там «die smetana» русской интеллигенции, но с ними трудно общаться. Им всем уже много годов, и, если хотите, они в чем-то сливки Европы конца века и очень достойно доживают свой век на чужбине, но они прошлое.

Видел я Чернова (часто вижу на улице). Богатая у него седая шевелюра, а на собрании одним пошучивал и был жалок. Живет еще в Праге Лазарев⁵. Доживает дни свои, но всем интересуется и бывает на всех собраниях.

Бываем мы на собраниях философского об-ва. Но это хоть и по-русски, но мертво. Лапшин, несмотря на старость, боек⁶, а Лосский очень мил, но елеен, как дьячок⁷.

В общем, тяжелейшая и драматическая эта картина русской эмиграции. Мы ее в Берлине не знали.

В Праге теперь Клейн⁸. Он должен был при нем<ецком> унив<ерситете> прочесть несколько лекций, но пока унив<ерситет> этот до янв<аря> прикрыли. Клейн стал немного солиднее. Материальные его дела неважны.

Здесь видел Гордина⁹, который меня прямо поразил умением выразить свою мысль ясно и коротко. Он здесь получал стипендию наряду с немецкими «ординариями»¹⁰ (его слово!). Стипендия дальнейшая

⁴ Прокопович Сергей Николаевич (1871–1955) – экономист. Эмигрировал в 1922 г. и основал в Берлине (потом перенес в Прагу) «Экономический кабинет» для сбора материалов о хозяйственной и общественно-политической жизни в Советской России.

⁵ Лазарев Егор Егорович (1855–1937) – российский революционер: народник, эсер, политэмигрант, в Праге – издатель ж. «Воля России».

⁶ Лапшин Иван Иванович (1870–1952) – философ; вывезен на философском пароходе в 1922 г.; с 1923 г. – профессор Русского народного института; в Праге с 1924 г.

⁷ Лосский Николай Онуфриевич (1870–1965) – христианский философ, приват-доцент С. Петербургского ун-та. Выслан в 1922 г.

⁸ Клейн Яков Савельевич (1899–1978) – философ и переводчик. Переводил на нем. язык «Систему свободы» и «Достоевский в Лондоне» А. Штейнберга.

⁹ Гордин Яков Исаакович (1896–1947) – философ-неокантианец. Род. в Двинске, учился в С. Петербургском ун-те. На юге России познакомился с хасидизмом и Кабалой. В 1921 г. вернулся в Петербург и стал активным участником Вольфилы. Бел. ус. II. 720–725. С 1933 г. во Франции. Его (и р. Шошани) подход к иудаизму был развит в особую систему преподавания учеником – Л. Ашкенази (система Маниту). См.: Н. А. Дмитриева. Биографические и философские ландшафты Якова Гордина. Часть Первая. 2016. С. 131. <https://cyberleninka.ru/article/v/biograficheskie-i-filosofskie-landshafty-yakova-gordina-chast-pervaya-1>

¹⁰ Священнослужители, занимающие должность.

у «ординариев» под вопросом, но у него она вероятно будет, так как он пошел, по выражению Шварца¹¹, «по линии раввинов», т. е. Grand rabbin и Айзенштадта¹². Пишет Гордин в еврейско-французском журнале (редакция, кажется, Кожевникова). Гордин, хотя ему и нелегко, но, по-моему, «ein gemachter Mann»!

Шварцу живется тяжело. Здесь сейчас Геллер¹³ на пару недель из Берлина. Он там дает уроки языка и ритуала, на что, как Вы знаете, там теперь большой спрос.

Кожевникова еще не видал. Ему нелегко живется.

Как Исаак Захарьевич и все ваши поживают? Как Эсфирь Захарьевна? Ваша мать? Поклонитесь всем Вашим в Лондоне. Напишите поподробнее. Сердечный Вам поклон и жму руку Ваш. С.

Пришлите мне статью Вашу о христианство и кризисе, а, если еще что имеется, тоже.

PS:

25.XII.34

Получил Вашу открытку. От 23.XII. О Разумнике знаю следующее со слов не названного мне, но маститого современного писателя в России. Вокруг Разумника был кружок писателей, кажется, 13 чел. Люди эти были все писательского «котла», работали в мелких издательствах и «естественно» к печатанию не или почти не допускались. Год тому назад или больше их арестовали. Обвинили в «крестьянско-фашистских» настроениях и сослали. Николаевский¹⁴, который мне об этом рассказывал, думал, что Разумник Васильевич еще в тюрьме. Я попрошу навести справки, если он сможет. Говорил он мне, что ему хотелось бы теперь для архива статью о Либермане¹⁵, у вас печатавшуюся.

[...]

Напишите о себе поподробнее.

¹¹ Шварц Михаил Наумович (1873–1946) – философ и критик. Участник Вольфины, печатался в «Логосе», «Голосе России», «Руле» и т. д. С 1933 г. – в Париже («Современные записки»), после войны вступил в Союз Советских патриотов. Автор книги «Достоевский как религиозный мыслитель». Белоус II. С. 271–276.

¹² Айзенштадт А. Г. – торговец.

¹³ Геллер Иосиф Ильич (1888–1957) – доктор права, работал с Дубновым и А. Штейнбергом на кафедре философии в «Институте высших знаний» (Петроград. 1918 г.). Стремился к органическому сочетанию иудаизма и кантианства.

¹⁴ Николаевский Борис Иванович (1887–1966) – архивист и политический деятель, арестован как меньшевик и выслан из Сов. России, в 1932 г. лишен сов. гражданства. Автор книг о терроризме и политической полиции.

¹⁵ Либерман Арон Самуил (1845–1880) – писатель, журналист, социалист.

3. Фанни – Аарону

Прага 13.II.1935

Дорогой Аарон Захарьевич!

На этот раз переписка прервалась по моей вине. Хотя я и не совсем виновата, как Вы сейчас увидите. Сначала я была занята докладом, к которому не без рвения готовилась и который должен был быть еще в середине января. Но с тех пор и доклад давно написан, и дважды откладывалось его чтение, ибо я с конца декабря хвораю [...]. Доклад мой на тему: «Основные черты трудового законодательства СССР» [...]. Эпоху военного коммунизма восстанавливала в памяти не только по законодательным памятникам (что это за захватывающее чтение!), но и нас всех самих, тогдашних, вспоминала, и «дух» того времени.

За этот год я, работая, приблизилась к «русскому», к России и, вместе с тем, внутренне, я немножко оправилась от долгих лет работы внутри «аппарата».

Что у Вас? Сем. Н. мне писал, что Вы собираетесь в Ковно и м. б. в Париж. Так ли? Хорошо бы встретиться там, но я и сама еще не знаю, когда попаду в Пар<иж>. Вопрос о нашем переезде туда как будто решается в положительном смысле, но нет еще продления правожительства, а до тех пор я не могу поехать. В Ковно Вы, верно, поедете на короткий срок. А на дальше? Лондон? Удастся ли Вам получить продление стипендии еще на год? Удастся ли хоть немного работать для себя, помимо полуоязательного сотрудничества у брата и над Дубн<овым>? А как виза Софьи Влад<имировны>, и что она поделяет?

Я Вам в прошлый раз писала, что мы здесь в Праге чувствовали себя чужими и чуждыми всему, сейчас Сем<ен> Н<аумович> пишет о такой же чуждости латинской культуры (особенно без языка). А Вы «отшлифовались» ли как-нибудь в англо-саксонской среде? Думаю, что англо-саксонская наиболее далекая и чуждая нам, дважды чуждая: как евреям и как русским евреям. Их мореплавательское мессианство на всех путях расходилось с нашим континентальным странствованием по миру.

[...] Привет сердечный, всего, всего хорошего. Ф. Я.

4. Семен – Аарону

Paris XV 23 Pace des Morillons

25.5.1936.

Дорогие Софья Владимировна и Арон Захарьевич!

Опять прошло много времени с тех пор, как мы получили ваше последнее письмо, хотя хотел я для оживления общения написать вам с обратной почтой.

Не говоря о том, что внешние события совсем не располагают к воодушевлению, я за это время лишился работы, точнее, она ликвидируется к 7 июня и значит надо будет без языка постараться найти что-либо другое. Это более чем трудно. С нашими остальными делами пока никакого движения, и в руках у нас только опротестованный 19 февр<аля> вексель. Но в этом смысле теперь как будто есть надежда.

Что у вас? Как здоровье Софьи Владимировны? Как у вас устроилось со стипендией? Есть ли до выхода «Истории» какие-либо другие источники дохода или кредита?

Как все Ваши поживают? Вернулся ли брат? Имеете ли сведения от Эсфирь, Рабинкова? Я от него уже очень давно ничего не имел, правда, и сам не писал.

Что писать о событиях, когда они так безнадежны! Хамо-цезари процветают, а «Цветок» и здесь увянет, хоть он очень милый, тонкий интеллигент, как говорят¹⁶. Видел пару бежавших из России людей молодого поколения, так сказать, беспартийных оппозиционеров, людей из народа, принявших, но не выдержавших.

Должен вам сказать: это дети диктатуры, цивилизаторы, борцы за прогресс, как его понимают теперь в России и, видя их, я понял, что в России народились новые люди, а те из них, что в оппозиции, сами плоть от плоти того, что есть. Вероятно, есть исключения, но должно пройти очень много времени, чтобы откристаллизовался новый культурный слой, иные духовные ценности и на их основании и иные представления о социальной структуре общества. К понятию «свобо-

¹⁶ Европейскую ситуацию С. Каплан передал реминисценцией из Д. Мережковского (его известного сборника «Грядущий хам», 1906), а будущее Франции, в которой недавно был избран премьер-министром «тонкий интеллигент» социалист еврей Леон Блюм (1896–1938), дважды возглавлявший правительство Народного фронта, указанием на его имя: Blume – цветок (нем.).

ды» Екатерины Кусковой возврата нет и не надо¹⁷, но до синтеза с этим или подобным понятием прошлого века в России страшно далеко.

«Общее дело» Федорова в России осуществляется в том смысле, что у молодого поколения сознание общей ответственности за цивилизаторский прогресс России. А тем временем Россия вновь стала большой империей на фундаменте «бесклассовом», а свежие люди из народа, приобщившись к власти и хозяйствованию страной в надежде на будущее, не видят, не хотят видеть и отчасти не могут [подч. автором – *Н. П.*] видеть выкристаллизовавшейся новой формы «тотально-го» порабощения.

Просвещение (позднее, цивилизаторское) и Прогресс – вот идеал этой «общественности». В противовес этому, одному моему знакомому в Москве, в баре, с пьяных глаз сказал один интеллигент инженер, перевидавший в эти годы полярную ссылку, процесс и пр.: «Вы думаете, что так и заставили нас замолчать и русский человек уж и не хочет по душам поговорить». Это после того, как он рассказал ему, что он в России за эти годы все видел и уже даже не боится, если его собеседник, т.е. мой знакомый, в ГПУ служит.

Но повторяю, по-моему, еще вновь должна внедриться в новоприбывших людей преемственность культуры русской, чтобы родились новые декабристы. Те же люди, которые теперь в оппозиции, в ссылке, это или старое поколение, или молодежь, которая сама есть плоть от плоти существующего.

Вообще-то в России большие изменения происходят, и там, в отличие от фашизма, есть возможность развития и перерождения.

В Палестине печальные дела творятся. Видимо, арабское национальное сопротивление очень сильно за эти годы выросло, сионизм же в этом его виде беспомощен и безыдеен. Как в отношении еврейства, так и в отношении к арабам.

У арабов тоже есть марширующие скауты, и, если почитать Лоуренса (аравийского)¹⁸, то страшно становится за Палестину, и отвращение вызывают эти местечковые лидеры и деятели сионизма в своей безответственности. А люди оттуда, даже немцы, пишут бодрые пись-

¹⁷ Кускова Е. Д. (1869–1958) – журналист и политический деятель, народница.

¹⁸ Томас Эдвард Лоуренс Аравийский (1888–1935) – британский офицер и путешественник, возглавлял арабское восстание против турок. Автор книги «Семь столпов мудрости» (1926).

ма. Я же думал, что Арнольды Барты начнут бежать из «Азии» в поисках новой «Heimat»¹⁹.

Забыл Вам написать, что я уже несколько месяцев с Эйнгорном²⁰ читаю Талмуд по субботам, комментарий на идише. Прочел я недавно перевод первой главы Sohar о творении (изд. Шокена)²¹. В этом волнующая сила.

Гордина давно не видел. Ему живется очень трудно, но он работает и немного пишет для «Cahier Juif». Шварца на днях встретил. Он очень постарел и похудел. Жена его оставила. Он мне говорил, что «молодой Штейнберг» ему не ответил на письмо. Кто-то ему немногим, кажется, помогает, но этого далеко не достаточно. Рафаил Яковлевич имеет очень хорошую практику, но малыми доходами. Вообще-то у нас здесь почти нет людей. Dëblin'a²² я не разыскал. Боюсь напрашиваться. В остальном мы живем по Дон-Аминадо: играет в лотерею и не выигрывает, а живет в XV аппондистане почти безвыездно²³.

Теперь у меня будет свободное время: надо будет засесть за «языка». Фани Яковлевна же только кончает высший курс Allians'a²⁴ и пишет очень хорошо, а говорит труднее, но правильно.

Просьбы у меня следующие

1. Если сможете, бесплатный экземпляр 3-х томного Дубнова мне дать, когда выйдет.
2. Для пропаганды один экземпляр «Нравственный Лик Революции»²⁵ и у них там была еще брошюрка с программой Л. С. Р-ов.
3. Адрес Клейна

¹⁹ Видимо, обобщенное имя двух агентов российских спецслужб Арнольда Дейча и Роберта Барта (оба – немцы).

²⁰ Эйнгорн Давид (1886–1973) – еврейский поэт, драматург и публицист; получил традиционное воспитание; изучал талмудическую литературу в Виленском иешивоте. Выслан из России; с 1924 г. в Париже.

²¹ Издательство, основанное Ш. З. Шокеном в 1931 г. Берлине, в 1933 г. семья переехала в Палестину.

²² Дёблин Альфред (1978–1957) – немецкий писатель, с 1924 г. – президент Ассоциации немецких писателей. Автор романа «Берлин, Александерплац» (1929). С 1933 г. жил в Швейцарии, потом – во Франции, где получил гражданство. В годы войны жил в Лос-Анжелесе, где работал для Голливуда.

²³ Аминад Петрович Шполянский жил в 15-м округе Парижа.

²⁴ Alliance Israélite Universelle (Всемирный Еврейский Союз), международная еврейская организация, созданная в Париже в 1860 г. для оказания помощи евреям во всем мире.

²⁵ Книга И.-Н. Штейнберга. Берлин. 1923.

5.

5.6.1936 Париж

Вероятно, ничего хорошего ни на Западе, ни на Востоке не произойдет. Сейчас похоже, что мы будем присутствовать при последнем акте заката социализма в Зап. Европе, правда, лишь до будущей войны, после которой что будет представлять Европа, одному Богу известно.

6. Семен – Аарону

30.12.36 Paris Vanves/Seine/ 84, Rue Jullien

Что писать, когда кругом не видно просвета (это, по-моему, самый верный признак смены эпох) и сам не знаешь, что будет завтра! Эсфирь Соломоновна, приезд которой уже начинает входить в традицию, что могла, о вас рассказала. Проспект о выходе Достоевского, как и книгу, ты получил. Очень рад, что Достоевский наконец-то вышел. Нужно думать, что книга именно теперь будет читаться, когда вопрос о свободе поставлен историей всерьез, а не в игрушечной плоскости социалистического идеализма или идеализма 19-го века.

Когда вы кончаете Дубнова?²⁶ Какие виды у вас в смысле материальном? Думаете ли вы о приезде сюда? На фунты это должно стоить гроши. Вопрос ведь только в проезде, жить вы сможете у нас (Эсфирь Соломоновна апартаменты видела!). Визу можно было бы через Айзенштадта-Кожевникова получить, я думаю, наверное. Мы, по нашему положению, не годимся, так как все еще не кошерные.

К выставке (в этом году здесь должен быть и философский конгресс) въезд будет облегчен и очень удешевлен.

Что брат Ваш рассказывал? Как его здоровье? Просматривал опять его книжку «Нравственный лик». Хотя во многом наивно, но хорошо даже и теперь. Вообще, хотя отношусь к социализму не без желчи, к л. с. р.²⁷ сохранил теплоту. Это романтики социализма – единственные. Осветить их чаяния и роль в русской революции очень бы стоило. Особенно теперь, когда для многих лишь теперь оказалось, что в Москве идеал не воплощен, и из-за петербургских (западных) ту-

²⁶ Речь идет о работе над сокращенным 3-х томным изданием «Всемирной истории еврейского народа» С. Дубнова.

²⁷ Левые социал-революционеры (эсеры).

манов все больше выступает реальная традиция кремлевских стен и Лобного места.

Я более усиленно занимаюсь французским и кое-что успел. В газете испанскую сводку и подобное уже могу понимать. Читаю теперь «Stern der Exlosung» Rozenzweig'a²⁸.

Видел Гордина. Живется им трудно, но какие-то пособия он все же получает. Недавно провел полночи в кафе со Шварцем. Он все тот же и такой же, а жить стало все труднее.

От Рабинкова имел к Новому году короткую открытку. Знаете ли вы о нем «по существу»? Видел в «Правде» или «Известиях» полгода тому назад статью о конституции за подписью «профессор А.Н.Зильберман». Статья «нормальная»! Никак не могу добиться, что с ним. Знаю лишь, что он не хочет писем.

Ну, отписал вам. Нужно надеяться, что Гитлера победят, или победит «вождистский оппортунизм» и войны в 1937 г. не будет. А ваш бывший король – славный парень, сыграл в корону как партию в гольф! Но Forsyt'ы возмутились!²⁹

Сердечный поклон вам, пишите. Ваш С.

²⁸ См. на русском языке: Франц Розенцвейг. Звезда избавления. Перевод с немец. Е. Янгуданова. М.: Гешарим, 2017.

²⁹ Король Эдуард VIII вступил на престол в январе 1936 г., а в конце того же года отрекся от короны ради женитьбы на дважды разведенной американке Уоллис Симпсон, против чего возражала королевская семья.

VIII. Ицхак-Нахман Штейнберг

1. Исаак – Аарону

14.8.34 Revensy¹.

Дорогой Арон! Пора нам уже готовить № 43 «Фрайе ворт»². Мне хотелось бы знать, остановился ли ты уже на определенной теме. Если еще нет, то напоминаю тебе, что ты думал написать об англ<ийской> книге Denn'a. В связи со смертью Гинденб<урга>³ и концентрацией власти в руках Гитлера, это было бы теперь к месту. Хорошо бы готовить материал для типографии уже сейчас.

Я тут как будто уже оправился и, м<ожет> б<ыть>, в пятницу вернусь. Привет тебе. Исаак

2. Исаак – Аарону

9.VI 1935

Дорогой Арон! При сем – деньги за 2 доклада в Colleg'e. Уже стал назревшим вопрос о твоей статье в № 17 «Fräye Schriftn». Весь материал набран там, и даже все корректуры набраны. Они занимают уже

¹ Деревня в Восточной Англии.

² Исаак был редактором еженедельника, а Аарон – заместителем, он писал обзоры и очерки.

³ Гинденбург, фон Пауль (Hindenburg) (1847–1934), генерал-фельдмаршал, главнокомандующим немецкой армии в 1916–17 гг., командовал войсками в Восточной Пруссии. В 1925 г. избран президентом Веймарской республики, назначил Гитлера канцлером 30 января 1933 г.

из 160 стр<ок> 110, значит остается 50 стр<ок>. Как у тебя ст<атья> о Rambam⁴? Сможешь ты написать по-еврейски? Привет. И.

3. Исаак – Аарону

20.10. 1935. Лондон – Париж

Дорогой Арон! Спасибо за все твои письма и записку от мамы. Если вести о ней, передаваемые Алей⁵, точны, то это меня значительно успокаивает. А то ведь от мамы я уже очень давно не имел писем.

Хочу сразу отозваться на предложение Лещинского⁶. Признаться, оно меня удивило в такой форме. Разве нужны «дипломатические» методы обсуждения такого вопроса? Если бы «Weltkongress»⁷ не столько был бы серьезным учреждением, сколько хотел бы быть таким, можно было бы обсуждать эту тему по-настоящему. Но при теперешнем составе? Во всяком случае, прошу тебя передать Лещинскому, что он может свободно написать мне об этом и что я охотно послушаю его аргументы.

In the meantime⁸ мы тут подготовляем дальше тот практический шаг, о котором я тебе говорил перед твоим отъездом. Мы имеем чрезвычайно серьезные симпатии к этому шагу здешних еврейских кругов. Но почву я подготавливаю исподволь. Поэтому об этом сейчас ничего не стоит говорить. Был тут Файнлейб, и я ему тоже об этом не говорил: настолько он теперь – из-за событий – далек от всего этого. А для меня эти события – новый фактор. Я не забываю своей работы по Энциклопедии⁹, из-за нее не беру других. Надеюсь, что с будущей неделей засяду за первую часть.

⁴ Маймонид, Моисей (Моше Бен Маймон, или Рамбам, 1135–1204) – средневековый философ, теолог, врач, комментатор Талмуда. В семье Эльяшевых считалось, что их род идет от Рамбама. Статья, о которой идет речь, «Назад к Рамбаму?», была опубликована в «Фрайе Ворт» 12.4.1935.

⁵ Аля, Александр, сын Исидора Эльяшева.

⁶ Лещинский Яков Давидович (1876–1966) – социолог, экономист и общественный деятель. В Берлине с 1921 г. занимался еврейской демографией, редактированием журнала «Идише экономик ун статистик». За статьи о готовящемся уничтожении евреев в 1934 г. выслан из Германии, в 1937 г. – из Польши. В 1959 г. переехал в Израиль.

⁷ То было время обсуждения идеи «Всемирного Еврейского Конгресса», которая казалась И. Штейнбергу отвлекающей по сравнению с проектом территориализма. ВЕК был создан в 1936 г. в Женеве под руководством Стивена Вайза и Нахума Гольдмана.

⁸ Тем временем (англ.).

Но тут у нас, как всегда, без конца работы и людей. Только бы с ними справиться. Привет тебе и С. В. Как тебе в Париже работается? Кто же «пессимист» в Париже? Твой Исаак.

4. Исаак – Аарону

12.12.1935 Johannesburg

Дорогой Арон! Большое тебе спасибо за письмо (26.11) и за привет С. В. Очень много мог бы я порассказать о своих наблюдениях над здешней общей и еврейской жизнью. Но, по совести, не очень легко дается мне здесь писание писем. Это от двух причин: от климата, к которому я никак не привык, иногда зной бывает такой, что трудно переводить дыхание. (Вначале я волновался от этого, думая, что причина во мне, но потом мне объяснили, что так тут было всегда с пришельцами в первое время. А теперь, когда я с вчерашнего дня переехал на частную квартиру в другой район города, воздух оказался легкий). А вторая причина – это обилие работы, которая по существу утомляет. Я не могу пожаловаться: почти с первых дней удалось нащупать 2-3 подходящих людей, и после этого знакомства и встречи пошли самоотечком. Завтра 5 недель, как я тут, и все знатоки находят, что я много успел. Но это означает, что я перевидал много людей и многих из них «очаровал». За этим успехом лежит постоянная готовность говорить, разъяснять, убеждать. И хотя меня хорошо встречают и хотя постоянно возят в автомобилях, я все же к концу дня уставал порядочно – а тогда не очень хочется писать. Домой я стараюсь подробнее описывать мои похождения, и я думаю, что по ним ты себе представляешь яснее мою жизнь тут.

Первая стадия работы заканчивается образованием Комитета, в который вошло порядочное число и знатных людей, и готовых помочь работников. В воскресенье 8.12. был первый массовый митинг в театре тут, на который пришло свыше 1000 чел<овек> (может быть оттого, что вход был бесплатным). (Организация этого вечера стоила нам 40 фр.!) Но тут давно не слышали нашего yiddish и такой постановки вопросов. Почти все (за исключением леваков, однако молчавших) остались довольны, и Председатель Комитета – адвокат Franks –

⁹ «Алгемейне энциклопедие» – Всемирная Еврейская энциклопедия на идиш. Берлин–Нью-Йорк. 1934–1946.

и член его – депутат Kantridge (сионист!) – провозгласили начало кампании за ИВО. [...] Большой привет тебе и Софье Владимировне. Любящий тебя Исаак.

5. Исаак – Аарону

*На бланке Южно-Африканского Комитета Еврейского института
26.1.1936 Йоханнесбург – Лондон*

Дорогой Арон! Очень мне хотелось тебе ответить сразу на твое хорошее письмо от 31.12. Но поистине я не хозяин своей воли тут. День мой загружен и перегружен всякими обязанностями и делами до невероятной степени. Вероятно, я бы легче справился с этими заботами, если бы сверху не палило безбожно здешнее солнце. Оно действительно африканское, и в среднем температура тут доходит сейчас до 85°. Мешает это не только мне, но и здешним людям – белым, а по бронзово-темным лицам черных судить трудно. Вот эта-то причина заставляет меня часто воздерживаться от переписки и от многого другого, я, например, еще не посетил поселения черных и не спускался в рудники.

Только потому мне не удалось до сих пор и ответить тебе. Но зато у меня сейчас есть ощущение того, что мой Campaign продвигается успешно. К моменту, когда ты получишь это письмо мое, у нас в кассе будет уже, наверное, много свыше 1000 фунтов. А посетил пока что – до сегодня – только 30 человек. Есть у нас в списках жертвователей (которым разослана специально тут составленная английская брошюра) – около ... 1600. Конечно, мы не обработаем и ½ этого числа. Потому что мы сейчас уперлись в чисто-технические трудности: не хватает рук и ног, чтобы обойти этих людей. Почва для нашей кампании подготовлена тут, по общему отзыву, очень хорошо. Уже было три массовых митинга моих, 12 «at home»'ов, беседы мои личные с сотнями людей, наконец, наша удачная брошюра. Но вот надо уметь сейчас мобилизовать ходоков. Это не совсем просто, ибо надо, чтобы мы умели разъяснить людям значение ИВО¹⁰ как культурной институции. А здесь больше привыкли к непосредственной помощи голодным. И вот, чтобы увеличить число ходоков, мы решили на будущей неделе

¹⁰ YVO – Институт еврейских исследований – основан в 1925 г. в Вильно. Общества «Друзей YVO» были созданы во многих странах: в Австрии, Аргентине, Англии, Франции, Палестине и др.

собрать особый Ladies-Committee, который возьмет на себя обход жертвователей малого калибра. В этот комитет войдут – по всему видно – многие знатные и дельные дамы. Возможность такого комитета объясняется также той пропагандой, которую мы вели прежде. Мне не хочется покидать этот город, пока мы его по-настоящему не пограбим, зато Сингаловскому¹¹ осталось меньше. Приезд Синг<аловского> без предупреждения меня и без сговора о наших взаимоотношениях – довольно яркая черта нашей евр[ейской] общественной жизни. К счастью, он явится, когда основная моя работа будет закончена. А то было невесело. Сейчас он, т<ак> с<казать>, мешает, но не вредит. Зато были у меня на прошлой неделе два счастливых момента: 1) мы отправили в ИВО отсюда первую сумму – 250 фр., 2) мне удалось доставить 100 фр. для кооперативной колонии, которую затевают под Вильной наши товарищи. Из-за одного этого стоит вести этот труд. Как долго пробуду в этой стране, не знаю сейчас. Надо будет посетить еще кол<онии> Капштадт [Кейптаун], Durban, Port Elizabeth, а м<ожет> б<ыть>, и Rhodesia¹² (последнее тут недалеко, если воздушным путем). А про Палестину я сейчас не смею и думать¹³: все думы устремлены в каждодневную работу. И она бы медленно двигалась, если бы я, как беспокойный мотор, не стоял за спиной каждого работника. Двое из них работают с исключительной преданностью. Мы уделяем тут еще много внимания созданию двух новых учреждений на месте: South Africa Scientific Institute (который должен собрать тут всех еврейских ученых для исследований здешней еврейской жизни) + Jewish People's College (вкладываю тут ее примерную программу). Эти затеи нравятся понимающим людям, а мои рассказы о лондонском College всех подбодрили. Если это создастся (в конце моей Campaign), тогда ИВО получит тут постоянное общество помощи ему.

Радует меня потому сведения, которые я получаю о деятельности вашей College. Эсфирь и сюда в последнем письме очень хвалит доклад Isaac'a¹⁴. Если это так, тогда значит надо продолжать идти по

¹¹ Сингаловский Аарон (1889–1956) – общественный деятель, писатель и публицист, основатель ОПТ (Всемирного Общества распространения ремесленного и земледельческого труда среди евреев).

¹² Основные центры еврейской общины Южной Африки.

¹³ И. Штейнберг считал, что создание государства в Палестине поставит под угрозу «бесценную субстанцию еврейского духа», ибо все аспекты жизни будут направлены на защиту и выживание». М. Krutikov. Isaak Nahman Steinberg: From Anti-Communist Revolutionary to Anti-Zionist Territorialist. The Jews in Russia and East Europe. 1999. № 38–39.

¹⁴ Исаака Донского.

этому пути. Вот только ты правильно поднял вопрос, что не может быть College'a серьезного до тех пор, пока не составится хотя бы «коллегия» в 3 человека. Правильная у тебя идея – вести общий семинар (подч. автором – Н. П.); не отступай от нее перед лицом лондонских присяжных скептиков. Ведь эти люди не верили вообще в возможность College'a. Попробуй обязательно провести этот твой важный опыт.

А знаешь, давно пора готовить № 18 «Fraye Schriftn»¹⁵; ряд статей уже есть в Вильне; вот надо взять у Ben-Adir.¹⁶ Хорошо бы, чтобы и ты уже наметил свою; может быть, в связи с мыслями 'Golomb'¹⁷. Сообщи это мне – и я начну толкать пару здешних писателей, которые смогут нарисовать жизнь черных и поведение белой цивилизации в отношении их.

Спасибо за вкладку письма мамы. Напишу ей отдельно, но и ты рапортуй ей обо мне. Как много еще есть, о чем беседовать. Но «die Pflicht ruft»¹⁸ – обед у г-на Port'a, затем – визит к Chief Rabbi, потом ужин у немцев-евреев. Крепко тебя обнимаю. Твой Исаак. Дружеский привет Софье Владимировне.

5. Исаак – Аарону

16.8.36 ЮАС – Лондон

Mafeking (по дороге в Родезию). 9 час. утра

Дорогой Арон! Сейчас остановка поезда на 1 час в этом глухом месте, и я решил воспользоваться и написать тебе. Этот городок, как я сейчас вычитал, стоит 4194 ф. над уровнем моря, в 190 минутах от Йоханнесбурга и еще в 490 минутах от цели моей поездки – Bulawayo. Вчера ночью я выехал и только завтра утром в 8 прибуду туда. Но я чувствую себя неплохо, выглянул сейчас на площадь перед вокзалом

¹⁵ Созданная И. Штейнбергом книжная серия «Фрайе шрифтен фарн идишен социалистишн геданк» («Свободные публикации еврейской социалистической мысли», 1926–1937), в которой были сформулированы идеи «этического социализма».

¹⁶ Бен-Адир (Авром Розин, 1878–1942) – писатель и общественный деятель, один из инициаторов и редакторов Еврейской энциклопедии, соучредитель «Фрайланд Лиге», основатель журнала «На пороге» (США).

¹⁷ Эльяху Голумб (1893–1945) – сионист. Занимался обороной нового ишува в Палестине, сторонник активного сопротивления, но не репрессий; один из основателей Хаганы и ее элитного подразделения Пальмаха.

¹⁸ Долг зовет! (нем.).

и нашел памятник Rhodes'у, благодетелю здешнему¹⁹. На черных я уже гляжу другими, привычными глазами, совсем не так, как в прошлом году, когда из Cape Town ехал в Йоханнесбург. Да и как можно сосредоточиться на тутошнем, когда вот сейчас я купил «Sunday Times», и все полно «утешительными» вестями из Европы: а) Зиновьев + 15 ком<мунистов> преданы суду за «терроризм» с участием Троцкого²⁰! Очевидно, поймали каких-то троцкистов, которые – как на процессе Абрамовича–Суханова²¹ – покажут, что надо. Недурное начало для новой советской конституции, в) в Испании Franco уже летает над Мадридом и сулит населению все права + картечь и ядовитые газы. Белая цивилизация идет под руку с черными мстителями, с) в Лондоне идет процесс против «журнала», который пустил и тут в ход ритуальную легенду.

А все же мне страшно, отчаянно хочется быть скорее с вами, в этой самой Европе. Тут мы живем ведь одними только отражениями. К счастью, я иду уже «по нисходящей линии», то есть по пути, ведущему в Лондон. Путь этот: Rhodesia – Cape Town – Johannesburg – London.

Bulawayo. 23.8.1936. Вот видишь, пришлось прервать мое письмо к тебе на неделю. Столько было хлопот все это время. Ехал я в этот город, где часть лидеров хотела оттолкнуть мой визит на 3 месяца. Это всегда создает беспокойство²². Однако, когда я прибыл и переговорил с ними, они поняли значение миссии и в тот же день постановили назначить мое первое публичное собрание на сегодня (через неделю). Чтобы не терять времени, я – со знакомыми – на 3 дня уехал смотреть знаменитые Victoria Falls²³. Это действительно было зрелище необычайной мощи и красоты. Но езда тянулась сутки туда и назад, так что в течение той недели я четыре ночи провел в вагоне. А когда в пятницу прибыл сюда, то стал – по обычаю – изучать «город» через знакомства. Сегодня я уже чувствую себя тут как среди знакомого, и

¹⁹ Cecil John Rhodes (1853–1902) – англ. предприниматель, «отец Британской империи».

²⁰ Московский процесс над 16-ти членами «Троцкистско-Зиновьевского Террористического Центра» состоялся в августе 1936 г.

²¹ Процесс «контрреволюционной организации меньшевиков» происходил 1–9 марта 1931 г.

²² Булавайо – город в Родезии с небольшой еврейской общиной и сионистскими организациями. В 30-е гг. в Родезии усилились антисемитские настроения с требованиями ограничить иммиграцию.

²³ Водопад Виктория на р. Замбези.

частью даже дружеского, общества. В этих заброшенных местах гостеприимство очень живое. Приходится говорить и по-английски, и странное дело – мне легче вести разговоры на абстрактные темы, чем на будничные (это, вероятно, ты и сам заметил). Вчера я пережил очень приятный момент, когда получил теплое письмо и чек на £50 от Киришнера (Йоханнес<бург>), председателя Сион. организации всей Африки. Это – большая победа моей работы в этой стране, ибо это он вначале принял меня в штаты. Думаю, что придется пробыть в Rhodesia 1½ недели, и тогда я в самом начале сентября смогу оказаться в Cape Town'e. Так решил – и правильно – наш Комитет; закончу я тогда кампанию в Йоханнес<бурге>, где и начал. Финалом будет открытие «South African Jew. Sc. Institute». Я себе поставил задачей закончить все не позже 4.XI, то есть ровно год, как я сюда прибыл. Ты легко поймешь, как мне душевно трудно стало уже вести эту работу. Оглядываясь назад, я даже удивляюсь, откуда взялись силы за весь год. Мыслями и чувствами всеми я уже в Лондоне давно. И меня опять начало живо интересоваться все, что происходит в вашем быту. Очень меня обрадовал ряд добрых известий о тебе в твоих письмах от 14.5 и 19.7. Первое, что закончил ты дубновский труд. Был ли у тебя берлинский издатель и будет ли издавать готовые тома? Во всяком случае, ты от этой работы душевно освободился, и значит тебе открыты все возможности. И вот тут-то дорого решение издательства в Швейцарии «Vita Nova». Конечно, после (или даже одновременно) этой первой книги, ты с ними можешь условиться о новой работе. А пишешь ли ты к книге Достоевский предисловие, которое могло бы как-нибудь коснуться и духовной современности, и тем самым быть зацепкой для новой книги о том же.

Ох, как много надо было бы делать именно сейчас, когда рушатся, кажется, все подпорки духовной жизни. Вот надеюсь, когда вернусь и отдохну от работы, выдумаем сообща разные дела. Только бы поскорее это все закончилось. Yamim Noraim²⁴ проведу значит в Cape Town. А когда вернусь, займемся приездом мамы в Лондон. Это – самое правильное и для нее, и для нас всех. Я ей стал писать понемногу непосредственно в Ковну.

Ну, надо кончать. Большой привет тебе и Софье Владимировне. А когда пишешь, поклонись по очереди и Дубнову, и Рабинкову, и Kaplan'ам и Dr. Klein. Всех, всех уже хочется повидать.

Обнимаю тебя душевно, дорогой Арон.

²⁴ «Страшные дни» – 10 дней покаяния перед Йом-Кипуром.

6. Исаак – Аарону

6.VIII.1937 94St.Andrews Road, Exmouth, Devon открытка

Дорогой Арон, вчера я послал тебе франц<узскую> статью Я. Гордина, кот<орую> он мне дал в Париже и для тебя. Она мне очень нравится, и если ты увидишь его в Париже сейчас, обязательно попроси его написать и для «Frage Schriftn». Ну, тут мы отдыхаем, и мне кажется, что с меня спадает та физическая тяжесть, которая обычно давит мне сердце в городе. Желаю тебе и С. В. счастливого пути и еще раз передай привет маме. Твой Исаак

7. Исаак – Аарону

На бланке: ЮАС Лондон. «Freeland». League for Jewish Territorial Colonisation

9.4.38 Лондон.

Дорогой Арон,

Приближается Пасха, и я думаю, что было бы хорошо, если бы – согласно нашей семейной традиции – ты и С. В. приняли бы участие в обоих седерах у нас. Приглашаю вас от имени всех наших и сердечно кланяюсь.

Привет Исаак

8. Исаак – Аарону

69 ABERDARE Gardens, London, N.W.6

11.4.1938

Дорогой Арон!

Я получил сегодня твое письмо. Твое предложение поговорить я охотно принимаю, т. к. и за все истекшие годы я стремился к этому. Но хочу тебе сказать, что речь должна идти не о случайном разговоре, а об очень серьезном выяснении причин и поводов наших расхождений.

Ты пишешь об установлении «нормальных братских отношений». Я не знаю, что ты понимаешь под словом «нормальные», но я кладу вес на понятие «братские»! Это очень большое и обязывающее слово.

И когда два человека под 50 лет начинают об этом говорить, они, вероятно, понимают, что их нельзя просто «установить» разговором, точно так же, как они и не разрушаются от одного разговора.

Я от всей души готов на такое честное, в глубину идущее выяснение смысла (подч. автором – Н. П.) наших разногласий. Но я не верю, что это может произойти по заказу до этой Пасхи.

Я еще раз зову Вас к нам на seder, не думая, что ты ставишь разговор условием в<ашего> прихода. Привет. Исаак.

9. Исаак – Аарону

1.1.1939 Лондон

Дорогой Арон! Я не мог тебе отвечать сразу по получении твоего письма от 13/ХІІ я и сам несколько дней лежал, но главное, ошарашила меня весть о болезни Исаака Донского. Чего-чего другого, а этого я не ожидал. И я не знал, как отозваться, как ответить на эту недобрую весть.

Твоя теперешняя открытка заставила меня взяться за перо, и я прошу тебя передать Исааку и Марусе прилагаемое при сем письмо к ним. Я надеюсь, что оно придет еще в добрый час.

Поклонись от меня также и Берте.

Где живут сейчас Донские?

Пожал<уйста>, пиши мне и в дальнейшем о его состоянии. Находится ли он в полном сознании? Знает ли он о происходящем с ним? Как он переживает свое состояние?²⁵

За это время я по парижской газете следил за твоими выступлениями и очень радовался им. Не очень только мне по душе Ваше окружение, в котором (нрзб) не верю я всяким «ораторам», которые просыпаются только при внешней, общественной шумихе.

Тут мы работаем, не покладая рук, но поездка в Туда²⁶ еще откладывается, но и это только на поверку. Вот организация Д.Вольфа из Голландии нам на помощь будет. В пятницу появилось в Times'е мое письмо о Freiland'е, также другое – в «Jewish Chronicle». Обросли мы

²⁵ И. Донской умер 20 декабря 1938 г.

²⁶ Единственным местом для колонизации в 1938 г. была Голландская Новая Гвинея.

тут сиятельными друзьями очень (вчера я 2 часа провел в беседе с Low Sankey). Но об этом – в другой раз. Сейчас не лежит душа.

Отправляю завтра вторую часть работы для Энциклопедии; можешь себе представить, как нелегко мне писать – о поэте Леви мы тут очень заботимся, но все движется медленно.

Ты вправду собираешься через океан? Сердечный привет С. В. и тебе от твоего Исаака.

10. Исаак – Аарону

17/I.1939 London – Paris открытка

Дорогой Арон! Не убивайся, что я не писал после твоего письма о кончине И. Д. Можно только каждому отдельно это переживать. Дошли ли до Маруси Д. наши письма, и от Равидовича²⁷, и от Геллера? Где она сейчас? Как живет и где Берта?

Ты еще хотел мне писать о своих делах. Знаешь ли ты, что «Zukunft»²⁸ продолжает выходить в Америке? Получил ли ты мой поклон от г-жи Файнлейб?

11. Исаак – Аарону

8.2.1939 Лондон

После твоего письма от 27/I. сегодня пришла твоя открытка с новой печальной вестью. Уход из жизни г-жи Notmann²⁹ вдвойне грустен: ей так стало трудно жить в последние годы, и на ее жизненном примере как будто вновь выяснилось, что решение нац<иональной> проблемы (я вспоминаю ее веру в Палестину) почти не затрагивает решений ни личных, ни семейных. Мы напишем ее дочке письмо, но

²⁷ Равидович Шимон (1896–1953) – еврейский мыслитель и общественный деятель. Редактировал издание «Ялкупт», председатель ассоциации «Тарбут», научный сотрудник Школы африканских и восточных исследований Лондонского университета. Активный участник редакции еженедельника «Ха-олам», основатель и глава издательства «Арагат».

²⁸ «Ди цукунфт» («Будущее») – литературный журнал на идиш, основан социалистической рабочей партией США.

²⁹ Марта Нотман – фольклористка, сблизила А. Штейнберга с немецко-еврейской интеллигенцией, собиравшейся в организованном ею «Литературном салоне». Разведясь с мужем, уехала в Палестину. Была влюблена в А. Штейнберга. В архиве имеется экземпляр романа М. Нотман.

примирились ли они в последний год? Что стало с романом г-жи Notmann?

Твое сообщение о Лефтовиче³⁰ и энциклопедии очень интересно и страшно заинтересовало Аду и Леву. Я ему сейчас звонил, и он сообщил, что уже ответил тебе и в каком духе. Он значит не берется за работу и предлагает здесь Hanna Bergman und A. Rapaport в Париже. Ну это вам придется решать; хочу только сказать, что было бы очень желательно дать часть работы Аде: 1) она и Лева прекрасно переводят серьезные вещи. Ада это и сейчас делает, 2) смогут сделать это быстро, 3) полезно им войти вглубь еврейских тем, что достигается при переводе.

As a matter of fact³¹, Ада сейчас переводит мою статью для энциклопедии (о с. х. колонизации), т. е. уже начала часть этой большой переводной задачи. Мне пришло в голову, что Вы могли бы тут организовать малую переводную редакцию под началом Н. И. Бару, а при нем пара быстрых переводчиков. Сообщи общее мнение, чтобы Ада не занялась посторонней работой.

Как сейчас живет Маруся Д.? Возвращается она в Ковну? Я ответил парижанам, что если они хотят обязательно иметь совещание в Париже, то я приеду. Все дело – в визе для меня. С моей большой поездкой все неизвестно: все еще нет второго суженого. Сколько на это искание ушло сил! Привет С. В. и тебе.

12. Аарон – Исааку

Вторник, 23. V. 3916 Birchington Rd London, N.W.6
Erev Shavuot³²

Дорогой Исаак, сегодня ты по расписанию должен ступить ногою твердой на землю: barukh ha-ba³³ в новом континенте! Письмо это достигнет тебя, вероятно, уже где-нибудь южнее Перта или восточнее, но сейчас, когда я пишу, я представляю себе, что ты еще на корабле и с нетерпением ждешь, когда снова будет земля под ногами. Да будет сие в добрый час! Может быть, доброе предзнаменование в том, что

³⁰ Лефтович Иосиф (1892–1983) – английский писатель, редактор и журналист, составитель Антологии еврейской литературы.

³¹ Собственно говоря, фактически (англ).

³² Вечер Шавуота (праздник начинается вечером предыдущего дня).

³³ Добро пожаловать (иврит).

причаливаешь как раз в канун праздника – памяти о том, что было сквозь тысячелетия самой прочной почвой нашего народа [...].

Портрет твоего корабля из Средиземного моря получили. С месяц, вероятно, пробудем еще здесь. За это время я успел написать большую половину моего очередного обзора (истории религиозной мысли). Кое-что пришлось попутно редактировать для второго тома. I-й уже в переплете и в конце этой недели должен выйти в свет. Условился ли ты в Париже о том, чтобы тебе его выслали непосредственно? В Южную Африку один экз. посылается по воздуху (это стоит «всего» 18 шил. отсюда) – не знаю, имеет ли смысл послать таким путем несколько экз. и тебе (это обойдется, пожалуй, еще дороже). Все-таки напиши об этом.

О делах Лиги в Лондоне ты, конечно, знаешь от Ады. В Париже кое-что делают. На днях получил французский текст переработанной брошюры Art'a, он его одобрил, и на следующей неделе его, т. е. текст, опечатают. Пуще всего ждут добрых вестей от тебя. Они как будто не отдают себе ясный отчет, какие трудности у тебя на пути. Помимо всего прочего, как раз в эти дни прибавилось осложнение с Палестиной³⁴. 137-й Псалм – клятва обоюдоострая, да и Ново-Гвианский провал – вещь обоюдоострая³⁵. С тем большим ударением повторяю: barukh ha-ba!

Из Литвы получаю утешительные вести о маме, но не от нее. Послезавтра – день ее рождения. Пошлю телеграмму за всех.

Будь здоров! Всего лучшего и успеха в основном желает тебе и Софья Влад <имировна>. Сегодня вечером мы у твоих. Рад буду, если скоро напишешь. Твой Арон

13. Исаак – Аарону

15.6.39 Ivanhoe (East Kimberley, W. A) – Париж

³⁴ В мае 1939 г. Британским правительством была опубликована очередная Белая книга, в которой указывалось, что в течение 5 лет количество эмигрантов-евреев не должно превышать 75 тысяч человек и не должно превышать 1/3 всего населения Палестины. В случае несогласия арабов, через 5 лет въезд евреев должен был прекратиться.

³⁵ Чтобы успокоить брата после «провала» Ново-Гвианского проекта, Аарон напоминал ему 137 псалом, в котором клятва верности Иерусалиму сменяется темой отщепенца вавилонянам («На реках Вавилонских сидели мы и плакали...»).

Дорогой Аарон! Большое тебе спасибо за положительное письмо от 23.5. Оно попало ко мне в руки после 6.VI, и мне так странно, что я отвечаю из такого чужестранного места. Вообще говоря, это место – чрезвычайно живое, настоящий *yishuv*³⁶, хотя и лежит Бог знает где. Живу тут гостем семьи Durack'ов в их первом имении (из четырех)³⁷. Оно лежит в 50 милях от главного городка этой местности: Wyndham. Предполагалось, что через день, т. е. 13.6. поедем дальше. А между тем, пошел такой дождь на 2 суток, что мы застряли надолго, потому что ждали, пока земля отсохнет. Вышла пауза, которой я, по правде сказать, доволен. Я в этом зимнем месте я получил подлинную летнюю дачу. Durack'и – пионеры этого края с 1886 года – настоящие хлебосолы на помещичий манер, к тому же англичане, т. е. дают гостю оставаться с самим собою. Я все больше проникаюсь убеждением, что г. Durack не только преследует практическую цель: простор, это огромное поместье, которое он основал и больше не в силах вести. Он – и патриарх своей страны, желающий ее заселения и развития и видящий, что это не сделать без помощи варягов. Но он к тому же и просвещенный человек, питая то дружелюбное чувство к евреям, которое я встречал так часто и в Якобсоне. Прямо поразительно это отсутствие расового антагонизма; за 2 недели моего сожительства я бы заметил тень другого чувства на его лице. Оказалось к тому же, что его старшие два сына и дочери – из племени «кающихся дворян», интересующихся по-настоящему социальными проблемами, и даже захвачены нашим колонизационным планом. Если их земля окажется в основном годной, тогда лучше всего выдвинуть конкретный план их поместья, и на этом вести политическую пропаганду тут.

26.6. Письмо прервано, потому что земля отсохла, и мы 16.VI. пустились в объезд огромных пространств. За 8 дней мы, можно сказать, не вылезали из ауто, делая в день с средним 80–90 миль. Мне это давалось не всегда легко, так как на здешних не готовых дорогах здорово трясет, а если к тому же «припекает» (то есть, по-настоящему жарко), то и совсем весело. Но я не позволял себе отвлекаться и старательно вникал в объяснения, которые давали мне хозяева и *mr. Melville*, молодой австралийский ученый из Перт'ского университета, который меня сопровождает. За эти недели я так привык к этим соображениям о климате, дожде, посевах, скоте и т. п., что даже начал понимать нашу здешнюю проблему. И хотя мы вдвоем с *Melville* не считаем себя

³⁶ Ишув – еврейское поселение.

³⁷ Дюраки – семья пионеров-собственников плато Кимберли, на границе Западной Австралии и Северной территории Австралии (1882–1889).

научной комиссией, а только предварительной разведкой, однако наше мнение не лишено веса. А мнение это такое: эта часть East Kimberley вполне годится [подч. автором – Н. П.] для наших целей. Земля эта огромна и по своим размерам, и скрытым в ней возможностям. Если бы мы ее начали планомерно заселять, не было бы пределов для экспансии. Черное население тут ничтожно, работает для немногих белых. Диких зверей или серьезных болезней нет. Требуется: 1) население, 2) деньги, 3) воля и труд. А это должны мы доставить. Климат. Я все время выпытывал об этом людей. Оказывается, терпимо, а при новейших технических условиях еще легче. Да вот я сам пример. Не люблю я жары, но тут решился претерпеть, чтобы убедиться в пределах терпимости. Сегодня тут – Wyndham'e, где я жду аэроплана завтра, который отвезет нас в Perth – не меньше 98°, и вот когда сейчас пишу, я весь в поту. Но все же ничего, очевидно, в разных климатах по-иному воспринимаешь. Разве в Лондоне я мог бы работать, беседовать с десятком людей, составлять начало Report'a о виденном³⁸?

Еду в Perth с надеждой, что найду тут для убеждения нужных людей. Ты прав, в Париже, да и в Лондоне не отдают себе отчета в трудностях на пути. Однако атмосфера тут не против нас. За первые 2 недели в Перте это выяснилось; ты об этом, наверное, знаешь из моих писем домой.

Должен кончать, Арон. Очень бы хотелось, чтобы ты и из Парижа писал мне о себе и о делах. Адрес в Перте – тот же. Я так уже оторвался от европейских дел, что для меня освежающе прозвучала твоя весточка об Энциклопедии, о твоём обзоре, о 1 томе. Очень бы я хотел, чтобы мне в Perth выслали этот 1 том поскорее (из Лондона по воздуху, что ли?).

Большой сердечный привет тебе и С. В. и давай о себе опять знать. Твой Исаак.

14. Арон – Исааку

Лондон 8.2.1940

³⁸ В отчете, составленном И. Штейнбергом и Д. Мелвиллом, говорилось о будущем сельскохозяйственном чуде, которое стимулирует экономическое развитие, о научных центрах, о таких отраслях промышленности, как кожевенная, дубильная, консервирование фруктов и овощей, сахарные и масложировые заводы. Авторы заверяли в «абсолютной лояльности еврейских беженцев», в том, что религиозная и культурная автономия не будет направлена на изоляцию от остальной Австралии».

Дорогой Исаак, недели и месяцы собираюсь подробно тебе написать и вот лишь сегодня выполняю это. Успокаивало меня сознание, что из Комитета дают вести и о нас, а я, в свою очередь, постоянно в курсе твоих дел, благодаря твоим письмам и телеграммам домой. Скажу сначала два слова о том, чем был все это время занят. Первым делом, очень много пришлось с ноября сделать для 2-го еврейского тома нашей Энциклопедии (кстати, о высылке тебе 1-го тома писались письма отсюда в Париж, оттуда сюда, а виною всему – особые нынешние обстоятельства); теперь все же надеюсь, том будет выслан; он уже печатается, и в нем будет обстоятельная моя работа по истории еврейской религиозной мысли «от пророков до Бубера», если можно так выразиться. Конечно, все очень схематично, лишь в самых общих чертах, но все же в качестве первой попытки показать непрерывность нашей религиозной мысли работа эта требовала углубления в первоисточники, а значит много времени. Справился с этим лишь в начале января и теперь уже выслал также историю наших мессиа. Сейчас пишу статью для 3-й книги «На распутье». Ил. Мих. Чериковер очень хотел бы иметь статью и от тебя. Но он не уверен, поспеет ли к сроку. Этот сборник целиком посвящен вопросам кризиса, войны и мира, и, может быть, было бы важно, если бы ты под этим углом зрения изложил общую идею, в которой ты видишь сейчас свою работу. Боюсь только, что у тебя слишком мало досуга для статьи, которая может не успеть к сроку.

15. Аарон – Исааку

На бланке Institute for Jewish Learning (ИВО)

Пасха 25.IV.1940. 57 Eton Avenue London N.W.3

Дорогой Исаак, на письмо твое от 8-го марта (получил 22-го) я непременно отвечу по пунктам. Сейчас я только спешу объяснить, почему я не сделал это до сих пор. Да и это выходит с опозданием. Накануне Пасхи уже начал писать, но так и не дописал. Первое объяснение ты найдешь в заголовке: это новое учреждение, среди руководителей которого я указан в алфавитном порядке последним, в действительности всецело на моей ответственности. Бродецкий и Саймон – вроде свадебных генералов; проф. Митвох, которого ты, вероятно, помнишь по старым временам, все-таки – старшее поколение и, как говорится в таких случаях, младшее за все отвечает. Как раз после пасхи начнет-

ся новый семестр, и потому весь предпасхальный месяц надо было его в ускоренном порядке подготовить. Постараюсь, чтобы до тебя дошла и наша программа. Достаточно сказать, что у нас целых два десятка преподавателей. С каждым мне пришлось лично вести переговоры, а ведь большинство людей ведет себя так, точно они не просто потомки Адама, но каждый – сам по себе один и единственный представитель всего рода человеческого. В результате – масса быстро утекшего времени, и не успеваешь сделать самое неотложное и нужное. Так вот и не собрался до сих пор тебе написать. Должен еще прибавить, что наряду с этим новым делом продолжают дела прежние, о которых хотел бы тебе тоже рассказать. Сейчас скажу только в двух словах, что еще не брошена, несмотря на все возникшие препятствия, мысль о еврейском еженедельнике, что меня привлекли к плану еврейско-английского ежемесячника, что я должен готовиться к третьему, «еврейскому» тому нашей Энциклопедии (1-й том ты, вероятно, уже получил, 2-й скоро тебе вышлем: я его еще не видел), что я не порываю связи с лондонским Востоком³⁹ и т. д., и т. д. Обо всем хотелось бы тебе подробно рассказать. Чувство у меня такое, что мы с разных концов делаем одно и то же большое дело, каждый по мере своих сил и возможностей. Потому что, в конце концов, разве работа по восстановлению искомой еврейской свободы может быть названа иначе? В эту неделю нашего «праздника свободы» как об этом не вспомнить?

Можешь себе представить, что я старался достойно тебя заменить на семейном торжестве в 1-й вечер Пасхи, а во 2-й вечер я просто исполнял свою традиционную задачу. Все было «в порядке». Горячий привет тебе от меня и Соф<ьи> Влад<имировны>.

Твой с любовью А.

³⁹ Восточная часть Лондона (Ист-Энд), где жили преимущественно приезжие.

IX. Мордехай Фридман

1. М. Фридман – А. и И. Штейнбергам

Ben-Shemen¹ 30.VII.34

Дорогие Арон, Исаак и все в<аши> чады и домочадцы!

Как-то так вышло, что переписка наша с восшествием Hitler'a на престол прервалась. Часто, часто хотел я писать вам, и как-то не выходило. Я вам очень, очень признателен за присылку «Dos Fraye Wort», и мне часто казалось, что, читая В<аши> статьи, я тем самым в связи с В<ами>

Я знаю, что этого мало, авось теперь лучше будет. Я все время в Ben-Shemen'е и стал vatic² уже в нем. И на будущий год тоже остаюсь там. Теперь еду в Ковно на пару месяцев. Герта с Дэвиком уже с месяц как там и живут в нашем старом Колотове³.

Я буду несколько дней у Иоси в Лионе (9–12 августа) и 1 ½ месяца в Ковно. Не тянет меня за границу, в Европу, но очень хотелось повидать родителей, и мы воспользовались возможностью, представившейся нам в этом году. Из Ковно я В<ам> напишу подробнее. Авось и Вы напишете мне в Лион или в Ковно о себе и о жизни. Как Анюта, Эсфирь, детвора? Что они подельывают?

В Ковно авось удастся сдвинуть с мертвой точки вопрос о переезде родителей в П<алести>ну.

Если напишете в Лион, сообщите мне, пожалуйста, адрес Али и Софьи Владимировны. Возможно, что я поеду все же через Германию и буду день в Berlin'е.

¹ Бен-Шемен – одно из первых еврейских поселений в центральной части Эрец-Исраэль, в 1934 г. превратилось в молодежный поселок.

² Старожил, ветеран.

³ Колотово – дачная местность, любимое место отдыха семьи Эльяшевых.

У Мули все в порядке и, если бы не летняя жара, было бы еще лучше.

Итак, напишите, и я очень, очень хотел бы начать с Вами регулярную переписку.

Всего, всего в<ам> доброго. Муля с/с собираются писать отдельно.

В<ам> пред<анный> Мака.

2. М. Фридман – А. и И. Штейнбергам

Ben-Shemen 27/X/34

Дорогие Арон и Исаак и tutti quanti⁴! Давно я уже собирался написать вам, еще из Ковны, но как-то не вышло, а пока прошел уже почти месяц. Я пробыл в Ковно 7 недель, а Герта с Дэвиком – около 3 месяцев. Мы повидали всю нашу родню, провели неплохо время, но мы себе не представляли, что положение в семье нашей такое тяжелое, волнующее и печальное.

5 октября мы выехали из Ковно через Польшу, были день в Риге, день в Вильне, день в Варшаве у Саши; дорога была хорошей, и вот уже дней 10 мы здесь. Входим в старую обстановку, в работу, и хорошо, что жаркое время уже позади (кстати, в этом году перешел в Ben-Shemen и Голомб, статья которого была в «Dos Fraye Wort»).

У Мули все хорошо. Самые тяжелые месяцы уже прошли; постепенно Муля начинает занимать подходящее ему место в местной рабочей общности. Руне⁵ еще не совсем легко, а малой совсем уже свyksя с местной жизнью, и, когда он с Дэвиком вместе, они перево-рачивают свет.

Право, пора уже было и вам подумать о П<алести>не, во всяком случае, приехать и ряд лекций прочесть.

Слышал, что Рабинков думает перекочевать сюда, и тетя Елена тоже об этом мечтает.

Большое спасибо вам за «Dos Fraye Wort», он для меня много значит и связывает меня незримыми нитями и с в<ами>, и с еврейским, и с общим миром. «Fraye Schriftn» я тоже хотел бы получить и готов платить за них. При случае напишу что-нибудь для «Fraye Wort».

⁴ И все они (итал.).

⁵ Руна – Рахель, урожд. Марголина, жена Шмуэля Фридмана.

А теперь вернусь к неприятным делам. Я себе издали не представлял, каково положение дома. Гордиев узел! [далее – подробное описание семейного конфликта по поводу недвижимости – Н. П.]

Ну пока, всего, всего В<ам> наилучшего и не сердитесь на меня, если я моим письмом навел на вас хандру, но лучше все-таки, если я невольно что-либо преувеличил, чем преуменьшил, недоговорил. Всего, всего в<ам>доброго. Любящий и пред<анный> В. Мака.

PS. Сердечный привет вам, дорогие мои, и от нас. Надеюсь, что вы все уже, наконец, здоровы. Вернулись уже обратно. Поездка была интересная, но мы нашли дома мало отрадного. Будьте здоровы. Пишите нам о себе и о детях.

Привет сердечный всем вам от меня и Дэвика. Ваша Герта.

3. М. Фридман – А. и И. Штейнбергам

Ben-Shemen 9 /XII/34

Дорогие Арон и Исаак! Был очень рад В. письму, но и это письмо было занято исключительно ковенскими делами. Там все еще не улаживается, и отношения не улучшаются. Вдобавок положение Hans'a очень серьезное.

Мы хотели бы, чтобы родители перебрались сюда, но для этого надо быть уверенным в упорядочении ковенских дел. Я уже подал прошение о визе для папы и мамы, и она действительна в течение 15 месяцев. Тетя Елена тоже мечтает о Палестине, и было бы хорошо, если б и вы, хотя б Арон, перекочевали сюда. Хуже, чем в других странах, здесь не будет, и мы можем прекрасно жить и без goim. Слышал я, что и Рабинков собирается сюда. Что у вас слышно? Как в<аше> здоровье? Как дети, что они поддельвают, в какой среде вращаются?

Я с интересом читал «Dos Fraye Wort», часто хочется что-либо написать, но как-то не выходит. Я много занят и не выполняю многих работ, стоящих неотложно предо мною. Обзоры прессы и статьи разные интересны в «D.F.W» и знакомят, и держат начеку Galut. А то тут так втягивает жизнь, что забываешь обо всем. Что поддельвает Анюта и Эсфирь? А Софья Влад<имировна>? Вернулась из Berlin'a? Напиши и нам, не откладывая намного, и мы постепенно втянемся в переписку. Всего вам доброго. Любящий и пред<анный> Мака.

4. М. Фридман – А. Штейнбергу

12. V. 35 Ben-Shemen

Дорогие Арон и Софья Владимировна! От всей души поздравляем вас. Желаем много душевного спокойствия и бодрости в наше бурное время, здоровья и всего-всего наилучшего в вашей настоящей и будущей жизни. Жаль, что мы так далеки друг от друга и так редко обмениваемся письмами. Вот уже недели хочется написать вам, и все не выходит, а время себе бежит, бежит.

У нас – мало нового. Мы все еще в Бен-Шемене. Работаем, устали, но здоровы. И это хорошо. Дэвик уже большой парень, скоро 7 лет ему минет, читает свободно, пишет и довольно хороший парень.

Муля много работает по службе, но в последнее время он должен был еще «ездить» и готовиться к юридическим экзаменам. Наконец, экзамены прошли, на днях закончились. Результаты выяснятся через несколько месяцев, но пока i naf fun kor aror⁶, немного передохнет, а потом, может, его пошлют на несколько месяцев на Литву для предвыборной кампании к Конгрессу⁷. Он, может, поможет нам распутать кое-какие гордые узлы, которые разрушают семейное начало в Ковне и создают такое враждебное отношение между братьями.

Очень, очень жаль, дорогой Арон, что ты за все время не мог выехать в Ковно и поспособствовать разрешению спорных вопросов между тетей Еленой и мамой. Мне это было не под силу (я сомневаюсь, удастся ли это Муле). В связи с ковенскими делами папа писал, что он просил Исаака и тебя подтвердить получение в<ами> в свое время известных сумм, посланных вам за счет тети Елены, что до сих пор не имел от в<ас> ответа. Может быть, если вы до сих пор этого не сделали, вы уладите это дело? Папу эти дела очень волнуют все время, и задержка с ответом отягчает положение.

От Иоси давно-давно нет сведений. Может, Исаак видел его в Париже? Уже 3 месяца нет от него и Эстер никаких известий. Они всё «по пути в Россию» и сидят еще во Франции.

В этом году я очень занят, и так время расплывается, что трудно концентрироваться, трудно отдаться чему-нибудь цельному. Жизнь интенсивна здесь, отдыха мало, жарко летом, и лень, мать всех пороков, пожирает обильную дань.

⁶ Довольно морочить себе голову (идиш).

⁷ К 19-му Сионистскому конгрессу, который состоялся 20 августа – 4 сентября 1935 г. в Люцерне.

Бывает, устраиваем *tujulim*⁸ по стране. До пасхи были турне в пустыню *Midbar Iehuda*⁹ и было очень интересно и ново, на пасху с Гертой и Дэвиком были в *Emek ha-Yarden*¹⁰ и немного освежились. Жизнь идет своим путем, вопреки сознанию неправильности пути.

Массы концентрируются в городах, спекуляция бешеная (даже теперь!), еврей-дураки и за *haei shaa* не видят *haei olam*¹¹. Немцы¹² вносят свое. У нас в *Ben-Shemen*¹³ тоже свыше 100 немецких детей. Они часто так чужды всему, сами не знают, чего искать, полны религиозных смутных исканий, видя в этом содержание еврейства, и так странно, что немцы – это носители религии и хасидизма (и религии какой-то новой: Бубер, Эрнст Симон¹³ и т. п.).

А страна развивается. Прямо не узнаешь мест, где был год тому назад. Но всего этого мало, и нет рабочих рук, и вместо них хоранские арабы¹⁴. И культурные проблемы занимают умы; борьба с наклонностями к левантизму¹⁵, с плоскостью, за сохранение преемственной связи с культурой отцов. Ищут, ищут, но так скоро не найдут. Я думаю, что «образуется», что мы еще не вышли из строительства материального.

В Бен-Шемене и Голомб из Вильно работает. Я очень благодарен за присылку «*Dos Fraye Wort*» – связь с миром. Я сейчас не могу послать денег за него, но я пошлю. Исааку я напишу в след<ующий> раз, и ему, и Анюте, и Эсфири, и детям сердечнейший привет. Напишите нам, и мы в долгу не останемся. Всего, всего наилучшего. Что с Алей?

В<аш> преданный и любимый Мака.

Притиска: книга Исаака о Спиридоновой вышла по-английски¹⁶?

⁸ Путешествия, поездки.

⁹ Иудейская пустыня.

¹⁰ Иорданская долина.

¹¹ «За мимолетным временем не видят вечных ценностей». См. Дубнов С. Вечные и эфемерные идеалы еврейства. Восход, декабрь. 1890. С. 15–24.

¹² Евреи из Германии.

¹³ Мартин Бубер, см. далее. Симон Эрнст Акива (1899–1988) – один из учеников Х. Б. Рабинкова, педагог и философ. В 1925 г. в Иерусалиме (наряду с А. Руппиным, Рабби Биньямином, Ш. Хуго Бергманом) стал одним из основателей «Брит-шалом» («Союза мира») с целью установления дружественных отношений между арабами и евреями и совместного еврейско-арабского решения проблем будущего Палестины. Преподавал в Еврейском университете.

¹⁴ Арабы с плато Хоран.

¹⁵ Левантизм (на ивр. – мизрахи) – ментальность стран Средиземноморья, в противоположность ментальности ашкеназийских евреев.

5. М. Фридман – А. Штейнбергу

Бен-Шемен 30.6.1935

Дорогой Арон! Мы тебе писали несколько недель тому назад. Теперь напишу еще раз.

Под влиянием m-me Nothman, которая говорит, что у тебя есть теперь стремление переехать в Палестину, – мы с Мулей считаем, что, если это действительно так, – я думаю, что ты нам напишешь об этом, – то надо устроить твой приезд сюда и ускорить его. Мы считаем, что ты бы здесь занял почетное место в области kulturträger'ов и что ты бы себя чувствовал здесь хорошо, да и Софья Вл<адимировна> освоилась бы. Это вовсе не так плохо жить только среди евреев; совсем не чувствуешь потребности в goim¹⁷. M-me Nothman даже говорила с д-ром Leberman'ом, и он ей сказал, что, если бы ты был в Стране, то он немедленно пригласил бы тебя на месяц-два для работы культурной среди молодежи. Мы не считаем Бен-Шемен местом для тебя, но как начало – авось.

Мы все были б очень рады, если б нашего полку прибыло. А будучи здесь, ты мог бы и тетю Елену вытребовать раз-два. Если у тебя действительно есть такие планы, дорогой Арон, то напиши мне, и мы возьмем в переделку Берла Кацнельсона¹⁸ насчет визы и т.п.

Напишите вообще и ты, и Софья Влад<имировна> о себе, о работе и здоровье. О себе я писал в письме Исааку. Мы с нетерпением ждем твоего ответа. Твой Мака.

6. М. Фридман – А. и С.Штейнбергам

15. IX. 35. Giv'at-Brener¹⁹

Дорогие Арон и Софья Владимировна! Вот уже прошло опять 2 месяца, и лишь сегодня собираемся писать в<ам>. Было жарко – июль, август – дотянули до 20 августа, когда поехали отдохнуть немного. Дэвик был без нас с детьми 5 недель в Тель-Авиве на взмо-

¹⁶ I. N. Steinberg. Spiridonova: Revolutionary Terrorist. Translated and edited by Gwenda David and Eric Mosbacher. London, 1935 г. В 1936 г. книга вышла на идише и иврите.

¹⁷ Нееврей.

¹⁸ Берл Кацнельсон (1887–1944), руководитель рабочего движения сионизма, в 30-е гг. отвечал за прибытие и благоустройство новых репатриантов в Эрец-Исраэль.

¹⁹ Кибуц «Гиват-Бренер», возле Реховота, основан в 1928 г.

рье, хорошо поправился, и к 20-му его дача кончилась, и он перекочевал к нам. Жили мы почти 3 недели в Тель-Авиве в пансионе. Купались, читали, бегали по знакомым, по театрам и кино, отдохнули, но не совсем, ибо жарко было. 8 с<его> м<есяца> начались занятия у Дэвика, он уже перешел в kita B, я его отвез в Ben-Shemen, а мы поехали в санаторию Beit-havraa, вегетарианскую, принадлежащую kibbutz Giv'at-Brener, лишь теперь выстроенную. Так близко от Тель-Авива, от Бен-Шемена, и не высоко, а какой разительный контраст. Прохладно, ветрено, жары как не бывало; все с насморками ходим. Всего тут 12 мест, тихо, хорошо, и мы себя чувствуем хорошо. Я завтра возвращаюсь уже в Ben-Shemen, а Герта останется здесь еще дней 4–5. Субботу будем в Тель-Авиве, а 21 с<его> м<есяца> у Герты отпуск кончается. Я еще свободен до октября, буду еще в Ерусалиме.

Немного отдохнули, набрались сил на будущий год.

Если все будет в порядке, будем здоровы, то и так будет хорошо. Мы живем себе по-простому, скромно, но ни в чем недостатка не чувствуем и довольны.

О твоём приезде пока ничего не пишу. Я понимаю твои соображения, но если ты пользуешься словом «беглец», то ведь этому границ нет. Во-первых, и тут еще не совсем укромное местечко и не одно лишь всеобщее и личное преуспевание, во-вторых, если ты покинул Германию, то это ведь тоже переход в более спокойное место; в-третьих, тут все же есть чувство, что что-то делается и для haei olam, а в диаспоре – лишь haei shaa²⁰.

Но Исаак, по-моему, должен был бы приехать, посетить страну, прочесть ряд лекций. Тут развитие идет своим ходом, как будто бы именно тут хотела нам действительность показать, что материальная подкладка жизни сильнее идеи, несмотря на полное сознание необходимости усиления сельско-хозяйственного сектора в нашей жизни как условия для нее, необходимости идти в деревню, и потому массы идут, в городе нет работы, нет рабочих в колониях, не прикупают землю; наша экономическая структура – голусная, без корней; темы и стиль нашей жизни quasi-европейские, nouveaux riches – роскошь преждевременная, салонная жизнь; погоня за увеселениями, и трудно совладать с этой массой.

Одна надежда на молодое поколение.

А рабочий сектор в деревне слаб, сильно киббуцное движение само по себе, но доля при абсолютном росте падает относительно 8000 че-

²⁰ Для жизни вечной ... лишь для жизни мимолетной, бременной.

ловек во всех kvuzot²¹. Все же сильны и моральные основы, и искания. Но жизнь тут нелегка, поглощает тебя всего работа, и трудно всегда приподниматься, и держаться над уровнем, и видеть не только окружающую тебя обстановку.

Что у вас слышно? Как дела материальные? Как вы живете? Что подумываете? Пишите нам, и мы тоже в долгу не останемся. А пока всем в<ам> наилучших пожеланий к Новому году в<ам> и всей семье Исаака. Любящий и преданный в[ам] Мака. Le-shana Tova!

7. М. Фридман – И. и А. Штейнбергам

1.XI. 36 Ben-Shemen

Дорогие Арон и Исаак, Анюта и Софья Влад<имировна, Эсфирь Соломоновна и ребята, большие и взрослые уже (ведь на самом деле, Аде уже скоро 20 лет стукнет, годы революции). Так давно вы не писали, так давно от вас ничего нет и даже адреса в<ашего> толком не знаем. Знал я, что Исаак был в Африке, читал о нем, знал я, что Арон и Софья Влад<имировна> собирались в Ковно и не собрались, знаю я, что Арон стряпал «Краткую историю Дубнова» [нрзб.] сказал немного о вашем житье-бытье – и все. А хотелось бы побольше знать о вас, о в<ашем> здоровье, делах, подвигах, о детях. Авось кто-нибудь когда-нибудь нагрянет сюда, хотя бы для прочтения лекций (я надеюсь, что, когда Berl Katznelson вернется, услышу от него кое-что и о вас).

А мы тут – вы ведь знаете – как живем. Эти полгода по душевным переживаниям я могу сравнить про себя лишь с деникинским полугодом.²²

Мы выдержали испытание, дисциплина была беспримерная; не потеряли совести и зазрения, но что дальше будет? ½ года под обстрелом, на страже и ни на день не приостановили работы, не закрыли школы... но ничего нельзя было сосредоточенно делать.

Мы все здоровы, у нас в Б-Шемене жертв не было. Работаем и старимся понемногу. Ребята растут, Дэвику уже 9-ый год, Вене – 8-ой. Дэвик уже в kita С, много читает и запоем, но и шалун большой. Случилась у нас с ним летом большая беда. Он пробрался к машинам,

²¹ Группы.

²² Полгода (1918) длилась власть Белой армии во главе с ген. Деникиным на Полтавщине.

к соломорезке, и ему отрезало три пальца на правой руке. Еще слава Б-гу, что большой и указательный палец уцелели, но на Герте это ужасно отразилось. Дэвик уже вполне здоров, пишет и работает как ни в чем не бывало (в Ковне этого не знают).

А Веня другого склада. Он читать не любит, а возится со всякими машинами, аэропланами, ауто. Я не очень много занят, Герта работает целый день. Дэвик целый день в пекле, лишь ночует дома.

Муля очень много работает, Руня – учительницей. Родители уже свыше года здесь, освоились, здоровы и в общем довольны, хоть маму всё тянет в Ковно.

Вот вкратце о нас. Когда я получу ответ, буду знать в<аш> адрес, пришлем вам карточку Дэвика и авось, и нашу, если будет. Напишите, дорогие, не откладывая. Из Ковно пишут, но редко.

В<ам> преданный и любящий в<ас> Мака. Иоси с/с²³ в Москве, пишу очень редко.

Дорогие, напишите нам о себе и детях. Очень хочется знать о вас.

Арон Захарович как-то писал, во всяком случае, так я его понял, что приехать из Европы сюда было бы для него бегством, т. к. здесь гораздо легче жить. Но мы в последнее время пережили так много, да и сейчас еще, что можно со спокойной совестью сюда приехать, слишком легко не будет.

О нас мы уже писали. Прибавить нечего. Работы много. Ужасная усталость. Каким-нибудь временным отпуском ее не исчерпать. А сестра моя в Испании, в Барселоне. Редко получаем письма.

От души приветствую вас и желаю вам много радости. Ваша Герта

8. М. Фридман – А. и С. Штейнбергам

12. II. 1937 Дорогие Арон и Софья Вл<адимировна>!

Опять почему-то прошли 3 месяца и, несмотря на большое желание написать в<ам>, как-то не выходило.

Была тяжелая зима. Масса дождей выпало, почти вдвое против всех последних лет, и с дождями пришли и болезни. Герте оперировали аппендицит, а потом эпидемия гриппа. Герта и Дэвик были больны,

²³ С семьей.

а теперь, к стыду, и я захворал на несколько дней, но уже все all right. Солнце греет, все поля зелены, всюду цветы, к Tu bi-shvat ²⁴, как всегда, зацвел миндаль (отсюда его имя shaked), и пахнет уже пасхой.

А потом придет знойное лето, и опять будем ждать прохладной зимы.

Работаем по-прежнему, но есть во мне какая-то неудовлетворенность работой. Хотелось бы поменять и место, и профессию. К агрономии теперь трудно вернуться. И хоть я и неплохой учитель, но кажется иногда, что я плохо выбрал Veruf. Хочется немного поучиться еще, и была бы возможность, поехал бы куда-нибудь на полгода уму-разуму набраться.

Папа и мама тоже немного болели зимой, но в общем довольны, лишь мама все еще тоскует по Ковне. Она твоего письма, Арон, не получила. Их адрес тоже меняется. Научись писать нам и Муле: Tel-Aviv, reh. Gnesin5 .

Руня учительствует с успехом. Муля работает все время в Moetzet poelei.²⁵ Работа страшно утомительная, нервирующая. Но он переходит теперь в Центр<альную> контрольную комиссию: Vaadat ha-bikoret ha-merkazit. Будет немного спокойнее. Веня растет на славу, но он не живет мирно с книгами, как Дэвик, любит технику.

Недавно после годичных хлопот получил сертификацию для Мотэ, но трудно гадать, как он с/с устроятся теперь.

Дэвик здоров, работает и пишет левой рукой, как-то примирился с бедой. Все равно ничего не поделаешь. Он уже в kita G (Веня в kita B), шалит. Но много читает, даже слишком много, пишет неплохо, сентиментален и отличается хорошей памятью. Научили его и русскому алфавиту, но язык он забыл, понимает самые простые вещи.

От Иоси очень редки известия, он живет под Москвой и доволен. Хотелось бы побольше знать о в<ас>, как вы все поживаете. Слыхал, что Исаак уже вернулся и что его усилия в Африке увенчались успехом. Как детвора? Софья Владим<ировна> тоже работает или домохозяйничает лишь?

Из Ковно очень редки письма, и лишь к праздникам оживает переписка. Что они штудируют? Роза (нрзб.) была все время в Барселоне, теперь они в Париже, думают о Лондоне.

²⁴ Ту би шват – 15 день месяца Шват, Новый год деревьев.

²⁵ Рабочий Совет.

Мы тут так были перепуганы, так как много говорят о повторении событий²⁶, что не верится. Но и мы готовимся. Правительство оставляет всюду оружие; около 10.000 человек по всем пунктам регистрированы «на всякий пожарный случай» – своего рода «защитная милиция» (у нас 27) – но живем мы под знаком *murowany*²⁷, строительство сильно сократилось, есть безработица, хоть и небольшая. Все месяцы борьбы держались, наша экономика выдержала экзамен, но теперь чувствуются последствия. Не кризис, но стагнация, ибо неуверенность и беспокойство. Но есть единство и сплоченность в евр. населении. Есть стремление укрепить основы, увеличить площадь зелени, молочное хозяйство, стать на ноги, и в нашем лагере говорят об объединении *Marai* и *Ha-Shomer ha-Zair*²⁸. Есть стремление к кооперации с арабами, но пока с их стороны никаких шагов к сближению, террор еще силен. Но если даже вспыхнут снова события, верно, ни Сирия, ни Ирак не помогут, ибо они по гордо заняты своими локальными проблемами.

Жизнь наша все же идет вперед. Новые поселения основываются. новые предприятия, всюду строятся шоссе, Тель-Авивский порт растет – «дорога к миру». Но все же пора тяжелая. Она еще более грустна в связи с невероятным положением евреев в Европе: Германии, Польше и т. д. Была у многих вера, что в России что-то новое создается, что действительно приближаются к пролетарской демократии. Но пошли процессы и разрушили эти иллюзии. Прямо невероятно! Теперь ждут результатов *Royal commission*. Нет оптимизма, будет большая борьба за *alia*²⁹ и т. д. Но если даже решение Ком<иссии> будет против нас, нет пессимизма, есть вера *Nezah Israel lo iashaker*,³⁰ но мы все понимаем, что ближайшие годы решающие и нужна мобилизация всех наших душевных и материальных сил.

Много книг выходит в последнее время. Если бы ты, Арон, когда-нибудь приехал сюда, то ты бы нашел поприще для себя.

²⁶ В апреле 1936 г. в Эрец-Исраэль началось Арабское восстание против евреев и английских властей. Террор и насилие продолжались до начала мировой войны.

²⁷ Произошло удорожание кирпича (иврит и польс.). В 1936–1939 гг. было построено 52 поселения в виде непрерывной цепи еврейского присутствия; тактика «стена и башня».

²⁸ «Мапай», «Ха-поэль ха-цаир» – две рабочие партии.

²⁹ Репатриация.

³⁰ «И не скажет неправды и не раскается Верный Израилев, ибо не человек ОН». Первая книга царств, 15:29.

Как вы реагировали на отречение короля? Напишите, дорогие, не откладывая на месяцы. Я постараюсь тоже быть аккуратным, как англичане. И об Исааке и Аняте и всех их напишите. Мы думали, Исаак поедет из Африки через Палестину. И если у вас случайно есть почтовые марки Британской колонии, то пришлите Дэвику для его альбома.

Всего-всего наилучшего, дорогие Арон и Софья Владимировна. И всем-всем вам.

В. Мака. Когда собираетесь в Ковно?

9. М. Фридман – И. Штейнбергу

17.5.37 Ven-Shemen

Дорогой Исаак! Я был очень рад твоему письму. Так давно уже «живого слова» от тебя не видел. От Арона и С<офьи> Владимировны мы не получили ответа на наше последнее письмо, может быть, оно затерялось. Во всяком случае, это письмо вам всем, и Арону, и Софье Владимировне.

Очень, очень хотелось бы встретиться с вами, поговорить о разных делах, погрустить, да и посмеяться (я часто вспоминаю твой смех, Исаак, серьезно). Ведь нельзя жить только горестями да заботами kahalische³¹.

Мы все здоровы. Работаем, отдыхаем и потеем. Лето в этом году пока не особенно жаркое, и чем день прохладнее, тем короче будет жара.

Дэвик здоров, со своей бедой освоился и редко ее вспоминает. Он работает и пишет правой рукой. Он очень много читает, но и шалит немало. Переходит уже в 3 kita, по старым понятиям – приготовительный класс. Пишет неплохо, сентиментален и не глуп. Пишет он только иврит, но понимает немного и по-русски.

Муля избран теперь в Центральную Комиссию при Гистадруте, и работа его теперь легче и спокойнее. Руня работает в школах, а Веня уже переходит в kita С. Он большой шалун и не особенно дружен с книгами.

Папа и мама здоровы, хотя и немало поддались за последнее время. Я с ними совершил маленькую прогулку trip по стране, был

³¹ Общественными (идиш).

в Хайфе, Emeq ha-Yarden³² – и хоть им трудно было ходить и жарко было, но они остались довольны.

Скоро переедет в П<алести>ну и Мотэ с/с; как он устроится, трудно сказать; время тяжелое, но терять ему в Европе нечего буквально.

Йосе с/с в Москве, живут за городом, он очень много работает, но доволен, работа идет успешно и по тамошним понятиям – он пишет – их материальное положение неплохо. Девочка – Рут – учится хорошо. Уже в 6 классе (соотв<етственно> 4 классу гимназии). Сестра Герты с мужем переселяются в Лондон, я им писал и Ваш адрес, авось он взглянет к вам, а может быть, и Герта с Дэвиком потом на несколько месяцев приедут к ним и к вам.

У нас положение – одна неопределенность. Экономически тягостно становится. Новой alia фактически уже ½ года нету, неопределенность положения отражается на темпе строительства; есть тысячи безработных в городах, да и в колониях, после того, как апельсиновый сезон кончился плохо (низкие цены в Лондоне), положение нелегкое. Политически – большое беспокойство за будущее. Очень много говорят о разделе страны. Мне кажется, что кантонизация уже меньшее зло³³, ибо одна страна остается, а то будет маленькая страна с большим арабским меньшинством без Иерусалима, и лишь Англия получит в свои руки береговую полосу, как Франция – Либанон в Сирии³⁴. Несмотря на все, есть большие возможности и сейчас. В самых опасных местах создаются новые пункты. За два года – я не был в Emeq – выросло 16 новых пунктов. Героизм 2-й и 3-й alia жив и сейчас. Я посещал эти новые пункты далеко от yishuv'a, на краю пустыни. Мне кажется, что никогда еще не было нигде такой колонизации. В один день создается пункт. Сотни людей сходятся со всех сторон, строят бараки, башню с прожектором, окружают стеной, непробиваемой пулями, и начинают всё с начала. Эти дни новых alia были переживанием непередаваемым.

Пока в стране спокойно, но кто знает, что еще предстоит. А положение в Польше, Румынии и других странах кажется нам отсюда ужасающим и безвыходным, и, если казалось в прошлом году, что в Рос-

³² Иорданская долина.

³³ В 1937 г. руководители ишува, представлявшие его в Лондоне: Х. Вейцман, Д. Бен-Гурион, М. Черток, – стали склоняться к плану раздела Палестины на два государства (кантонизации), другие, в том числе, Б. Кацнельсон, возражали.

³⁴ По соглашению о разделе 1916 г.

сии кое-что изменилось, пришли эти кровавые процессы и поколебали и эту надежду.

Относительно Голомба³⁵ ты не прав, Исаак. Тут дело не в свободном мнении, независимом. Но как может человек, который остался таким чуждым всему, что происходит здесь, писать о Палестине не как турист, а как человек, переживающий все это? И какой он человек революционного порыва? Он живет еще теперь понятием довоенным и дореволюционным и во всем он ищет недостатки. Но от социализма и от интернационализма он далек. И если он даже изменился, то не хочет признаться в этом ни себе, ни другим. Я ничего не имею против него, мы с ним очень дружны, часто спорим, но, по-моему, не он тот человек, который должен писать о Палестине для «Fraye Schriftn». Уже много лучше был бы D-r Rubin P. , и когда я тебе писал об этом, то ни на минуту не думал о связанной мысли, о генеральной линии, но все же – мое мнение – о Палестине и ее переживаниях должен писать человек переживающий.

Вот, например, Андрей Жид написал о России книгу³⁶, такую книгу мог написать только коммунист, но человек близкий, а далекий человек писал бы лишь со злорадством. Но оставим эту тему. Об этом можно поговорить устно как-нибудь.

Очень отратно было слышать о детях, об их успехах, развитии, продолжении дела отцов. Всем детям сердечный привет от нас. Как Анюта себя чувствует и Эсфирь? И вы все? И что ты поделяваешь, дорогой Исаак? Что с «Fraye Schriftn»? Пусть Арон напишет, если не написал до сих пор. Видите ли Берла Кацнельсона? Он был очень болен и теперь в Лондоне³⁷. Уходит старое поколение или болеет – новых мало. Пиши нам, Исаак. Всего, всего хорошего. Твой Мака.

³⁵ Эльяху Голомб (1893–1945). См. выше примеч. к письмам И. Штейнберга.

³⁶ Андре Жид. Возвращение из СССР. 1936. («Au retour de l'URSS»). Приняв сначала советский режим, А. Жид разочаровался, а советское руководство оценило визит писателя как провал культурной дипломатии.

³⁷ В сентябре 1936 г. Берл Кацнельсон был командирован в Лондон для политической работы.

21.5.1938 Бен-Шемен

Дорогой Арон! Ты на меня сердисься, обижен и т. д., но я виноват лишь в одном перед тобой, что я не ответил на твое последнее письмо. И было много причин тому. Во-первых, я сейчас же переслал твое письмо родителям, а когда его не было предо мною, я как-то не чувствовал укоров совести за неаккуратность. Во-вторых, перегрузка всякими делами, усталость и жара. Кроме моей работы по службе, отнимающей много времени, и по дому (Selbstbedienung³⁸), приходится составлять и сочинять учебники, ночами – я также «гафир»³⁹ – иначе говоря, supernumerary constable⁴⁰ – и обязанности эти также отнимают много времени, и, главное, в свободные дни: охрана, дежурства⁴¹, военный строй, в третьих, я – секретарь местного совета служащих и рабочих, и это тоже требует много времени. Хочется и почитать, а в свободные часы усталость и жара свое заканчивают.

Вдобавок за последние месяцы я страдаю пеленой глаз, вернее, одного правого, и мне было трудно читать и писать. Я себе что-то повредил в глазу при химических опытах в плохой обстановке нашей. Газы разные подействовали. Уже 1 ½ года как я что-то чувствовал в глазу, но до последнего времени врачи ничего не находили, пока нашли; врач, у которого я лечусь, уверяет меня, что через пару месяцев пройдет, но пока все же глаз побаливает.

Вот и все, почему, несмотря на 100% сознания, что я должен тебе написать, я до сих пор не писал. Не сердись, дорогой Арон, и прости меня! Мне очень жаль, что в октябре, когда мы впервые затронули денежный вопрос, ты говорил совершенно о другом. Если бы ты тогда писал о займе для тебя, то в октябре я мог бы с некоторым усилием послать, может быть, и до 10 фунтов. Итак, с этим вопросом. Мы хотим надеяться, что твое положение тоже улучшится тем временем.

Чем ты сейчас занят? Чем занимается дорогая Софья Владимировна? Что слышно у Исаака, Анюси? А дети взрослые? – что они? Ведь Леве уже 20 лет.

³⁸ Самообслуживание (нем.).

³⁹ Страж (араб.).

⁴⁰ Внештатный полицейский.

⁴¹ Сторожевая охрана («нотрут»), легальная еврейская полиция под британским командованием, учрежденная после начала арабского восстания в 1936 г.

У нас положение очень трудное, ввязли в болото и не вылезти пока. Yishuv держится, но кризис есть, и безработица и, если не изменится положение, будет еще тяжелее.

А главное, что еврейская судьба повсюду так трагична, и все же евреи – Исаак, в том числе, которые теперь ищут территории для евреев (и в той же империалистической British Empire, из-за чего он когда-то так напал на сионизм) – были бы все время с нами, авось тут нас было бы теперь не 450 000, а миллионов 1 ½, и совсем бы иначе шла наша история здесь. Но былого не воротить, не верю я в территории для евреев, кроме Палестины, и в их значение как облегчение нашей участи, хотя и приветствую это. Ибо уже прошло 50 лет, пока Палестина стала, и сколько жертв это стоило. Кроме Judennot, нужен и идеализм, и вера, и жертвенность, а этого нет.

А без территории как опоры мы пропадаем, и без idn и yiddishkeit не будет существовать. Очень грустно, когда думаешь обо всем этом – я уверен, что, если б вы – и Исаак, и ты – в свое время приехали сюда, вы бы нашли себе и поле деятельности, и внутреннее удовлетворение.

Авось! Хотел бы получить «Frage Schriftn»; я буду платить. Я пару раз уже просил прислать мне. Также, если недорого стоит, книжку W.Citrine. I search for Truth USSR⁴². Я верну все расходы.

У нас в общем все здоровы, бодры, и не на что жаловаться. Герта работает в бюро, много учится и в ivrit совершенствуется, и в anglit. Если ее сестра придет sof kol sof⁴³ в Лондон, она возможно с Дэвиком придет на несколько месяцев. А Дэвик растет, читает много, но и шалит. Очень рассеян. Ему уже скоро 10 лет. И он уже переходит в V класс начальной школы.

Из Ковно имеем стороной грустные вести. Слышали, что тетя Эстер очень больна, и ей грозит потеря глаза; знаете ли вы что-нибудь об этом? Мы запросили Ковно, но там молчат.

Пока всего, всего наилучшего всем в<ам>, нашей лондонской колонии. Напишите нам, дорогие, и я в<ас> уверяю, что больше месяца не задержу ответа. Всего, всего!

В<ам> пред<анный> Мака.

При сем карточка Дэвика. Он очень похож на ней на тетю Эстер.

Герта

Сердечный привет в<ам>, мои дорогие! Как вам теперь живется?

⁴² Ситрин Уолтер (1887–1983), лидер тред-юнионов. «Я ищу правду в СССР». Лондон. 1936.

⁴³ В конце концов, наконец.

У нас мало нового. Работа та же, настроение то же. Пока сидим в Бен-Шемене, и кто знает, сколько еще времени.

Как вам нравится Дэвик? На этой карточке он такой серьезный, очкастый. Эта собачонка – его новый приятель Зариз. Она у нас уже 2 месяца приблизительно.

Как себя чувствует вся лондонская семья?

Моя сестра сейчас живет в Париже. Может быть, они скоро переедут в Лондон. Когда они устроятся, я, может быть, приеду с Дэвиком в гости. Всего вам хорошего!

С дружеским приветом Герта.

21 мая 1938

11. М. Фридман – А. Штейнбергу

б/д [осень 1938]

Бен-Шемен

Дорогой Арон! Твое письмо прибыло в Бен-Шемен к 20-му, мне его переслали не сразу – в Хайфу, а приехав оттуда в Тель-Авив по пути домой, не застал родителей, которые тем временем уехали дней на 10 в более прохладные регионы Ерусалима, и адреса их мы не знаем. Поэтому мы – я с Мулей – прочли твоё письмо к ним, и очень рады, что ты затронул «эту» тему. Мы были очень рады твоему письму и Софьи Владимировны, но на него мы ответим отдельно в Ковно еще или в Лондон, куда, к сожалению, Герта еще не собирается. Мы все здоровы, отдохнули месяц на Кармеле, и теперь всё возвращается к работе, и мы тоже. У Мули тоже все в порядке. Беспokoит нас очень судьба Мотэ с/с, который находится в отчаянном положении, и нет перспектив их устроить. Мы писали Хацэ, чтобы он решился на что-либо, ибо *gefahrl in Verzuge*⁴⁴ [далее – подробное описание семейных споров о недвижимости – *Н. П.*]

О нас напишу еще. В стране положение нелегкое. Мы все находимся в *interregnum*⁴⁵, и это всегда скучное время. Вдруг англичане кардинально изменили свою линию и сослали *Vaat Aravi Elion*⁴⁶ на

⁴⁴ Опасность в промедлении (нем.).

⁴⁵ Междуцарствие, переходный период.

⁴⁶ Высший арабский Совет, образован в 1936 г. Муфтий Мухаммад Амин аль-Хусейни, глава Высшего арабского совета, образованного в 1936 г, после подавления арабских беспорядков был смещен британскими властями в 1938 г, а четверо членов

Сейшельские острова, за тридевять земель. Муфтий смещен, но он еще здесь. Газетам запрещено что-либо писать по этому поводу, и все живут догадками.

Неопределенность положения усиливает экономический кризис, и кто знает, как долго это продлится, а пока, как поляки говорят: «roki olósti schudni, chudni zdechne»⁴⁷.

Об Исааке знаю от Голомба, который с ним переписывается. Мы еще напишем и вам, и Исааку о наших теперешних делах, а это письмо прошу рассматривать как деловое.

Дэвик хорошо поправился за лето, теперь он уже в kita 4, приблизительно соответствующем подготовительному гимназии.

Сердечный привет тете Рахили, Эсфири, и Елене, и семье Бориса. Всем желаем от души здоровья и удачи. Герта и Дэвик В<ам> сердечно кланяются, Софья Владим<ировна>, и тебе, дорогой Арон.

Мака.

Высшего арабского комитета были арестованы и высланы на Сейшельские острова. Муфтий бежал в Ливан.

⁴⁷ Пока толстый похудеет, худой сдохнет (польс.).

Х. Шмуэль Эльяшив-Фридман

1.

26.X.1925 Kaunas

Дорогой Арон!

Письмо твое получил. К сожалению, не имею его сейчас под рукой, но кажется, помню ясно его содержание и ничего не пропущу.

Я уже окончательно привел в порядок небольшой отдел. «Fun togbuch»¹. Выискал в архивах «Ид >ише< Штима»² то, чего не было у нас прежде. Мне должны переписать еще одну маленькую заметку. После этого отправлю тебе и этот список. Это будет во всяком случае не позже этой недели. Сейчас я przygotowляю другие отделы, для следующих томов. Привел в порядок статьи о Герцле (arum a groisn shotn)³. Также установил, что одной статьи у нас нет, ее придется тут в библиотеке списать; готов также отдел «National-yiddishe teg»⁴. Оба снабжены списками, которые тоже скоро перешлю в Берлин. Хочу лишь предварительно списаться с Калмановичем о том, как согласовать мой счет строчек со строчками старого издания, набранного в 6 квад<рат>, в ближайшие дни закончу все небольшие отделы. Их надо будет также отправить в Америку, независимо от того, когда удастся эти отделы издать. По-моему, эти точные списки должны произвести впечатление. Очень жаль, что мы этого раньше не сделали. Тем более, что «Перец Ферейн»⁵ нас об этом запрашивал в своих первых письмах. После этих малых отделов предстоит еще одна кардинальная работа:

¹ «Всеу свой час, придет время» (идиш).

² Ежедневная газета на идиш с 1919 г. Ковно.

³ Вокруг больших теней.

⁴ Еврейские национальные праздники.

⁵ Объединение имени Переца.

литературная критика, несколько очень объемистых папок. Но и тут осталось у меня главным образом техническая обработка. В письме в Америку надо подчеркнуть, что мы сейчас начинаем с сочинений, почти никому не известных: «Унтер Род»⁶, «Фун тог-бух»⁷ и «Цайт-Гешихте»⁸, [так] что эта книга должна вызвать наибольший интерес среди широкой публики. Лит<ературная> же критика будет книгой, единственной в своем роде. Это история всей еврейской литературы в буквальном смысле этого слова. Начинается с исследования истории жаргона и его сущности, потом Мапу⁹, Эл. Цунзер¹⁰, ряд классических статей о Менделе, Переце, Ш. Алейхеме, Бялике (о каждом по несколько), далее – целая галерея дядиных современников – поэтов, беллетристов и журналистов – вплоть до самых молодых. Примыкает к этому ряд статей о театре и потом – ряд статей об иностранных авторах. Значение всего этого для новой еврейской школы воистину неоценимо. Обо всем этом нужно написать в Америку в качестве предварительных данных и обещать представить точные списки статей в самый кратчайший срок. Кстати, напишите мне, снабжать ли впредь списки примечаниями о характере и содержании статей, или Вы считаете это излишним.

О недостающих статьях. Устанавливаю их, во-первых, по памяти, во-вторых, по цифрам глав на имеющихся. Напр<имер>, Rusland, Sov<etish> имеется статья № 1 и через месяц – № 3, дальше идет № 4. Следовательно, одной нет. Далее, скажем, в статьях о Герцле имеется написанная к годовщине в 1923 году. Заглавие: Zionist[isher] gedank-teg¹¹. 2. D-r T. Herzl.

Значит, был и № 1 Zionist<isher> gedank-teg. Посмотрим, что П<ерец> Ферейн ответит на мою просьбу выискать статью «Rusland, Sov<etish> Rusland» и можно ли в этом смысле рассчитывать на их помощь.

⁶ «Под колесом».

⁷ «Из дневников».

⁸ «История».

⁹ Мапу Авраам (1807–1867) – первый еврейский писатель-беллетрист, автор романа «Любовь в Сионе», 1865.

¹⁰ Цунзер Эльякум (Бадхен, 1935–1913) – поэт, драматург, автор и исполнитель песен на идиш.

¹¹ Памятные дни сионизма.

Затем, нет статьи о Вейцмане и Герцле, которую я помню: «Ist der Schofar eine Trompete»¹². Она была напечатана в М. журнале в октябре или ноябре 1921 г. и т. д.

Между прочим, у нас нет книжки о южно-русской литературе, вышедшей в «Klal-bibliotek»¹³. Получи, пожалуйста, у Кима. Заодно также его статью к книжке гравюр художницы Маркус-Шольт, также в Клал-Ферлаге.

Несколько слов о себе. По всей видимости, я здесь пробуду до января. На худой конец – до февраля. За это время все, что нужно и можно сделать здесь, будет сделано. Если дело этого потребует, я смогу по пути в П<алести>ну остановиться в Берлине на месяц-другой. Даже больше. Если наладится, можно будет приступить к изданию и раньше, и если вы сочтете, что я вам нужен, я смогу приехать и раньше в Берлин. Хотя не представляю себе, как это денежно устроить и на какие средства жить. Не будем на это загадывать. Во всяком случае, повторяю, если это нужно будет, я смогу быть при издании, поскольку это зависит от меня. Надо еще об одном деле подумать: если наше теперешнее обращение в Америку окончится удачно и мы получим возможность действительно начать печатание, может, следует уже подумать, где печатать. Говорят, в Париже значительно дешевле. Быть может, сможете это выяснить? Вы, конечно, будете меня держать в курсе всех этих дел.

Расписался, поэтому всякие другие дела и обстоятельства снова оставляю до другого раза. Как себя чувствует Эсфирь?

Муля

Руня, кажется, сегодня выезжает из Москвы.

2.

24.VIII.26 Kaunas

Дорогой Арон!

Сегодня отправил тебе заказное письмо с неск<олькими> статьями. Очень прошу ответить мне по возможности скорее как по редак<ционным> вопросам, так и по деловым.

¹² «Является ли шофар музыкальной трубой?».

¹³ «Общая библиотека».

Только что у меня был представитель типографии, с которым я все время имею дело, Якубович¹⁴. Между прочим, производит хорошее впечатление и относится к делу как к общественному.

По его расчету «на глаз» набор книги будет 19 листов, присчитаем пробелы, чистые листы – получается 22–23. Может, несколько меньше, если неск<олько> статей не будут включены. Но это – только первая часть. У тебя имеются ведь списки 2-1 и 3-й. Проведи, пож<алуи>ста>, такой расчет по спискам [далее – арифметические расчеты стоимости издания – *Н. П.*].

Деньги надо слать на имя S. Fridmanas. Всего лучшего. Муля.

3.

Paris 25 rue Tournefort

22/IX 26

Дорогой Арон,

Послал тебе на днях открытку. Писал тебе, что решил придерживаться новой орфографии. Больно тошнит от старой¹⁵. Лучше поработать, но придать приличный вид.

Вчера получил письмо от Калмановича¹⁶, кот<орый> высказывается за новую орфографию, вполне реально указывая, что нужно считаться и с новой школой, где книги должны будут занять свое место.

Видно, мы сделали хорошее дело. Цена на бумагу уже поднялась после нашей покупки. С 25-го – новое повышение на печатание, кот<орое>на нас уже, конечно, не распространяется. Кроме того, как видишь, хорошо, что мы не закрепили контракта в твердой валюте. 3-го дня я менял по 35.40, сегодня уже перевалило за 36.

Шлю при сем квитанцию о размене 60 дол<ларов> и расписку типографа на 2000 фр<анков>, которые я ему уплатил. Таким образом, у меня имеются еще 20 дол<ларов> и остаток с размена. Я тебя уже просил прислать мне еще дол<ларов> 50, придется еще уплатить сейчас

¹⁴ Якубович И. С. – сотрудник Советского представительства в Берлине.

¹⁵ Речь идет о реформе идиша, предложенной Б. Бороховым в 1913 г. Ее суть состояла в том, чтобы «эмансипировать» его от немецкого языка, который до этого был моделью. В качестве стандарта предложен «язык виленской интеллигенции».

¹⁶ Калманович Зелик Хирш (1889–1944) – идишист, историк, переводчик. С 1925 по 1928 год – в Паневежисе, где занимался преподавательской деятельностью. В 1929 году поселился в Вильне, где стал одним из первых директоров Еврейского научного института ИВО.

немного с тем, чтобы остальное дать по окончании работы. Типограф хочет иметь с нас сейчас половину всей суммы (кроме цены за бумагу). Полностью удовлетворить его, конечно, не надо, но удобнее, если у меня будет еще некоторая сумма денег. При скачках курса будет несколько неудобно затягивать платежи.

Материалы я уже начал сдавать. Постепенно исправляю орфографию и даю дополнительно.

Писал ли ты Калмановичу о пояснениях? Думаю, что это лишнее. В конце концов, речь идет о переводах слов, как паёк, равноправие и т. д. и, пожалуй, о примечаниях к малоизвестным, а таковых не очень много.

Как ты думаешь, лучше бы после каждой статьи указывать петитом название газеты, в которой она была напечатана, или лучше сгруппировать в особом примечании в конце книги, что такая-то в Тогблат и т. д.? Это, пожалуй, удобнее, т. к. подавляющее большинство статей были в Тогблате, затем очень много в журнале, в Штими, остальные – в других (Телеграф и др.).

Всего доброго. Эсфирь писала мне, что выслала тебе остальной материал. Думаю, что оттуда можно исключить все, носящие чересчур злободневный характер: маленькие заметки из «Штими», чисто-берлинские корреспонденции и т. д. Прислала ли она также 2 незаконченные рукописи (Rusland in Deutschland, San-Remo)¹⁷, кот<орыми> надо закончить том? Быть может, дать также фотографический снимок одной из них?

Привет Софье Владимировне. Руня кланяется.

Твой Муля

На днях я меняю квартиру, новый адрес сообщу немедленно. Пока можешь писать по тому же адресу. Да, контракта мы с типографом не подписываем. Но он мне официальным письмом подтвердит заказ и укажет условия, т. е. 500 фр. за лист с 1000 экз.

4.

25 r. Tournefort [Paris]

23.VIII.26

Я еду завтра в Женеву на 3-4 дня на съезд нацменьшинств.

¹⁷ Россия в Германии, Сан Ремо (конференция).

5.

7 X.26

Дорогой Арон!

50 д[олларов] получил. Поменял их и уплатил типографу. При сем – квитанция о размене и расписка. Кроме того, те 3 фот. карточки, о которых уже писал тебе. Жду ответа по этому вопросу и по всем остальным, о которых я писал в прошлом письме, – предисловие, распространение и пр.

О моей книге¹⁸ появились уже кое-какие рецензии. Я не видел всех, так как не слежу этими месяцами за евр<ейской> прессой. Последняя была в «Ha-olam» очень восторженная (и несколько страдающая отсутствием излишка ума). Беда в том, что книги почти нет нигде в продаже. Если тебе приходится встречаться с книгопродавцами или издателями, не мог бы ты выяснить вопрос о том, взял ли бы кто-нибудь из них распространение в Германии и в ряде других стран? Буду тебе очень признателен. Распространитель мог бы иметь наиболее льготные условия, так как прибыль меня интересует меньше всего.

«Der Jude» получил. Спасибо. Кланяйся Соф<ье> Влад<ими-ровне>.

Твой Муля. Руня кланяется.

Передаю вопрос Эстер: есть ли в «Истории» Дубнова много по истории евреев в П<алести>не в средние века? Если да – в каком томе?

[на том же листе]

Paris (5)

5 rue Linné

Hotel du Labyrinthe

Курс снова лихорадит. Вчера уже было 34.50. Мой финансовый гений¹⁹ считает, что это в связи с намерениями Пуанкаре ратифицировать договоры о долгах²⁰. Если это так, то, верно, франк будет креп-

¹⁸ Шмуэль Фридман. Украинише мотивн: зибн новелн (Украинские мотивы: семь новел), Берлин–Париж. 1926.

¹⁹ О деловых способностях Шмуэля А. Штейнберг писал в очерке «Мой двоюродный брат Самуил» (из семейной хроники). Проза философа. С. 192–193.

²⁰ Раймон Пуанкаре (1860–1939), французский государственный и политический деятель. Во время своего 4-го пребывания министром финансов в июле 1926 г. стабилизировал финансовое положение страны повышением налогов и установлением твердого курса франка.

нуть и впредь, и, пожалуй, нужно бы закрепить некоторую сумму в франках. Если банкир Гликсон в Берлине, лучше всего посоветоваться с ним²¹.

6.

Dr. S.Friedmanas
Rechtsanwalt²²
Kaunas (Litauen) Viniaus g.№16
10/XII 30

Дорогой Арон!

Одновременно с этим письмом посылаю 2-й пакет рукописей для 2-го тома. Через 2-3 дня пошлю еще. Так что как будто задержки с печатанием не должно быть.

Подтверди, пожалуйста, получение обоих пакетов. Вдвинь в эти статьи то, что получено от Кал<мановича>, что считаешь уместным. При сем – список с моими примечаниями. Просмотри их и пошли пакет к [нрзб], не задерживая. Сообщи, пожал<уйста>, свое мнение о них.

Брошюру Клал-Ферлага, пожал<уйста>, прочти уж ты; также и «исправленное» (калмановичидированное) издание статьи о «Казаках»», если получил его.

Твое письмо от 5/XII получил. Спасибо, отвечу на днях, в более свободную минуту. Всего доброго. Муля.

7.

12.IV.1934 [Тель-Авив]
Дорогие Исаак и Арон!

Я уже почти два месяца здесь, давно уже хотел вам написать, но столько за это время всевозможных впечатлений и встреч, что не было ни времени, ни возможности что-нибудь спокойно писать и читать. Теперь только жизнь входит в некую колею, время распределяется по по-

²¹ Моше Гликсон (1878–1939 гг.) – делегат сионистских конгрессов, начиная с VI-го в 1903 году. Секретарь Одесского комитета «Ховевей Цион», после Февральской революции редактировал в Москве ежедневную сионистскую газету на иврите «Ха-Ам».

²² Адвокат.

лочкам, и я снова могу заниматься своими делами. В первую очередь – возобновляю переписку с вами и буду рад каждой весточке от вас.

Я работаю в культ<урном> отделе Тель-Авивского раб<очего> совета. Начал на этой неделе. Суть этой работы – обыч<ное> и полит<ическое> воспитание тех тысяч новых людей, кот<орые> за последние год-два прибыли и кот[орые] в большой массе стоят вдали от движения. Я никогда не был «культурником» и согласился взять это дело только после долгих колебаний (мне его предложили в первый же день после моего приезда). Предполагается, что, помимо непосредственной пользы этого дела, оно должно мне дать возможность сравнительно легким путем войти в самую гущу рабочей среды и ее проблем и т<аким> о<бразом> подготовиться к общей деятельности в раб<очем> совете. Посмотрим.

Все это время я старался и стараюсь ко всему присматриваться, проверяю свои прежние представления и понятия и воздерживаюсь от всяких суждений. По этой причине до сих пор ничего не писал для «Dos Fraye Wort»! Хотя обещание свое писать помню и сдержу. Не хочется спешить с непродуманными и поверхностными выводами.

Я буду писать для нашего ковенского органа (с 10/IV он должен был стать ежед<невной> газетой) и думал копию посылать вам. Полагаю, что Исаак с этим согласится. Если нет и хочешь иметь статьи специально для Wort – сообщи об этом, пожалуйста. Между прочим, я газеты здесь не получаю. Очень прошу мне выслать ее все №№ до марта-апреля. Мой адрес ниже.

Вену мы определили в детский сад, открыт с 7 до 4 ч. Первое время нервничал и протестовал. Теперь охотно ходит туда, но дома упорно говорит только по-русски. Руня временно работает по украшению выставки. Живем мы пока в одной комнате, в новом доме, среди песков, а вокруг нас со сказочной быстротой растут дома, прокладываются шоссе; не оглянешься – и то, что вчера еще было осколком пустыни, становится культурным и нарядным городским уголком. Люди, бывшие в отсутствии год-два, буквально не узнают оставленных ими мест. Мы сняли квартиру в доме, кот<рый> еще только строится и будет готов через месяц. Это – обычный порядок тут.

Первое время я ездил по стране, видел много различных пунктов. В кибуцах жизнь налаживается, условия жизни, в частности, питание, очень хороши. Для полного благополучия нужны лучшие квартиры, повсюду идет интенсивное строительство. В более упорядоченных и сейчас уже живут в хороших каменных домах. Хозяйства разрос-

лись, окупают себя, развивают новые отрасли. Но в этом развитии, кажется, кроется опасность для самой идеи. Рядовой член большого киббуца не в состоянии охватить его целиком, не понимает его, общее собрание перестает его интересовать. Он начинает себя чувствовать лишь незначительным винтиком в машине. Кроме того, теряется связь между членами одного и того же коллектива, люди знают один другого лишь с виду. Численный предел членам коллективных хозяйств. Но это искусственное заграждение на пути естественного развития хозяйства. Таких неразрешимых вопросов и противоречий тут много.

Выйдет ли скоро номер «Шриффтн»? Если да – когда? Я бы приготовил большую статью о палестинских контрастах. У меня как-то начинают осаждаться (или осознаться?) впечатления, которые за эти шесть недель нагромождались, и я бы с ними охотно поделился.

Что у вас? Как себя чувствует Арон в новых условиях? Что делает? Все ли в порядке, или придется еще ехать в Берлин? Как Соломоновны и дети? Пишите обо всем. Всего доброго. Ваш Муля.

Мой адрес: Rehov Eliezer Ben Yehuda 166, Tel-Aviv, Sh. Fridman

Дорогие! Буду рада знать, как вы все живете и каждый в отдельности. Об успехах ребят в общих чертах знаю, но хотелось бы более подробно. Как Адочка, Лева, Суламита? О нашем мальчугане вы, видимо, знаете со слов Арона Захарьевича. О нашей новой жизни знаете из письма Мули.

О себе скажу, что я рада, счастлива и горда Палестиной. Хотела бы с вами поделиться впечатлениями, но теперь так лихорадочно приходится работать до начала Erid Mizrah²³, что приходится поневоле отложить из-за отсутствия свободы и из-за усталости.

Будьте все здоровы.

С приветом Руня.

8.

8.ХП.34

Дорогие Исаак и Арон!

Очень и очень прошу извинить, что так долго не писал вам и не пишу ничего для журнала. Нагрузка у меня необычайная, и нет бук-

²³ 26 апреля 1934 г. в Тель-Авиве открылась 6-я Левантийская торгово-промышленная ярмарка (Ярмарка Востока).

важно ни минуты. Поэтому я запустил множество вещей, в том числе, и переписку с людьми, с которыми я бы хотел поддерживать связь, в первую очередь, с вами. Я приехал на день к Маке в Бен-Шемен, на партийное собрание. Отдыхаю полдня и пользуюсь случаем написать. Мои дела: работаю в Тел-Авивском Совете (moezet poelei²⁴). Прежде я только вел культ<урную> работу, теперь перешел также в обычную и все больше втягиваюсь в проф<союзные> дела городских рабочих. Кроме того, пишу также для нашей литовской газеты и, помимо всего, готовлюсь к экзаменам по специальности. Они будут в феврале. После этого у меня будет больше свободного времени, и я уже составил себе программу-максимум, осуществление которой начнется в марте. Составные ее части: переписка, сотрудничество в «Свободном слове» и «Свободных письменах» и еще многое другое: арабский язык, изучение страны и прочее.

Видел я, что в 52 № вы перепечатали мою статью, был тронут вниманием и усмотрел в сем акте некий упрек. М<ежду> пр<очим>, думал снова взяться за упорядочение дел Исидора, но и об этом – речь в марте.

Буду рад, если напишете мне. В<аши> письма к Маке читал с интересом. Что вы подельваете? Чем и как живете – по существу и на предмет хлеба насущного? Думаете ли навестить наши края? Исааку это, пожалуй, трудно, но Арону я бы очень и очень рекомендовал сюда перекочевать. Безусловно, он найдет тут свое место.

Руня недавно получила работу, учительница рисования в нар<одных> школах. Этот как-то приобщило ее к общей жизни тут. А Веня стал заядлым гебраистом, очень доволен своей жизнью тут. Но, к сожалению, несколько туго акклиматизируется, непрерывно болеет маленькими паршивенькими болезнями. Но ничего серьезного, кажется.

Вести из Ковны меня сильно огорчают и нервируют. Так сказать, чисто эгоистически, я, конечно, доволен, что выбрался из этого пекла. Но эти дела не перестают меня волновать. Я писал родителям, что, по моему, они должны дело урегулировать так, что всем делом управляет один посторонний человек, а папа, в противоположность Борису, должен и впредь представлять интерес Али и Саши, которые ему доверяют и считают его представителем. Будет, по-моему, нездорово для всех, если вместо моего отца будет ведать делом не посторонний человек, а Борис. Кажется, к этому и идет. Самое правильное было бы, если бы все споры были переданы правомочному третьейскому разби-

²⁴ Рабочий Совет Тель-Авива.

рательству. Начали в этом направлении, но затем Борис отказался идти к их boger²⁵. Если бы ты, Арон, мог в этом направлении повлиять, было бы хорошо. Нынешнее положение, когда каждый хапает деньги у жильцов и валовая получка распределяется на месте, как военная добыча, к добру не приведет.

Пишите. Кланяйтесь сердечно всем вашим. Что поделявают Анюта, Эсфирь, дети? Освоились ли уже с новой жизнью? Преданный вам Муля.

²⁵ Арбитр.

40–70-е гг.

1. Карл и Гертруда Ясперс

1. К. Ясперс – А. Штейнбергу

21.VIII.1952. Базель

Уважаемый доктор Штейнберг,

Ваше письмо последовало за нами из Базеля в Санкт-Мориц и пришло уже слишком поздно, чтобы мы могли Вам помочь, как в Самадене, так и в Базеле. Из Самадена Вы уже уехали, а в Базеле мы встретились только 18-го. Жаль! Вот уловка судьбы. Чего только не произошло за время с 1929-30 и до сего дня!

Муж посылает Вам привет и просит передать, что он был бы очень рад с Вами поговорить. Впрочем, мы оба рады тому, что Вы теперь в Англии. Да еще и с женой. Что у Вас за жизнь!..

Удивительно, как из давно минувшей поры донесся к нам Ваш голос.

Мы оба очень сожалеем, что у нас с Вами не получилось встретиться.

Дружеский поклон Вашей жене и привет Вам от нас.

2. Г. Ясперс – А. Штейнбергу

24. VIII. 1954 Базель

Многоуважаемый г-н Штейнберг,

сколько же воспоминаний в нас пробудило Ваше послание с посвящением нам обоим. Ожило то, что уже замолчало, с чем мы давно и легко распрощались, то, что мы разделяли с Вами.

Мы только вчера вернулись с каникул, все залитые дождем. По самым разным причинам не можем попросить Вас к нам зайти, но передаем вам приветы, сообщая, что мы с Вами храним одинаковые воспоминания и что их предметы тотчас пришли нам на ум...

Между ними и нами вырос уже целый мир, и мы намного лучше понимаем теперь, что двигало Вами тогда. Может быть, Вы прижились в Англии. Мы Вам очень этого желаем.

Ваша Гертруд Ясперс.

3. К. Ясперс – А. Штейнбергу

22 апреля 1968 Базель
Уважаемый г-н Штейнберг!

Я был очень рад получить от Вас через 60 лет привет из виндельбандовского периода¹. Я Вас очень хорошо помню, да и Вы меня, видимо, тоже. Наши пожелания друг другу – и, как Вы верно заметили, моей жене – взаимны. Из-за беспорядка я не могу достать Ваши работы о Достоевском, иначе бы я их сейчас перечитал. Думаете ли Вы издать сборничек карманного формата?

Вам кланяются моя жена и я, и всего наилучшего желает

Ваш

Карл Ясперс

(напечатано под диктовку)

4. А. Штейнберг – Г. Ясперс

Черновик

Г-жа Г. Ясперс

Воскр. 2. III. 1969 12 Adar 5729

«Вчера в Базеле в возрасте 86 лет скончался Карл Ясперс...

Его жене, в девичестве Гертруд Майер, сегодня исполнилось 90».

(Дейли Телеграф, четверг, 27/III/69, стр. 20, кол. 6)

¹ Вильгельм Виндельбанд (1848–1915) – профессор философии Гейдельбергского университета, у которого учился А. Штейнберг.

Г-же Гертруд Майер Ясперс [здесь и далее зачеркнуто автором – Н. П.]

4000 Базель, Ауштрассе, 126 Швейцария

Высокоуважаемая госпожа!

В прошлый четверг исполнился год с того дня, как мне посчастливилось с полной искренностью выразить Карлу Ясперсу и Вам, ~~дорогая милостивая~~ высокоглубокочтимая госпожа, свое отношение к Вам обоим в связи с его 85-го восьмьдесят пятым днем рождения. ~~и Через несколько недель~~ Вскоре после этого я получил из Базеля составленное Карлом Ясперсом письмо от 22-го апреля, где отдельно упоминались ~~ваши~~ приветы от Вас. Это меня глубоко тронуло, так что я решил при первой возможности снова напомнить Вам о себе.

В прошлый четверг, 27-го февраля, я ~~собирался~~ решил было ~~снова~~ сообщить Вам, что я все так же смиренно упоминаю Карла и Гертруд Ясперсов в своих ~~еврейских~~ молитвах, которые я стараюсь читать в оригинале, на иврите. Тем более потрясен я был прочитанным в лондонской газете ~~газетным~~ известием о том, что наш учитель за день до того простился с земным миром. В статье также говорилось, ~~что:~~ «его супруге, в девичестве Гертруд Майер, сегодня исполнилось 90».

Позволите ли сказать Вам, что на протяжении этих дней я находился в «пограничной ситуации»? Я, правда, сам еще не скоро доберусь до десятого десятка, но я выверил свой курс по жизни и творчеству Вашего супруга и зашел уже достаточно далеко, чтобы представить себе то уникальное, ~~единичное~~ единственное в своем роде переживание, которое Вы испытываете. Позволите ли прибавить к этому, что только благодаря всемогущему Творцу, я могу Вам сегодня писать? Пусть Он Вас утешит и в милости своей воздаст Вам добром за добро. В возможности этого меня убедила «Философская автобиография» Карла Ясперса, которую я со вчерашнего дня ~~еще раз~~ перечитываю. Именно она ~~сподвигла~~ дала мне силы сесть за это письмо.

Никогда не угаснет моя благодарность уважаемому Карлу Ясперсу и ~~предназначенной ему судьбой~~ избранной им спутнице жизни.

Ваш, с тех давних времен в Гейдельберге,

Арон Штейнберг

II. Исая Берлин

1. И. Берлин – А. Штейнбергу

русский

Оксфорд – Лондон

17.2.53

Дорогой Аарон Захарович! Я должен просить у Вас извинения за долгое молчание, несмотря на Ваши любезнейшие два письма – и русское, и английское. Пишу я по-русски плохо, с ошибками, но люблю это делать (не слишком часто), т. к. диктовать я такие письма не могу, то они у меня откладываются в долгий ящик. Встретиться с Вами я бы очень хотел: но в Лондоне я буду только в конце марта – кроме нескольких часов на следующей неделе – и поэтому, может быть, нам встретиться тогда, т. е. около марта 17-го, 18-го 19-го – не придете ли Вы позавтракать со мною или к чаю в Reform Club 19-го марта?

А по поводу еврейской культуры и Cambridge, мне кажется, что я тут не очень нужен: я страшный профан в таких делах. Dr. Altman и Dr. Roth знатоки и еврейских дел мастера: а я уж слишком amateur¹ и, может быть, недостаточно «Голус» (Галут)ом интересуюсь. Я ручаюсь, что, напр<мер>, Макс Белов или проф. Р. Кан (из Кембриджа) для этого бы более подходили.

Ваш Исая Берлин

¹ Любитель, дилетант.

2. И. Берлин – А. Штейнбергу

Колледж Олл-Соулс, Оксфорд

26 февраля 1953 г.

Уважаемый доктор Штейнберг,

простите, что я пишу Вам по-английски. Если писать так, как мне бы хотелось, ушло бы слишком много времени. Хотел Вам сообщить, что я вряд ли смогу что-нибудь измыслить по той теме, которую Вы предлагаете, однако я был бы рад встретиться с Вами и без этого повода. Если позволите, я напишу Вам, когда в следующий раз окажусь в Лондоне перед отъездом за границу. Скорее всего, это будут два дня между 17-ым и 19-ым марта. Или, может быть, Вы приедете ко мне в Оксфорд? Если так, я подберу подходящее время.

Искренне Ваш,

Исайя Берлин.

3. А. Штейнберг – И. Берлину

55, New Cavendish street London. W.1

1 мая 1953

Дорогой Исайя Менделевич!

В воскр<есенье>, 3-го, улетаю в Аргентину, т. е. на неделю позже, чем предполагал, когда имел с Вами беседу. Если бы это было мне тогда известно, я бы сделал попытку повидать Вас еще раз до отъезда.

Пишу Вам, во-первых, для того, чтобы пожелать Вам счастливо оставаться, а во-вторых, чтобы сообщить Вам имя моей ассистентки Анны Григорьевны Клаузнер, на случай, если бы ей пришлось во время моего отсутствия обратиться к Вам.

Всего наилучшего. Ваш А. З. Штейнберг

4. И. Берлин – А. Штейнбергу

русский, открытка

Оксфорд – Лондон

7.9.53

Нас преследует фортуна: вот Вы только что приехали, а я как раз послезавтра уезжаю в Harvard и Princeton до апреля! очень, очень жал-

ко: благодарю Вас за Вашу работу, которую я прочел с большим интересом: мне кажется, что Вы, быть может, преувеличиваете важность «английской» школы, то есть, Collingwood + Oakeshott, которые мне кажутся бледными отсвечиваниями Croce & Co². Пожалуйста, позвоните мне в апреле 1954! Жаль, что уезжаю.

I. Berlin

5. И. Берлин – А. Штейнбергу

Оксфорд. Колледж Олл-Соулс

24 января 1956 г.

Уважаемый г-н Штейнберг,

простите, что я диктую это письмо по-английски. Сейчас у меня дел по горло, а по-русски я пишу хотя и правильно, но не без труда. Жаль, что мы не встретились с профессором Леоном Духовне из Буэнос-Айрес. Боюсь, Ваше письмо пришло, пока я еще был в Америке, ведь я вернулся всего неделю назад. Так что я никак не мог увидеть профессора Духовне, но Вас увидеть я хочу гораздо больше. Может быть, Вы заедете в Оксфорд просто так, поговорить? Буду счастлив, если это получится. Обязательно дайте знать, когда Вам удобнее – в выходные или в рабочий день?

Искренне Ваш Исая Берлин.

6. А. Штейнберг – И. Берлину

черновик

Воскр>есень< 29 Янв. 1956

Дорогой Исая Менделевич, спасибо за строки от 24-го. И я был бы весьма рад повидаться и побеседовать, предпочтительно в воскресенье.

Охотно приеду в Оксфорд. Мог бы съездить 12-го или 19-го февраля после обеда, по Вашему выбору.

Удобно ли это Вам и что удобнее?

² Коллингвуд Р. Д. (1888–1943) – британский философ и историк; Оакешотт М. (1901–1990) – философ и политический теоретик; Кроче Бенедетто (1866–1952) – итальянский интеллектуал, атеист, критик, философ.

Надеюсь – до скорого свидания.
С искренним приветом
Ваш А. З. Ш.

7. И. Берлин – А. Штейнбергу

русский
20.2.56

Если это Вас не слишком беспокоит, то можете ли Вы приехать ко мне сюда (т. е. в All Souls College) в Воскресенье 11-го марта (вместо 26 фев<раля>). Надеюсь, что это Вам не неудобно: я Вас буду ожидать в 11.45 (т. к. есть поезд именно в этот час).

Ваш И. Берлин.

8. А. Штейнберг – И. Берлину

черновик

Вторник, 12 марта 1957 г.

Дорогой Исая Менделевич!

На прошлой неделе беседовал с проф. М. Гинзбергом³ о плане издания трехмесячника, посвященного еврейским социологическим вопросам. Ему этот план вполне по душе. И он считает его вполне осуществимым. В связи с этим упоминалось и Ваше имя.

Интересует ли Вас такой проект? Нашли бы Вы возможным принять участие в его осуществлении, скажем, в качестве члена редакционной коллегии?

Прибавлю, что проектируемый журнал вызывает интерес ряда ученых в разных странах, включая Америку и Израиль.

Если бы Вы пожелали иметь дополнительные сведения, само собою, разумеется, я к Вашим услугам.

С наилучшими пожеланиями

Ваш А. З. Штейнберг

³ Гинзберг Морис (1889–1970) – проф., с 1929 г. – глава отделения социологии в Лондонской школе экономики и политических наук.

9. И. Берлин – А. Штейнбергу

15 марта 1957 г.

Дорогой А. З.,

простите, что я диктую это письмо по-английски, но я последнее время болел и теперь еще лежу в постели без возможности писать самостоятельно. Поэтому не от руки и не по-русски. Несмотря на Ваше лестное предложение, я не думаю, что мне стоит связывать свое имя с исследованиями по еврейской социологии. В принципе, это хорошая идея, и неформально я ее с радостью поддержу, если это поможет. Я сам не социолог и не очень хорошо отношусь к социологии как таковой. Кроме того, я не считаю себя знатоком в этой области. Мне кажется (если позволите дать Вам совет), что в издательский совет следует включать совершенных ученых, интеллектуальное превосходство которых никто не будет оспаривать и которым будет интересна именно эта тема. Это точно может быть Гинзберг, вероятно, Нэмир⁴ (он Вам откажет, не думая, но ведь написал же он предисловие Раттину – думаю, его можно будет убедить). Американцев Вы знаете не хуже меня: можно назвать Лещинского, или Дэвида Рисмена⁵ из Чикаго и Оскара Хандлина⁶ из Гарварда. Все они точно подойдут лучше меня. Но, разумеется, я поддержу этот журнал и готов чем угодно помочь, если Вы объясните, чем.

С уважением,
Исайя Берлин.

P. S. Жаль, что мы так долго не виделись. Не хотите ли ко мне приехать еще раз, когда станет теплее, например, в мае?

[*Притиска по-русски*]: извините за всё это.

⁴ Нэмир Люис Бернстейн (1888–1960, Намеровский) – британский историк, член Академии, сионист.

⁵ Рисмен Дэвид (1909–2002) – американский социолог, юрист и соц. психолог, автор книги «Одинокая толпа».

⁶ Хандлин Оскар (1915–2011) – американский историк, автор книги «Вырванные с корнем».

10. А. Штейнберг – И. Берлину

русский

Пятница, 14 июня 1957 г.

Дорогой Исая Менделевич,

Рад поздравить Вас с новым титулом дворянина Объединенного Королевства. Всегда считал Вас потомственным дворянином по еврейской линии и невольно думаю о покойном Вашем отце и о том, как рад был бы он Вашему новому отличию.

11. И. Берлин – А. Штейнбергу

русский

20 июня 1957 г.

Дорогой А. З.,

благодарю Вас за Ваше милое письмо. Я почему-то чувствую, что это довольно смешно. Хасид – рижский еврей – сионист и т. д. – и вдруг «рыцарь»! На белом коне, да еще в шлеме пернатом! Да, мой отец был бы рад и мать рада. Позвоните мне, и мы встретимся в июле. Исая Б.

12. И. Берлин – А. Штейнбергу

Хедингтон-Хаус Олд-Хай-Стрит, Хедингтон,

Оксфорд

6 февраля 1959 г.

Дорогой А. З.!

Простите, что пишу Вам по-английски – но я почти разучился писать по-русски письменными буквами, и, хотя говорить и читать я по-прежнему могу, писать по-русски для меня пытка.

Большое спасибо за выписку из Британской энциклопедии (энциклопедия плохая, но лучше, видимо, не бывает). У Вас получилась замечательная статья. Я бы хотел знать об этой теме больше – хотя она меня всегда немного отталкивала без всякой видимой причины; это психологическая проблема, и Вы, конечно, поймете, в чем ее суть.

Я бы, наверно, хотел, чтобы мы виделись чаще. Я редко бываю в Лондоне, а Вам, наверно, неудобно приезжать ко мне, пока холодно; но, если это не Вам не помешает, Вы ведь не забудете мне сообщить?

Если Вам удобно приезжать по воскресеньям, может быть, Вы проведете здесь весь день, как это было в прошлый раз, или большую часть дня? Можно это сделать 22-го или 29-го февраля (в этом году нет 29-го февраля, это будет 1-е марта, но там, к сожалению, я не смогу, лучше 8-го или 15-го марта)? Мы будем рады Вас видеть, и мне это будет очень приятно.

Искренне Ваш, Исай Берлин.

13. А. Штейнберг – И. Берлину

черновик

Среда с 11 на 12 февраля 1959 г.

Дорогой Исай Менделевич,

Сердечно благодарю за Ваше милое письмо от 6-го. Рад, что моя статья показалась Вам интересной.

И я очень хотел бы выдаться от поры до времени. Неожиданная поездка в Палестину помешала мне воспользоваться Вашим приглашением летом 57 года. Охотно приеду в Оксфорд (если Ваши планы почему-либо изменились, пожалуйста, дайте знать!). В конце марта мне, может быть, придется поехать на короткое время в Америку.

Надеюсь, что ни Вы, ни супруга Ваша, которой шлю сердечный привет, не будете иметь ничего против, если я привезу с собою свою жену, Софью Владимировну, говорящую, как и Ваш покорный слуга, «на всех шпрах-ох», (~~так шутили в доброе старое время в России, блаженной памяти~~ (зачеркнуто – Н. П.)), если можно так выразиться.

Еще раз – спасибо от души!

Преданный Вам А. З. Штейнберг

14. И. Берлин – А. Штейнбергу

22 мая 1959 г.

Дорогой Аарон Захарович!

К сожалению, я не могу приехать 18-го июня, потому что на этот день поставили собрание моего факультетского совета, в котором, к сожалению, обязательно участвовать. Собрание начинается в 5.30 вечера – тут даже вертолет не поможет – ведь оно не закончится до

7.00 или 7.30, да и за ужином у меня назначена встреча. Я бы сосредоточился на том, чтобы ее отложить, если бы это нас спасло, но с учетом собрания ничего не выйдет. Мне очень жаль. Передайте мои сожаления г-ну Сиефу⁷.

Было бы куда лучше Вас снова увидеть в частном порядке, чем на такой дискуссии. Если позволите, я Вам заблаговременно сообщу, как только выберусь в Лондон, – я не знаю, когда это будет, надеюсь, что в июне. Наша последняя встреча произвела на меня огромное впечатление. На Набокова⁸ тоже.

Всегда Ваш
Исай Берлин

15. А. Штейнберг – И. Берлину

25 мая 1959 г.

Дорогой Исай Менделевич,

Спасибо за Ваше письмо от 22-го, полученное сегодня. Жаль, что предстоит беседовать 18-го июня без Вас. По правде сказать, меня лично больше всего интересует Ваше мнение о новом еврейском поколении, нарождающемся на нашей планете, особенно в России. Нечего и говорить, что я, в частности, буду очень рад обменяться взглядами с Вами, когда Вам это будет удобно.

Не поблагодарил Вас и Елизавету Петровну⁹ до сих пор за доброе гостеприимство просто потому, что чувствовал себя у вас в переносном смысле слова «как дома». Но рад случаю выразить это чувство словами, и мне было весьма приятно познакомиться у Вас с Н. Д. Набоковым.

Принимаете ли Вы уже поздравления к 6 июня?¹⁰ Если еще рано, специально напишу Вам.

От души Ваш А. З. Штейнберг

⁷ Сиеф Израэль Мозес (1889–1972) – бизнесмен, сионист.

⁸ Набоков Николай Дмитриевич (1903–1978) – двоюродный брат писателя В. В. Набокова; композитор, писатель и общественный деятель.

⁹ Леди Алина Элизабет Ивонна (1915–2014), урожд. Гинцбург – жена И. Берлина.

¹⁰ 6 июня 1959 г. Исае Берлину исполнилось 50 лет.

16. А. Штейнберг – И. Берлину

рус. черновик

5 июня 1959 г.

Дорогой Исай Менделевич,
сердечно поздравляю Вас с Вашим юбилеем! Желаю Вам от души, чтобы третья четверть Вашего века принесла и Вам, и Вашим близким, и всем в окружении просветление горизонтов и смягчения нравов. Думаю, что это вполне возможно, и не сомневаюсь, что это придаст Вам еще больше энергии и бодрости.

1909-ый год жив в моей памяти, как вчерашний день. Сколько было надежд и сколько мрачных предчувствий и в России, и в Европе, но никто как будто не предвидел, что земля наша так стремительно ускорит свое круговращение. Пожелать ли Вам также, чтобы темп ее замедлился? Это, впрочем, как Вам угодно, главное же – будьте бодры и здоровы!

Весьма сердечно

Ваш А. З. Штейнберг

Перевод с англ. – Е. Янгуданова

III. Мартин Бубер

1.

от 24 апр. 1960

Уважаемый г-н Штейнберг,

с Рабинковым я был хорошо знаком. Я и сейчас высоко его ценю. Хорошо помню, что он занимался хасидизмом, а также связал имя р. Йосефа б. Йозера с ессеями¹. Насколько я могу сказать, он тогда дал мне свою работу только на время, так что я вернул ему текст, как мы и договаривались. Тем не менее, я решил проверить, нет ли у меня этой работы; искал ее везде, но безуспешно. Конечно, нельзя исключать, что память меня обманывает и на самом деле текст Рабинкова и другие материалы оказались утеряны, когда мне пришлось перенести архив и библиотеку в начале еврейско-арабской войны, что было весьма не просто сделать². Но это, как я уже говорил, маловероятно.

Возможно, Вам будет интересно, что в одном из трех писем Рабинкова, которые остались у меня, в письме от 5 марта 1921, говорится о работе Шехтера под названием «Документы»³. Сказано следующее: «Несмотря на то, что большая часть этого текста была добавлена позднее караимскими авторами, ядром остается очень старый текст, в

¹ Йосеф бен Йозер 160–130 гг. до н.э., глава Синедриона в начале восстания Маккавеев, один из борцов с эллинизмом.

² В 1949 г. для прекращения военных действий Иерусалим был разделен на две демилитаризованные зоны, и семья М. Бубера покинула свой дом.

³ Речь идет о «Кембриджском документе» известного ориенталиста-гебраиста Шломо Шехтера (1847–1915), опубликовавшего документы из каирской генизы, в том числе, письмо неизвестного хазарского еврея с уникальными сведениями по истории и религии хазар.

котором обнаруживаются следы первого раскола среди «хасидим» и возникновение «ессеев».

С наилучшими пожеланиями,
Ваш
Мартин Бубер

2.

Иерусалим, 10.5.1960.

Уважаемый господин Штейнберг,

Я рад был услышать о том, что работа Рабинкова нашлась. Насколько мне известно, свою гипотезу об Иисусе он высказывал только устно. Вы, безусловно, правы, что к ней стоит относиться как к «эзотерике». Конечно, эта гипотеза кажется мне интересной благодаря своей смелости, но как пример народной этимологии она представляет немалые проблемы.

Разумеется, Вы можете сколь угодно развернуто цитировать переданные места из письма Рабинкова.

С наилучшими пожеланиями,
Ваш
Мартин Бубер.

Пер. с немецкого Е. Янгуданова

IV. Залман Шазар

Канун Нового, 5724 года (18.9.1963 г.)

Президент Государства Израиль

Моему дорогому и высокопочтимому другу,

Рабби Аарону Штейнбергу, да будет его жизнь хорошей и долгой, хорошего Вам года, да будет он благословен!

Для меня был очень приятный сюрприз и дорогой дар – книга, которую Вы посвятили святому нашему учителю и мудрецу Шимону Дубнову, да будет его память благословенна, Господь отмстит его кровь. Вы удостоились того, чего не удостоился никто из всех остальных учеников и почитателей его, не только перевести его магнум опус¹, но также распространить его учение. И так же, как Вы преодолели языковые и географические расстояния, Вы пытались бороться с фактором времени. Вы счастливы, мой друг.

Примите, пожалуйста, наши самые наилучшие благословения на Новый год Вам, всем Вашим и всем, которые возле Вас.

Не собираетесь ли Вы посетить Иерусалим?

С глубоким уважением и приветствием

Ваш Залман Шазар

С иврита: Дан Харув

¹ Главный, большой труд.

У. Эммануил Райс

1.

Париж 18 декабря 1960 г.

Дорогой Арон Захарович, прилагаю при сем Curriculum vitae для UNESCO¹, стараясь приурочить его к Вашему, надеюсь, благополучному возвращению в Лондон с тем, чтобы Вы также успели хоть сколько-нибудь отдохнуть.

По поводу нашего с Вами парижского разговора хотел прибавить еще несколько мыслей, пришедших мне в голову позже.

Вы сказали, что ощущаете себя русским патриотом, т. е., что Вы любите русский язык, культуру, человека... и, верно, еще мн<огое> др<угое>.

Лично я, Ваш слуга покорный, не чувствую себя патриотом никакой национальности, даже своей собственной – еврейской, но ближе всех прочих мне тоже, пожалуй, Россия. Если случится где-нибудь долго пребывать вдалеке от русских людей, книг, языка и проч. – мне их недостает, и это чувство, возрастая, может стать очень мучительным (евреи, слава Б<огу> имеются всюду – вопрос только в том, какие). Кроме того, с русскими (даже с плохими) мне легче, чем с иностранцами (даже с хорошими). Я, напр<имер>, до сих пор никогда не знаю, как француз или немец будет реагировать на то или иное... Русский, даже если будет реагировать плохо, я обычно могу предвидеть, как соответственно с этим организовать. Кроме того, с русским я в

¹ Э. Райс тогда искал работу.

конце всегда найду общий язык. Рискну даже сказать, что французский еврей для меня более чужой, чем русский гой.

Если у Вас то же самое (или – как мне показалось – еще больше и сильнее), то Вы, верно, поймете, что немец нам с Вами ближе (? – знак вопроса А. Ш. – Н. П.), чем француз или англичанин, хотя бы уж по той причине, что он ближе к русскому и больше на него похож. Анти-семитизм? – Все они хороши... когда спят, и есть они любят еврейскую рыбу, еврейских девочек и особенно еврейские деньги. Если бы не Невилл Чемберлен и Даладье, разве был бы Аушвиц? Тут ведь Сталин и Даладье, и имя им легион (всех и не перечислишь), не менее виновны, чем Гитлер или Гиммлер. Список разбойников, по-смертно награжденных орденами Гитлером за атаку на Варшавское гетто, не беспокойтесь, я-то прочел более чем внимательно. В нем славянские фамилии численно преобладают над немецкими в весьма значительной мере. Особенно много... украинцев, но и поляков, и русских, и неопределенных тоже больше, чем немцев.

Это мне не мешает (быть может, к стыду моему) любить Россию, русских и все русское. И Вам тоже. Но мне думается, что мы с Вами... правы! Или надо повернуться спиной ко всему, что не еврейское, и с утра до ночи *Naizan be-Gemara* [! – А. Ш.]² или же... признать правду, что мы отравлены неизлечимо, что в этом есть не только худо, но и добро и что среди народов, виновных в Аушвице (не говоря о личной вине каждого из нас, которую (на свою долю) признаю, но это другой, особый вопрос), попадаются изредка и невинные, и порядочные люди, и искренние личные друзья, и даже праведники.

Словом, Pirke Avot о том, что «у нас» есть все то, что и у *goim* и еще многое поверх этого, видно, следует понимать как-то особенно, ибо в прямом смысле слова – это просто неверно – действительности не соответствует³. Ведь «у нас» не только нет Лукреция, Плотина, Шекспира, Майстера Экхарта⁴, Гете, Достоевского, Лесьмяна (он хоть и наш, но писал по-польски), Джелал ад-дин Руми⁵ или Лао-цзы⁶, но «у нас» даже нет эквивалента всему этому и многому другому. Кроме

² Повторяющий Гемару. Знак вопроса Штейнберга, как возле многих утверждений Э. Райса.

³ Совет сына Баг Бага: «Листай и перелистывай ее (Тору), ибо все в ней и благодаря ей...», – не носит конфронтационного характера, который был придан ему позже, и с которым полемизирует Райс. Мишна Авот 5:22.

⁴ Иоганн Экхарт (1260 – ок. 1328) – один из крупнейших христианских мистиков, учивший о присутствии Бога во всем существующем.

⁵ Персидский поэт-суфий (1207–1273).

того, разве не абсурдно говорить, что, напр<имер>, «зато у нас есть Библия», которая повыше всех ваших шекспиров и лао-цзы». Как будто здесь дело в арифметике и в сложении или вычитании! Библия – одно, а Шекспир – другое и Лао-цзы – третье; все это разное и друг другом не заменимое, – единственное в своем роде. Да, Библия или Pardes rimonim⁷ или Нахман Брацлавер⁸ есть, и это очень хорошо, и я рад, что, изучивши и наш нелегкий язычище потруднее не только греческого, но и китайского), я их нашел и могу ими пользоваться⁹. Но они не заменяют Шекспира, Норвида¹⁰ или Штейнера, которые – сами по себе. Если мы с Вами не смогли зарыться на всю жизнь в Gateshead¹¹, чтобы Nazran be-Gemara – то почему нам не воспользоваться в построении нашего мирозерцания, наряду с «нашими» кирпичами (для меня лично все-таки Пушкин или Розанов более «мой», чем Gemara, даже Библия или Нахман), также теми из «чужих» кирпичей, которые судьба поставила в наше распоряжение. Если мы все равно не только выходим за ворота ешивы, но даже за этими воротами поселились и живем, лишь изредка, как в гости в ешиву наезжая, на week end или на праздник, имеем ли мы право огульно отрицать все ценности «профанского» мира, даже подлинные, которым часто, напр<имер>, я лично, не могу противопоставить ничего им равного?

Каждый из нас, и Вы тоже, наверное, знаете goim, духовно, человечески и культурно очень высоко стоящих и достойных всяческого уважения и даже любви. Один мой знакомый профессор из Gated'a называет их всех behemot¹². Как я могу назвать behema, напр<имер>, гоя такого-то, моего друга, который за меня хлопочет даже в ущерб своим собственным интересам, тогда как некоторые евреи являются прямыми виновниками многих моих бед? Уверен, что не составляю исключения и что немало есть аналогичных случаев, м<ожет> б<ыть>, даже Вам лично известных.

⁶ Джелал ад-Дин – хан Золотой Орды, Джалаладдин Руми – персидский поэт-суфий; Лао-цзы – китайский философ, основатель даосизма. VI–V до н. э.

⁷ «Гранатовый сад» – сочинение Моше Кордоверо (1522–1570), известного кабалиста цфатской школы.

⁸ Нахман Брацлавер (1772–1810) – правнук Бешта, основоположник «брацлавского хасидизма».

⁹ На полях: Без «Пророков»?

¹⁰ Циприан Камиль Нёрвид (1821–1883) – польский поэт, драматург, прозаик, живописец.

¹¹ Гейтсхед – город в графстве Тайн и Уир на северо-востоке Англии.

¹² Животные. В первоисточнике: «И создал Бог зверей земных по роду их и скот по роду его». Берейшит. 1:24.

Не будем подражать антисемитам. Что многие немцы весьма и весьма перед нами виновны – неоспоримый факт. Но имеем ли моральное право (да и правда ли это?) их всех огульно обвинять в преступлениях части из них? А что, если немец, имярек такой-то, вот именно этот, предо мной стоящий, лично не повинен? Ведь мы обвиняем антисемитов именно в том, что они не разбирают правого от виноватого. Зачем же нам повторять их же грех по отношению к иным? Помню слова немецкого еврея, что он – немец вместе с Кантом, Гете, А. Штифтером¹³ и другими филосемитами против скотов и идиотов, которые для него не немцы. Разве для Вас Россия – Марков II и Пуришкевич¹⁴? А для кого они – Россия, кроме кучки им подобных человекообразных? Даже если бы они пришли к власти.

Живя во Франции во время гитлеровской оккупации, я не забыл, что лагеря Gurs и St. Сурпrien¹⁵ были не лучше, если не хуже, чем Dachau или Buchenwald, и еще многое другое. За выдачу еврея платили 10.000 фр<анков>, а потом стали платить 5, ибо вышло, что и за 5 выдают. Английские военнопленные как-то устроили забастовку, требуя наказания немецкого унтера, истязавшего кошку. А к истязанию евреев относились весьма терпимо.

Но лучшие из немцев лично мне ближе, чем даже лучшие из французов, хотя бы потому, что они ближе к русским и к идеалу лучшего человека вообще. И если русская струна в Вашем сердце вибрирует, Вы меня поймете.

При этом не надо забывать, что и русский зверь страшен. Пострашнее и пожутче даже немецкого. Зная Россию, Вы верно и это знаете и, м<ожет> б<ыть>, получше моего. Но у каждого народа есть свой зверь, всегда отвратный. Есть он даже у нас, евреев. Не знаю, кажется ли мне еврейский зверь хуже, потому что он мне ближе. Но то, чего я насмотрелся, напр<имер>, в Alliance (при случае, если захотите, расскажу Вам любопытные подробности) – отвратительнее всего, что можно себе представить. А дело Wallenberg'a?¹⁶ Такому я предпочи-

¹³ Шрифтер Адальберт (1805–1868) – австрийский писатель, поэт, художник и педагог.

¹⁴ Марков Второй Н. Е. (1866–1945) – литератор, педагог, депутат Государственной Думы, монархист, один из вдохновителей черносотенцев. Пуришкевич В. М. (1870–1920) – один из лидеров черносотенных «Союза русского народа» и «Союза Архангела Михаила».

¹⁵ Гюрс и Санкт-Сиприен – концентрационные лагеря во Франции, в которых заключенными были в основном евреи.

таю открытый мордобой и тому подобное! Тут, по крайней мере, знаешь, с чем имеешь дело.

Хотел только попытаться изложить Вам свою мысль. Надеюсь встретиться с Вами при Вашем следующем пребывании в Париже. Хотя... уходя от Вас тогда вечером, у меня создалось впечатление, что я Вас разочаровал... Видно, Райс оказался скучным нытиком и путаным болван-болваном. И еще, верно, Вам неприятно, что я «плохой еврей». Но Вас я... полюбил и не захотел быть с Вами неискренним. А неприкрашенная картина часто неприглядна. Это чисто русское явление – дрянцо, но искреннее. Многие этого не любят. Если не хотите – не надо. Я только надеялся, что Вам будет приятно или хоть интересно. Моя судьба, видно, «там, где слезы и скрежет зубовой»¹⁷, вдалеке от всяких уютных духовно-интеллектуальных уголков, где Бог, любящий своих беленьких ягнят, ласково щекочет их за ухом. А других – как козлище, отовсюду сапогами по заду и – вон. Бог тоже любит элегантеньких, приятненьких, послушненьких, которым везет и которые всегда во всем правы – как и сказано в Pirke Avot – кого уважают люди, того жалует и Он... Но это завело бы нас слишком далеко. В другой раз, если захотите. Тем более, что остались две огромные темы:

1. Эстетизм. Ну да, принимаю эстетизм: а) нужны люди и такого порядка, не всем же быть только бухгалтерами или только фармацевтами, б) ведь эстетизм что-то означает, откуда-то идет, ведь не случайно одно явление эстетически действует, а другое – не действует. Откуда? Почему?

2. Украина – эти обе темы тоже на другой раз, если захотите.

С нетерпением буду ждать от Вас хоть короткого знака... А пока сердечный привет Софье Владимировне.

Искренне Вам преданный Э. Райс

PS: Буду сердечно благодарен за указание всяких грамматических и иных ошибок. Ведь Вы все-таки москвич и возрожденец, а не полубеспризорный эмигрант, как мы прочие.

¹⁶ Видимо, Э. Райс имел в виду слухи, согласно которым Рауль Валленберг был причастен к сепаратным контактам между Германией и западными странами, см. Лехайм. 2012. № 8, 9.

¹⁷ «Там будет плач и скрежет зубовой». Матф. 8,12.

2.

Париж. 2 января 1961 г.
Дорогой Аарон Захарович!

Впечатление создается такое: наша единственная, в силу обстоятельств немного форсированная встреча не привела еще к настоящему диалогу между нами. Как два спортсмена, мы еще не схватились для настоящей борьбы или, если предпочитаете иначе, как два друга, — еще не обнялись. Мы еще «обхаживаем» один другого в поисках настоящей позиции.

Но Ваше письмо от 23-го меня очень ободрило: мне показалось, что Вы меня взвесили на своих весах и что я Вам показался чересчур легким. Если Вы ответили, то значит схватиться и вести диалог, который, может быть, окажется достойным интереса. Теперь по пунктам:

1. Пока это первая встреча с Вами ценна для меня (и весьма!) главным образом тем, что Вы произвели революцию в моей концепции иудаизма. До сих пор я понимал так, что мое невежество, происхождение от ассимиляторов, поздняя tshuva (после 30-ти лет) и мн<огое> другое, наконец, приличествующий минимум смирения, — не дают мне право по-своему толковать нашу традицию. Я себя считаю учеником весьма мало успешным и скромным по дарованиям. Прежде чем критиковать, надо не только знать, но и чувствовать, а я... со всякими там пушкиными и похуже...

С другой стороны, я считал, что прежде всего традиция требует послушания, а не своеволия. Вы же, Вашей идеей о свободном толковании, открыли мне перспективы, широту которых я сам еще даже не ощущаю в достаточной мере. Чувствую только, что это — революция, последствия которой сейчас еще даже невозможно предвидеть.

2. Для меня ново, что серьезный еврей не относится к goim, как к животным. Так все до сих пор вокруг меня говорили — и ученые, и неучи, и умные, и глупые, и хорошие, и дурные. Но все говорившие — более глубокие и подлинные евреи, чем Ваш слуга покорный. А я опасался, как бы мои слова о встречающемся превосходстве некоторых goim над некоторыми евреями вызовут у Вас антагонизм и неприязнь и окончательно оттолкнут Вас от этого ассимилированного шимпанзе.

Но из правдивости, которую я сделал себе по отношению к Вам (как и вообще к людям, к которым питаю симпатию и доверие, остальным не стесняюсь врать и во всяком случае с ними не откровенничаю) правилом, все-таки написал искренне, что думаю.

3. Не умею искать истину иначе, чем полемизируя с самим собою. Поиски истины – дело очень сложное и, может быть, даже безнадежное, но »*doch sein höhnes Streben ist ein schönes Zug*»¹⁸ (не эстетически, не беспокойтесь, но сама ставящая на каждом шагу загадки жизнь заставляет искать их смысл, т. е. истину... Да, тут Вы угадали правильно – полемизирую с самим собою, и с друзьями (это и есть диалог), и с «*На-Kadosh Baruh Ну*»¹⁹ – раз Иову было можно.

А до встречи с Вами меня учили, что Иов пострадал за то, что умыл руки касательно преследования евреев, когда фараон спросил его мнения. Вы, верно, этот *midrash* помните. Но, несмотря на этот *мидраш*, я с Ним всегда полемизировал, ибо иначе не умею и... потому что до сих пор сильнейший для меня духовный соблазн это – гностики – Маркион²⁰ и К^о... Как раз вчера один православный развивал передо мной теорию (и не глупо), что все христианство в целом говорит «нет» Богу-отцу (так он выразился). Во всяком случае, его идея не лишена оснований. Хотя самый страшный, полный и серьезный гностицизм, конечно, не у христиан (особенно не у православных), а у манихейцев или у богомилов. И у Штейнера.

4. Не только не «задели» меня Ваши замечания о несовершенстве моего русского языка (я их великолепно сам сознаю!) но – наоборот – сердечно Вас благодарю за Ваши исправления. Только не решаюсь Вас утруждать столь неблагодарным кропотливым трудом. Оно и понятно. Я – киевлянин, т. е. – полуукраинец, с 5 класса гимназии больше по-русски не учившийся, а Вы – москвич и Возрожденец!

Но вот, увы, русская культура пала так низко, что даже мне приходится в ней участвовать вместо того, чтобы корпеть в przygotowielном классе на задней парте (??? [А. Ш.])

5. Есть ли надежда, что «приложения» смогут на что-нибудь пригодиться? (!!! [А. Ш.])

6. Как-то гуляя с Суцкевером, мы пришли к заключению, что богатейшая и замечательная поэзия на свете – польская. Разве можно найти еще где-нибудь такую уйму таких замечательных, таких исклю-

¹⁸ «Но его высокое стремление – прекрасный ход» (нем.).

¹⁹ «Да будет имя Его благословенно!».

²⁰ Маркион (ок. 85–160) – христианский богослов, гностик.

чительных поэтов, как Мицкевич (Кохановского он не любит, а я люблю и его), Словацкий, Норвид, Каспрович, Стафф, Лесьмян, Тувим, Лехонь, Вежинский, Ясенский, Павликовская (перечисляю только тех, которых мы оба любим)? Вот так и сижу над ними с тех пор, как он уехал, и забываю даже ... Лао-цзы и т. п.

Хотя в нашу эпоху ничего забывать нельзя, хотя, пожалуй, ничего нельзя и сделать... Но об этом, надеюсь (и о многом другом) – в следующий Ваш приезд в Париж.

А пока будьте здоровы и передайте привет Софье Владимировне.
Искренне преданный Э. Райс.

VI. Софья Семеновна Дубнова-Эрлих

1. С. Дубнова-Эрлих – А. Штейнбергу

Рига 6. II.1934

Дорогой Арон Захарович!

Спасибо за отклик издалека. Знаю, если б Вам не пришлось уехать за несколько дней до смерти мамы, Вы были бы с нами в самые тяжелый дни и присоединились бы к нашему молчанию. Теперь ежедневно приходят взволнованные отклики друзей – это помогает оправляться. Папа свое «шиве» пролежал в легком гриппе, недомогание прошло, и он начинает втягиваться в работу.

Завтра я улетаю, уезжаю домой. Хотелось бы тут побыть еще, но нужно вернуться к семье и к работе. Оставляю папу пока здесь, среди рукописей, книг, Лесного парка, призывающих к твердости. Оставляю его грустным, сосредоточенным, но не сломленным. Одиночество тягостно, но он ведь не может быть совсем одинок: его окружают целые сонмы...

А погружение в воспоминания дает двойное удовлетворение: на всех путях жизни встретится он с отошедшей.

Крепко жму руку. Надеюсь, Вы не забыли своего обещания. Сердечный привет брату Вашему и его семье.

С. Эрлих

На всякий случай повторяю адрес: Warszawa, Nowowiejska 25, m. 20

2. С. Дубнова-Эрлих – А. Штейнбергу

19. XI 1949. Нью-Йорк

Дорогой Арон Захарьевич, Ваше письмо, персланное из Нью-Йорка в Скаттль, очень меня взволновало. Но мне трудно сразу Вам ответить хотя бы потому, что получение письма совпало с появлением на свет моего второго внука – крупного мальчугана дальневосточного типа (мы пришли к убеждению, что он похож на Мао). Кроме того, мне хотелось собраться с мыслями, и я решила отложить ответ на Ваше письмо до приезда в Нью-Йорк.

Пока я еще ни с кем почти не советовалась, ибо не хочется делать сенсационное сообщение гостя из Риги (какие необычайные вещи происходят теперь на белом свете!) всеобщим достоянием. Пока, кроме моих детей, знает об этом только Р. Н. Чериковер, близкий друг нашей семьи¹. Прежде всего, я хочу посоветоваться с Вами и сказать, что я думаю обо всем этом.

Мне представляется несомненным, что документы следует извлечь на свет божий, иначе они могут погибнуть. Лучше, чтоб они находились в московском историческом архиве, чем гнили в земле. Но тут приходится считаться с двумя соображениями: 1) трудно, делая официальное заявление, сов<етским> властям, сослаться на анонимный источник (а иначе делать это нельзя, 2) при настоящем положении вещей пришлось бы примириться с мыслью, что мы не будем иметь к этим документам доступа.

Есть другая возможность: правительство Израиля могло бы официально обратиться к сов<етскому> послу с просьбой передать рукописи папы (несомненно среди них имеется тетрадь с надписью «гетто», а которой говорили мне бывшие в гетто рижане), согласно его завещанию, иерусалимскому университету. Беда, однако, в том, что именно в последнее время отношения между Москвой и Тель-Авивом очень испортились².

Напишите, дорогой Арон Захарьевич, что Вы думаете об этих двух путях. А может быть есть и другие, до которых я не додумалась?

Большое спасибо за вырезки – я передала их в архив ИВО – в папину папку. В Тель-Авив я на днях напишу. А письмо Ваше, придет-

¹ Ревекка Наумовна (1884–1963) – жена и сотрудник И. Чериковера, с 1943 г. – архивист ИВО в Нью-Йорке.

² Жизнь С. Дубнова после прихода немцев в Ригу остается в поле легенды; рукописи не найдены, рассказ о тетради с надписью «гетто» правдоподобен.

шее после долгого перерыва, меня очень обрадовало, не зависимо от содержащегося в нем сообщения о кладе: я с теплым чувством вспоминаю наши недавние встречи с Вами и Софьей Владимировной, и хотелось бы, чтобы наше общение вскоре возобновилось. Возможно ли это?

Книга моя выйдет в свет через месяц-полтора, если только удастся преодолеть финансовые трудности (комитет имени С. М. Дубнова при Союзе рус<ских> евр<еев> очень беден). Аля и Витя работают: Аля в Бостоне (Russian Center by Harvard Univ<ersity>), Витя – в области славистики в Скаттле. Внучка Мириам и внучек Генрих – прекрасные дети.

Обо многом хотелось бы с Вами поговорить. Но придется отложить на следующего письма. Крепко жму вам обоим руки.

С дружеским приветом С. Эрлих.

3. А. Штейнберг – С. Дубновой-Эрлих

Среда, февр<аля> 1961 г.

Дорогая Софья Семеновна,

Анна Григорьевна (Ms. F. Klausner) сейчас показала мне Ваше письмо от 4-го февр<аля> с приветом мне и Софье Владимировне. Не желая откладывать ответ на один лишь час, пишу на отвратительной бумаге. Простите! Но мне действительно очень хотелось поздравить Вас и всех Ваших с сотым Днем рождения Семена Марковича и сказать особенно лично, что я все эти последние месяцы чувствую себя членом Вашей семьи. Я все откладывал и откладывал отчет о том, что было предпринято мною и моими коллегами из Всем<ирного> Евр<ейского> Конгресса для того, чтобы Семен Маркович вступил в свое второе столетие, окруженный всенародным признанием и всееврейской любовью. Мы еще на полпути, но уже одно перечисление того, что сделано, заняло бы длинный-предлинный лист³. Упомяну наугад 2-3 пункта. Мы готовим целый том по-английски, посвященный всестороннему освещению жизни и творчества Семена Маркови-

³ А. Штейнберг писал о С. Дубнове в разных аспектах: «Simon Dubnow. Jewish History Personified», «The Two Sources of Dubnow's Thought», «Simon Dubnow Centenary commemorated», «Simon Dubnow (some personal reminiscences)», «Simon Dubnow, the Man», «S. Dubnow – The Man and his Work», «Simon Dubnow – the Master and his Work», «Jewish World History (on the Occasion of Simon Dubnow's 70th Birthday)» и др.

ча. Я сам напечатал уже несколько статей и очень хотел бы, чтобы Вы и Ваши прочли в ближайшей книжке «Златой цепи» мои полу-воспоминания – полу-размышления о том, как личность зодчего отразилась в здании, воздвигнутом им⁴. На той неделе я прочел лекцию на эту же тему по-немецки в Цюрихе, до того – на идиш в Париже. Все это возвращало меня в то прошлое, в котором мы с Вами уходим корнями.

Как Вы поживаете, дорогая Софья Семеновна? Пожалуйста, смотрите на эти строки лишь как на попытку возобновить переписку с Вами и откликнитесь!

Повторяю на всякий случай частный адрес, все тот же: 40/99 Haverstock Hill, London, NW3.

«Деловые вопросы» оставляю сейчас в стороне – первым делом: будьте здоровы и пишите! А как Ревекка Наумовна?

От всего сердца

Ваш А.З.Ш.

4. С. Дубнова-Эрлих – А. Штейнбергу

24. 2. 1961

Дорогой Арон Захарьевич,

Я рада была Вашему письму. Я тоже считаю Вас не только другом, но и членом нашей семьи. Вы ведь так связаны были с папой, да и с мамой тоже. Я помню, что, лежа в рижской еврейской больнице, незадолго до смерти, мама отказывалась принимать посетителей, но, когда я назвала Ваше имя, она, не колеблясь ни минуты, ответила, что хочет Вас видеть.

Мне очень жаль, что Вам не удастся увидеть выставку памяти папы. Организовал ее Шайковский, проявив при этом необычайную энергию. Окружающие жаловались, что он помешался на выставке, но это один из тех случаев, когда помешательство дает превосходные результаты.

У самых дверей висит генеалогическое древо от Магарала⁵ до Марка (Марк это мой самый младших внук, 11-летний сын нашего Вити, кстати очень способный математик). Наглядно представлены

⁴ А. Steinberg. Shimon Dubnow. «Di goldene Keit». 1961. № 39 Tel-Aviv. Ss. 5–20. Рус. перевод статьи: Еврейский журнал. Изд. Дом Дубнова. № 2. 1991.

⁵ Р. Йеуда Лива бен Бецалель, Махарал из Праги, символ пражского средневековья.

все этапы жизни папы – длинный путь от Мстиславля до рижского гетто.

Мне обещали дать на день «Goldene Keyt» – тогда мы все прочтем Вашу статью.

Культур-конгресс предложил мне написать краткую биографию папы – предполагается издать ее в форме брошюры по-еврейски и по-английски. Инициаторы издания хотят, чтобы биография (особенности в еврейской версии) написана была популярно, над этим придется поработать, ибо нельзя допустить, чтобы популяризация привела к примитивизации⁶.

Не знаю, кто прислал мне «The Jewish Quarterly» – Вы или г-жа Клаузнер (она как будто русская еврейка – так почему бы нам не переписываться по-русски?) – во всяком случае благодарю за присылки этого интересного журнала.

Ревекка Наумовна шлет Вам сердечный привет. Мы с ней решили, что пора Вам, Арон Захарьевич, собраться в Нью-Йорке – мы бы были Вам так рады. Р. Н. много по-прежнему работает и, разумеется, приняла деятельное участие в устройстве выставки. Нас она теперь называет родственниками Голема.

Хотелось бы знать, как Вы себя чувствуете, над чем работаете, что поделявает Софья Владимировна. Шлю Вам обоим самый дружеский привет. Ваша София.

5. С. Дубнова-Эрлих – А. Штейнбергу

Скэттль 17 июля 1962

Спасибо за сердечное, теплое, дружеское письмо. Когда я читала его, горячая волна прилила к сердцу. Так нуждаемся мы в ощущении дружеской близости, мы, «дети страшных лет» не только России, но и всего мира.

Я работаю теперь над переводом исторической монографии о гибели евреев Прибалтики в годы немецкой оккупации. Монография, написанная по-еврейски, предназначена для нового русского сборника «Союза русских евреев». Почти все приведенные в ней факты известны мне из документов и рассказов живых свидетелей, но нельзя вспо-

⁶ Биография вышла дважды: Sophie Erlich-Dubnow. Simon Dubnow. L'Homme et son Oeuvre. Paris. 1963; Sofia Erlich-Dubnow. Simon Dubnow. Buenos Aires. 1967

минать их без жгучей боли. Кто еще на свете может быть назван «детьми страшных лет», как не наше поколение?

Я прочла в Скоттле, где теперь гощу у Вити, две прекрасные книги Мочульского – об Андрее Белом и о Блоке⁷. Особенно взволновала меня книга о Блоке. Много всплыло в памяти из поры «Серебряного века», много строк зазвучало снова... Блок был для многих из нас не только большим поэтом, он был частью нашей биографии. Кстати, в книге Мочульского упомянуто и Ваше имя – в связи с Вольфилой. Знакома ли Вам эта книга?

Я останусь здесь еще около двух недель, а потом вернусь в Нью-Йорк. Здесь прохладно, дуют океанские ветры, с веранды дома, где живет моя семья, открывается вид на снежные горы, большое озеро, темную зелень парков. Скоттль очень живописен, но у меня настроение не совсем «дачное»...

Передайте, пожалуйста, привет Анне Григорьевне – я ей на днях отвечу. Хотя у нас переписка чисто деловая, мы с ней никогда не встречались, у меня такое чувство, что мы с ней хорошо знакомы.

6. С. Дубнова-Эрлих – А. Штейнбергу

7 янв<аря> 1963

Дорогой Арон, Вы, вероятно, уже дома, и меня тревожат известия о том, что в Англии в этом году – жуткая зима. Знаю об этом мало, только из радиопередач (у нас уже пять недель нет газет – забастовка!) Как вы оба переносите эти холода? Напишите о своем здоровье.

Мне очень хотелось бы, чтобы Вы написали о Блоке. По мере отдаления его фигура не уменьшается, а вырастает, и я думаю очень важно закрепить то, что еще живет в нашей памяти. В моей личной жизни его поэзия сыграла роль поистине «провиденциальную»; если нам когда-нибудь придется побеседовать «по душе», м. б., у меня хватит сил рассказать Вам об этом.

Я читала в здешней русской газете, что вышла книжка Степуна «Встречи», по-видимому, воспоминания о Серебряном веке⁸. Читали

⁷ К. Мочульский. Андрей Белый. Париж. Умса Press. 1948; Александр Блок. Париж : Умса Press. 1948 (https://vtoraya-literatura.com/publ_382.html).

⁸ Степун, Ф. А. Встречи. Мюнхен. Товарищество зарубежных писателей. 1962 (https://vtoraya-literatura.com/publ_314.html).

ли вы ее? Степун – талантливый и зоркий человек – я думаю, он многое подметил.

У меня Блок в старом издании, академического я еще не видела, поищу VI том.

Меня радует, что у Вас создан контакт с нашими соотечественниками в ЮНЕСКО. Не сомневаюсь, что и я нашла бы общий язык с ними, особенно теперь, в пору такого явственного брожения среди интеллигенции. Я, впрочем, и в прежние годы не поддавалась гипнозу «орвелизма», как многие здешние люди, и никогда не верила, что народ, давший миру Пушкина и Достоевского, можно превратить в народ «роботов». Мне жаль, что такой одаренный и чуткий к поэзии человек, как Ваш знакомый Эммануил Райс, слишком поддается озлоблению, говоря о советской литературе и жизни. Я с большим интересом прочла его статьи; многие характеристики хороши и метки (только характеристику Хлебникова нахожу слишком восторженной). Витя взял его анкету; на днях пошлю ему статьи. Если будете писать Райсу, милый Арон, можно, по-моему, его обнадежить: здесь в «славистах» очень нуждаются; из-за Вити спорят теперь почти как из-за Гомера, три города.

На днях мы как-то незаметно переступили черту, отделяющую прошлый год от нового. Хочу пожелать нам всем, чтоб мир, наконец, перековал (терминология наших пророков уже несколько устарела) танки и ракеты на тракторы, а Вам – здоровья, бодрости и такой неутомимости в труде, как и в прежние годы. И Софье Владимировне передайте мои сердечные пожелания. Мне так радостно чувствовать, что у нас много общего – это ведь основа настоящей дружбы. С глубокими и теплыми дружескими чувствами.

Ваша Соня.

P. S.: Я только теперь заметила в письме Райса его адрес – напишу ему тоже.

7. С. Дубнова-Эрлих – А. Штейнбергу

5 февраля 1963

Вы правы, дорогой Арон, девизом людей должно стать «*De la bontè avant toute chose*»⁹ – и в жизни, и в литературе. Вот на днях

⁹ Доброта прежде всего (франц.).

я прочла в 11-й книжке «Нового мира» очерк неизвестного мне автора – описание одного дня в советском концлагере¹⁰. Кошмарные условия, блатной язык, но какая в людях, низведенных на уровень животных, живучая человечность! Никогда я не верила Оруэллу – как бы жестоким ни был Big Brother, Россия осталась жива.

Видели ли Вы в последнем сборнике статей Степуна упоминание – очень лестное – о Вашей работе о Достоевском?¹¹ В сб<орнике> есть интересные характеристики (по-моему, удачно показана в характеристике А.Белого его «лётность», оторванность от земли), оригинальные и точные формулировки, но напрасно он поместил последнюю статью (о литературе 20-х годов) – она устарела до крайности).

Очень мне хочется, чтобы Вы [подч. автором – Н. П.] написали о Белом и Блоке – в этом будет и понимание, и la bonté – без этого нельзя говорить о людях.

Жду книжку «Голдене кейт» – как только получу и прочту, напишу Вам.

Нашему Вите большое местное издательство заказало работу о Гоголе. Некоторое время тому назад он прочел на одной из литературных конференций доклад на тему «Гоголь и Кафка». Гоголь был для меня в мои детские годы настоящим магом, колдуном из «Страшной мести», когда Витя был еще очень юн и много хворал, я читала вслух отрывки, пленявшие меня когда-то особым ритмом и веянием потустороннего. Витя уже тогда полюбил Гоголя. Ведь увлечение литературой передается по наследству: папа на наших поэтических «радениях» заразил меня навсегда тяготением к «звукам небес»...

А мы с Вами, дорогой Арон, потому и не стареем, что многое в мире любим и ценим. Я часто вижу людей, которых состарили не столько годы, сколько озлобленность, и мне жаль их. Конечно, в наше время трудно жить «без печали и гнева»¹², но гнев – сильно действующий яд, и его надо дозировать осторожно.

¹⁰ Повесть А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» была напечатана в 11 номере Журнала «Новый мир» за 1962 г.

¹¹ «Русский исследователь Штейнберг в своей замечательной, но по-русски, кажется, не вышедшей книге «Идея свободы у Достоевского» правильно подчеркивал влияние Платона на Достоевского, что в значительной степени объясняется связью православия с платоничеством». – Степун, Ф. А. Встречи. С. 11 (http://vtoraya-literatura.com/publ_314.html). Ф. Степун ошибался: немецкое изд. книги А. Штейнберга было переводом русского «Система свободы Достоевского». Берлин. 1923.

¹² «Кто живет без гнева и печали, / Тот не любит отчизны своей». Н. Некрасов. «Газетная». 1865.

Так вот – будем укреплять нашу дружбу перепиской «из двух углов»¹³ мира, не таких уж далеких. Будьте здоровы, дорогой друг. Привет Софье Владимировне. Ваша Соня.

8. С. Дубнова-Эрлих – А. Штейнбергу

21 февраля 1964

Дорогой Арон, не знаю, почувствовали ли Вы в далеком Лондоне (телепатия – дело спорное), что мы тут вдвоем с Суцкевером¹⁴ очень тепло Вас вспоминали. Суцкевер меня, кстати, спрашивал, читала ли я Ваши воспоминания о моем отце в «Die Goldene Keyt»¹⁵, и я сказала ему, что это – лучшее из всего, что написано было людьми, знавшими папу.

С большим интересом прочла я оба Ваша доклада в «Conscience juive»¹⁶. Совершенно согласна с Вашей концепцией нейтрального Израиля, но что подделаешь с силой «златого тельца»: Израиль очень нуждается в помощи американских евреев, иначе говоря, Америки, и это – увы! – определяет его внешнюю политику. Несомненно, что позиция Неру гораздо ближе к духу этики иудаизма, чем позиция, скажем, Бен-Гуриона.

Я еще не видела тома «Литер. наследства», о котором Вы пишете. С Ольгой Форш, к сожалению, мне не привелось встретиться, знаю со слов общих знакомых, что она была интересным человеком, да это и в книгах ее чувствуется. Вот и о ней следовало бы Вам, милый Арон, написать. В последние годы я специализировалась на биографиях и пришла к убеждению, что эпоху легче всего разглядеть через человека. А, кроме того, нужно, чтобы люди помнили не только книги, но и людей, их писавших.

¹³ Иванов Вячеслав Иванович, Гершензон Михаил Осипович. Переписка из двух углов (<https://imwerden.de/publ-165.html>).

¹⁴ Суцкевер Аром (1913–2010) – еврейский поэт (идиш), редактор журнала Ди голдене кейт».

¹⁵ Die Goldene Keyt. 1961. № 39.

¹⁶ «Timidity and Audacity in Modern Jewish Thought». La Conscience Juive. Paris. 1963.

9. С. Дубнова-Эрлих – А. Штейнбергу

13 апреля 1966

Дорогой друг Арон,

вот уже несколько дней лежит у меня на столе Ваше письмо, и я мысленно беседую с Вами, но только теперь берусь за перо. Вспоминаю, как после смерти Вашего брата я навещала Вас в дни «шиве», и думается мне, что обычай шиве имеет психологическое значение: именно «сидеть вместе» как знак дружбы, иногда даже в молчании. А теперь мне не дано было выполнить дружеский долг *minhag hevel* (кажется, написала правильно – мой иврит не очень крепок)¹⁷. Мне очень жаль, что я так мало знала Софью Владимировну, Вашу «Сонюру» – нас всегда разделяло пространство.

10. С. Дубнова-Эрлих – А. Штейнбергу

20 мая 1966

Дорогой Арон, твоя «ошибка» не случайна: ты попросту почувствовал, что нам пора перейти на «ты». Брудершафты бывают разные: один из самых настоящих в моей жизни пришлось запить холодным чаем в финляндской деревушке. А с тобой и этого символа не может быть: остается только протянуть друг другу руки через океан.

Очень хочется знать, как ты организовал свою жизнь, много ли работаешь, как себя чувствуешь физически. Немного совестно просить, чтобы поскорее ответил, *п<отому> ч<то>* мое письмо очень запоздало, но мне все-таки хочется это сделать.

А я в последнее время особенно интенсивно жила Россией – и до-революционной, и советской. Я тебе, кажется, писала, что сюда приехала на несколько месяцев моя старая знакомая, по первому мужу Лацкая (помнишь м. б. эсесовского деятеля Вилли Лацкого-Бертольди¹⁸ – это ее первый муж), по второму – Аникеева. Мы были соседка-

¹⁷ Траурный обряд; в ивритском написании выражения С. С. ошиблась в написании 2-х букв.

¹⁸ Вульф Ильич Лацкий-Бертольди (1881–1940), журналист и публицист. Один из создателей сионистской социалистической организации «Херут». После Февральской революции стал одним из руководителей «Фолкспартей» («Еврейской народной партии»).

ми в доме на Большой Монетной (Петерб<ургская> сторона) и пережили вместе бури войны и революции. Потом наши пути разошлись: когда она стала женой советского дипломата, я жила уже в Польше. Она могла бы сказать о себе словами Анны Ахматовой: «Я ни единого удара не отклонила от себя»: в роковом 1937-м году муж ее – старый большевик – был расстрелян, и она отправлена в лагерь на 8 лет. На волю вышла она под конец войны, а в 1949-м году, во время новой волны террора, снова отправлена в лагерь на пять лет и лишь после смерти Сталина освобождена и реабилитирована.

Я слушала ее целыми часами. Ей 80 лет, но душевно она не стара: черные годы не убили в ней ни интереса к жизни, ни веры в человека. Я спрашивала себя, выдержала ли бы я и душевно, и физически все, что ей пришлось пережить? Трудно на это ответить.

Ее поразило, что я все происходящее в России воспринимаю изнутри, а не извне. Это именно то, что ставит грань между мной и эмиграцией. Термины «про-коммунизм» или «анти-» тут неприменимы: просто я душою там, и те, кто там пытается проложить путь к свободе, – мои собратья, а эмигранты – прочно здесь: злоба мостов не строит.

Пишу тебе об этом, п<отому> что частые встречи с моей старой знакомой (она сегодня уехала) всколыхнули все эти чувства...

Приближается лето. Особенной потребности в «каникулярном» отдыхе я не чувствую, но здесь июль и август – невыносимо жаркие, и придется что-нибудь придумать. Аля собирается целое лето сидеть возле охлаждающей машины (air-conditioner) и работать: в этом году он из-за всяких семейных волнений не выполнил своей программы. Я охотно бы с ним поругалась из-за этого, по-моему, неправильного решения, но знаю, что это ни к чему не приведет.

Остаешься ли ты на лето в Лондоне? Мне трудно издала представить себе твою жизнь в одиночестве. Как можно побеждать одиночество? Воспоминаниями? Пиши мне о твоей Сонюре – твое письмо было как будто введением – я узнала то, чего не знала до сих пор. Конечно, если бы жизнь нас свела, мы стали бы друзьями.

Обнимаю тебя, милый друг.

Твоя Соня

11. С. Дубнова-Эрлих – А. Штейнбергу

2 февраля 1967

Милый Арон, я обрадовалась, увидев на конверте твой почерк: возвращение к переписке – начало настоящего выздоровления. Как я рада, что ты принялся за работу о Блоке! Я чувствую, что из людей «Серебряного века» он нам всех ближе, всех нужнее. У меня есть и полный Блок, и небольшой томик избранных стихов, и этот томик неизменно меня сопровождает, когда я уезжаю из дому.

Твой план работы превосходный, но я думаю, что тебе не удастся скрыться за кулисами: ведь будет в твоём essay'e (не подберу русского слова, ведь то, что ты пишешь – не мемуары) и след личных встреч. Это очень трудная проблема, и я билась над нею, когда писала биографию папы; в конце концов я решила, что надо просто соблюдать пропорцию.

Очень бы хотелось прочесть хоть бы несколько страничек, но ведь нас разделяет океан.

Собираешься ли писать о Вольфиле независимо от портретов людей? Она возникла на закате Серебряного века, и в литературе мало осталось следов соборной (к Вольфиле не подходит слово «коллективной») работы этой группы. Но как наследница Религиозно-Философского Общества (я была его членом), она шла своим путем и дышала воздухом своей эпохи.

12. С. Дубнова-Эрлих – А. Штейнбергу

27 апреля [1967]

Дорогой Арон, снова прошел ряд недель, я за это время не мысленно с тобой беседовала, не берясь за перо. Меня очень интересуют твои воспоминания, и я уверена, что тебе удастся передать атмосферу конца «Серебряного века». Думаю, что и беседу о еврействе с Блоком следует рассказать. Ничего не поделаешь: как это ни прискорбно, но приходится признать, что в гуманнейшей русской литературе укрепились, начиная со вскользь брошенного Пушкиным упоминания о «презренном еврее» и кончая «Степью» Чехова, склонность изображать евреев в непривлекательном облике.

Ты напомнил мне о Розанове. В свое время меня хотел познакомиться с ним Корней Чуковский. Я поместила тогда в горьковской «Летописи» стихотворение из цикла «Мать», начинавшееся словами: «Кормлю ребенка на крыльце, когда закат румянит пашни». Розанов, сосед Чуковского (оба они жили в Куоккале) сказал, что стихотворение ему очень понравилось и добавил: приведите ко мне эту библейскую женщину. Мне, разумеется, было очень лестно чувствовать себя «библейской женщиной» и очень хотелось познакомиться с Розановым, но в памяти еще были свежи его статьи о деле Бейлиса, и я наотрез отказалась. Чуковский ругал меня за «догматизм» и твердил, что напрасно я упускаю возможность познакомиться с одним из интереснейших людей нашей эпохи¹⁹. Пожалуй, он был прав: Розанов не был юдофобом, его отношение к еврейству было сложным и противоречивым.

Видел ли ты недавно вышедший в Сов. России том стихов Андрея Белого? Обширное предисловие дает положительную оценку поэтического наследия, оставленного Белым. Надеюсь, переиздана будет и его проза.

Появление 3-х томной «Истории» и «Истории хасидизма» в немецком переводе для меня – неожиданность. Я считаю, что ты как автор сокращенной «Истории» вправе потребовать от издательства законный процент от продажи книг. Я могла бы претендовать на соответствующий гонорар за «Хасидизм» как единственная (увы!) наследница. Американское издательство, подготовляющее к печати 10-томную «Историю», заключило со мной договор. Не думаешь ли ты, что нам обоим следовало бы обратиться к адвокату или непосредственно к издателю?

Ты спрашиваешь, как нам всем живется. Отвечу кратко. Я заканчиваю мою работу (я, кажется, тебе писала, что работаю в качестве ghost writer²⁰ над одной семейной хроникой) и собираюсь летом понастоящему приняться за «Воспоминания». Аля много работает, часто выступает на разных конфедерациях; Шошка²¹ стала постоянной сотрудницей ИВО; наша Мириам довольна своей преподавательской ра-

¹⁹ В книге «Хлеб и маца» этот эпизод был отредактирован: «Чуковский жил в ту пору в Куоккале и там часто встречался с Розановым (...) Не скрою, что слова «библейская женщина» мне очень польстили, но я наотрез отказалась встретиться с Розановым: во время процесса Бейлиса он открыто заявлял, что он считает правдоподобным обвинение евреев в употреблении христианской крови для ритуальных целей. Хлеб и маца. СПб. 1994.С.163.

²⁰ Призрачный писатель, литературный негр.

ботой. Витя погружен в свою профессорскую и административную деятельность (он – глава славянского департамента в Йельском университете), книга о Гоголе медленно подвигается вперед²².

Все мы очень тяжело переживаем затянувшуюся вьетнамскую войну. Недавно в огромной антивоенной демонстрации участвовали три члена нашей семьи: Аля, Миреле и Марк (младший сын Вити – студент).

Милый Арон, по-видимому, ты еще нуждаешься в опеке врача. Не собираешься ли съездить летом куда-нибудь полечиться?

Обнимаю тебя. Соня.

Передай Анне Григорьевне сердечный привет.

²¹ Жена Александра Эрлиха. J. Shoshanna Ehrlich, Associate Professor, Women's Studies Department, University of Massachusetts, Boston.

²² Erlich, Victor. Gogol. New Haven. Yale University Press, 1969.

VII. Мордехай Фридман-Эльяшив

1.

10.11.45 Ben-Shemen

Дорогие Арон и Софья Владимировна!

Я делаю еще раз попытку связаться с вами. Много раз за время войны я писал в<ам> и непосредственно, и через Loker'a и т. п. Я знал о в<ас> понаслышке, видел статьи Арона в сборнике о России и в евр<ейских> журналах, но в<ы> ни разу не отозвались. Почему? Сердитесь на нас или что? Мы так хотели иметь от вас письма, известия, и мама так часто говорила о в<ас>, о тебе, Арон. Последнее известие от в<ас> было к Rosh ha-shana 1939¹. Мы тоже немало пережили, но все же не сравнить с в<ами>, а в особенности с тем, что обрушилось на еврейство Европы.

Мы живем по-старому. Но, как говорили в Ковне, «от годов одних стареют». Мы еще живем в Ben-Shemen'e, но я уже третий год как оставил здесь работу. Теперь работаю недалеко от Тель-Авива. Из-за кризиса квартирного не смогли отсюда уйти совсем. Но скоро мы переберемся в предместье Тель-Авива.

Дэвику уже 17 ½ лет, и он уже в 8 классе гимназии. У Мули мало новостей. Руня много болеет последнее время. Их сын Бенъямин в 7 классе. Папа сильно постарел, но держится и здоров. А мама, дорогие, после продолжительной болезни скончалась в ночь на 29.7.1945, и этим кончилась вторая линия Эльяшевых.

О Иоси вы верно знаете, он долго был в Лондоне. Семья наша сократилась. Тетя Рахиль и тети Елена и Хаце с/с, как видно, погибли от рук варваров в Литве, Борис и Рая умерли в Сибири; также Ревекка

¹ К Новому году 1939-му.

Берлин и, как видно, ее муж. Лишь Ганя уцелела; она в Якутске (Короленковская 58). Эсфирь Берлин с/с в Москве, а Идель умер задолго до войны. Мотэ с/с в Палестине. Саша дяди Макса был в Белостоке, и от них ни слуху ни духу. Аля, по сведениям одним, был убит в Вильно в августе 1941 г., а по другим – был в гетто в Люблине и остался в живых. Саша Бориса в Нью-Йорке.

Из многочисленной семьи Герты осталась в живых ее племянница лет 16, но где она, мы не знаем. Брат ее умер в Дахау, а сестра в Нью-Йорке. Вот и итог, печально, очень печально, и понять не можем, как могли все это замолчать, в то время, как теперь английские журналы полны статей и снимков страдающих и гибнущих немцев. По нас – пусть половина их погибнет, нам не жаль.

А мы живем неровной жизнью, не знаем, чем все кончится здесь, но все же надеемся, авось, и на мир, и на наше молодое поколение, которое на нас не похоже. Очень хотелось бы получить от в<ас> известия, как прошли военные годы, как в<ы> живете, как в<аше> здоровье и пр., и пр. Герта сердечно кланяется, также и Дэвик, который еще помнит «дядю –шкафа». Всего-всего в<ам> наилучшего. В<аш> Мака.

2.

8.4.1949

Дорогие Арон и Софья Владимировна! Я и мы все были рады твоему письму и адресу, дор<огой> Арон! Здравствуйте, дорогие, здравствуйте!

Я себя чувствую очень виноватым перед в<ами>, особенно перед тобой, Арон, после получения твоего письма свыше трех лет назад, после смерти мамы, zichrono livracha (она все время передо мной), я сразу не отвечал, и это было бедой: письмо гуляло по карманам Мули и папы, а мы тогда жили довольно трудно. Герта еще была в Бен-Шемене, Дэвик жил с папой в Тель-Авив, а я работал у Петах-Тиквы и разъезжал. Потом мы поселились в Холоне в собственной квартире (6 км. от Тель-Авива), а потом были трудности и борьба с ненавистным режимом, война за освобождение и т. п. Я откладывал письмо с каникул на каникулы, а когда размахнулся, Роза сообщила, что В<ы> в Лондоне. И теперь это не есть «настоящее» письмо, а больше визитка, настоящее последует – это больше телеграмма.

Очень был рад твоему письму, Арон, хоть оно несло с собой неприятные новости, а еще больше – известия о в<ашем> предстоящем приезде сюда. Я думаю – навсегда, во всяком случае, мы в<ас> не выпустим. После военных фронтов у нас не менее важный фронт строительства мирного, и такие люди, как ты, Арон, нам нужны. Когда же вы приедете? Сообщите.

Относительно Якубовича должен признаться, что на нас это известие большого впечатления не произвело. Не знаю, постарели мы, почерствели или многое пережили. Во всяком случае, я подал прошение о визе на въезд, и мне обещали, что скоро она будет дана, и я тогда сообщу адвокату.

О Муле. Он теперь grand seigneur – заведует Департаментом Восточной Европы в нашем Министерстве Иностранных дел – не хотел этим заняться (Он лишь выяснил кое-что у д-ра Вольфсберга, бывшего недавно нашим представителем в Скандинавии). А у меня – тоже сомнение. Мы его [Якубовича] не знаем, кто он и что он, но что Ганя уехала в Австралию, у нас вызывает подозрение, что они развелись – тогда он нас вообще не интересуется, а если он еще не особенно fair, то зачем он нам? Я беру на себя ответственность за него и т. п., а захочет ли он здесь остаться (выехать теперь отсюда нельзя)? Разрешите мои сомнения, дор<огой> Арон. Я пишу к Гане и также адвокату в Стокгольм.

Теперь о нас. Папа жив-здоров (ему теперь 82 года (до 120), но память у него очень ослабела, и трудно с ним. Он просит тебе кланяться. Он живет почти все время с нами, а пару месяцев в году у Мули, чтобы мы могли перевести дух. Герта сильно поддалась за последние 1 ½ года постоянных тревог за Дэвика. Она работает ½ дня в холоновской управе. Дэвик тебя помнит как дядю-шкафа – ему 20 ½. Полтора года на войне, сильно возмужал и серьезным стал. Прошел огонь, воду и медные трубы. Был во всяких опасностях, дважды был ранен (по счастью, легко). Теперь ждет освобождения и хочет учиться химии, которой заинтересовался на войне, будучи минером.

Живет с нами и наша племянница, дочь брата Герты, спасшаяся из гитлеровского ада 1 ½ года назад. Ей 19 лет, и она тоже военная. Муля много занят. Руня работает в школах и ведет теперь тоже более или менее светский образ жизни. Веня – ему 19 ½ лет – тоже солдат. Он был некоторое время в боях на Юге, а потом матросом на корабле, а

теперь снова на суше. Моте с/с тоже здесь, живут нелегко. Их дочь с/с в квуче², а мальчик – лет 19 – тоже был на войне.

Вот пока и все. Я теперь работаю в Холоне, заведу эмбрионом гимназии, если разовьется – то перестану ездить на дополнительную работу в семинар возле Petah-Tikva.

У нас небольшая квартира из 2 комнат, а теперь мы строим третью. Ибо тесно было, и чтобы в<ам> тоже было где поместиться. О тетьях Рахили и Елене я узнал, что они были в живых еще летом 1943 г., и о них заботился в ковенском гетто в<аш> кузен И. Н. Бурак, потом – неизвестно. Кажется, что они обе умерли «естественной» смертью в конце 1943 г., и Бураки тоже погибли.

Очень, очень прошу нам написать, сердечные поздравления к празднику свободы и весны! Как много это значит, что мы в этом году не скажем за сейдером "Ha-shana avadim..."³

Всего всего

Весь в<аш> Мака.

Герта очень в<ам> кланяется. Пишу не дома. В след<ующем> письме пришлю наши карточки. И в<ы> тоже пришлите. Знаете ли вы что-нибудь о Иоси с с<емьей>, очень давно он не писал нам.

3.

Holon 6.3.50

Дорогие Арон и Софья Владимировна!

Уже 4 месяца прошло с тех пор, как я собираюсь в<ам> написать, и по воле судеб и всяких дел затянулось до сих пор. Не сердитесь; с недели на неделю откладывалось письмо, но мысль часто была с в<ами>. Прошла зима, очень тяжелая зима. После 100 лет выпал снег в прибрежной полосе, и Холон два дня сиял белизной, а местным детям был праздник. Многие простуживались, но уже хорошо, что зима прошла.

Я впервые за несколько лет работаю на месте и не приходится разезжать. Я заведу открытой здесь гимназией – Veit hinuh tihon⁴,

² Здесь: кибуц.

³ Начало фразы из пасхальной Агады: «В этом году – рабы [в следующем – свободные люди]».

⁴ Старшие классы школы.

в этом году 5-е и 6-е классы, а в будущем будут уже и 7-е, и в этом большое облегчение. Герта не работает теперь вот уже год, но она сильно поддалась, и очень исхудала, и себя неважно чувствует. Имеет иногда работу по переписке, но и дома работы хоть отбавляй. Папа у нас, и с ним очень нелегко. Он здоров, но память очень ослабела, он очень упрям. Вас всех он, конечно, помнит. Он должен был теперь на лето перейти к Муле, но Руня заболела. У нее был слабый сердечный не то припадок, не то кое-что другое из этого рода, и после больницы она должна продолжительное время блюсти покой и не работать.

Сын наш сдал теперь экзамены на аттестат зрелости, но не думает о продолжении образования. Он теперь работает на госуд<арствен-ной> службе по какой-то военной специальности. Наша племянница – дочь брата Герты – тоже уже демобилизованная и учится в семинаре.

Муля много занят и устал, но доволен. Их сын должен еще до августа быть в армии, он в Хайфе. Моте и его жена работают много, и им нелегко. У них очень славные дети.

Якубович приехал в начале января. Первое впечатление было очень плачевное, но понемногу мы привыкли, но много *zarot*⁵ с ним. Мы с Мулей стараемся помочь ему, чем можем – устроить его на работе, но пока еще не увенчались наши усилия успехом. Обещали к апрелю. Ганя, как я и думал, и не думает приехать сюда и, если и неофициально, разошлась с ним. Да и какой он муж для нее! Совершенно другой тип. Но она готовит нам другую беду. Она писала Якубовичу, что Саша⁶ приезжает сюда. Я в свое время писал Гане, Саше и Исааку, чтобы он никоим образом не приезжал сюда до приезда Гани, а они и в ус не дуют. У нас нет ни сил, ни возможностей, а предстоит заняться им, большим; отсюда едут такие больные лечиться в Америку, а не наоборот, и, как мы слышали, на него и жара действует очень плохо. Если Вы можете, напишите Исааку об этом. А если Муля, может быть, еще уедет, то вся тяжесть падет на нас, и это нам не под силу.

Здесь гостила 2 месяца жена Иоси Эстер и завтра она уже возвращается в Париж. Потом придет и Иоси, а потом – мы надеемся – он совсем переедет сюда. Странно, что она тебя, Аарон, почти ни разу в Париже не видела.

А живем мы нелегко: много работаем, заняты, но хорошо, что еще сил хватает. Мы знаем, что должны пройти *sheva shanim gaot*⁷; это не

⁵ Забот.

⁶ Саша (Аля) Эльяшев.

⁷ Семь несчастных лет.

шутка – принять и переварить 400 000 евреев в 2 года, когда весь ишув насчитывал всего лишь 700 000, но потом придут и лучшие годы... До сих пор народы мира и ватиким⁸ нам не простили нашего воскресения из праха их ног.

А по поводу приезда сюда – во-первых, мы ждем тебя осенью, род<ной> Арон, и Софью Владим<ировну>, а вообще я считаю, что все евреи, которые могут, должны приехать сюда и помочь своим опытом, знаниями и силами строительству. Пред нами – *sui generis, sui mesuras*⁹ – задача не менее легкая, а, может, еще более тяжелая, чем перед Сов. Россией. Поэтому я считаю, что твое место должно быть здесь. Мы знаем, что не все у нас *all right*, но мы боремся всеми силами. Но прежде всего приезжайте и поглядите.

А пока – всего вам наилучшего к Пасхе, празднику свободы и весны! Желаем много здоровья и сил, и напишите нам, и пришлите карточку. А потом мы в долгу не останемся. Всего-всего наилучшего! Мы переменили фамилию на «Эльяшив»¹⁰.

Весь вас любящий Мака.

4.

Холон

12.2.51

Дорогие Арон и Софья Владимировна!

Вот уже скоро год, как Арон был здесь, и из ваших планов перебраться сюда на временное или постоянное жительство ничего не вышло, и связь письменная тоже ослабла. Авось тряхнем стариной и снова будем писать, пока... Что у вас слышно, как вы здоровы? Как жизнь вообще? Арон все разезжает, а Вы, Софья Владим[ировна], сидите в лондонских трущобах и ни с места?

⁸ Здесь: жившие в Эрец-Исраэль до «нового ишува».

⁹ Его мера, его измерение (лат.).

¹⁰ После образования государства и внедрения иврита как государственного языка левое социалистическое правительство требовало, чтобы официальные представители Израиля за границей, военнослужащие, начиная от подполковника, и члены олимпийской сборной носили гебраизированные фамилии. Шмуэль Фридман перешел с отцовской – идишской – фамилии, на материнскую, только слегка изменив ее; за ним последовал брат Мордехай.

От Исаака тоже нет писем, лишь Муля писал о них, и о Саше мы больше не слышим. А Якубовича и след прослыл, и мы его здесь с полгода как не видали.

А Ганя писала о своем тяжелом житье-бытье и о желании добиться развода.

Мы живем по-прежнему, но жить легче здесь не стало, а мы сами понемногу старимся. Уже не та сила и не та энергия и выносливость.

Я очень много работаю, но завтра мы, наконец, переходим в новое здание нашей гимназии, и я надеюсь, что станет легче. Герта тоже все не поправляется, и никакой болезни у нее не находят. По дому много работы, а с папой очень, очень нелегко.

Дэвик работает по-прежнему и учится пока экономике, и это нелегко. Он уходит из дому утром и возвращается в 10 ч. вечера. Верочка учится в семинаре и через год кончит. Мы хотим надеяться, что не будет войны и что понемногу Израиль обоснуется и окрепнет, и жизнь станет легче. Но мы не унываем и довольны, хоть многое в нашей повседневной жизни нам не нравится, но ведь все не может быть хорошим. У Моте сын полгода тому назад женился и учится в техникуме.

Муля, как видно, будет назначен послом в СССР (Шазара Рубашова, верно, отклонили¹¹), и их еще 2 года здесь не будет, нам очень жаль. Они пишут, как довольны местом, а Муля жалуется, что обречен там на бездеятельность.

Веня вернулся три недели тому назад. 2 недели он жил у нас, а теперь у себя. Трудно сказать, изменился ли он к лучшему за границей, во всяком случае, стал самостоятельней и никаких советов не слушает. Он начинает работать радистом на почте и авось учиться будет, но нет у нас уверенности. Он имеет здесь приятельницу 16 лет и собирается жениться. Мы не знаем, что Муля и Руня думают по этому поводу. Они нам об этом еще не писали.

Иося обещает скоро приехать, но кто его знает? Эстер писала, что Арон с ним виделся несколько раз за последнее время. Вот и всё пока. Хотели бы мы, чтобы вы чаще нам писали, не забывали и собрались приехать, а то мы так скоро к вам не выберемся.

Я высылал тебе, дорогой Аарон, норм<альной> почтой «Measef Davar»¹².

¹¹ Советское МИД отказалось выдать «агриман» Залману Шазару, известному еврейскому лидеру; д-р Ш. Эльяшив таким не являлся.

¹² Приложение к газете «Давар».

Дэвик очень просит прислать ему какой-нибудь хороший учебник английский по статистике и также русско-английский словарь (среднего размера). Если это выполнимо, то мы будем очень благодарны за это.

Всего вам наилучшего. Пишите. Вас любящий Мака

Дорогие Софья Владимировна и Арон Захарович! Надеюсь, что вы уже не разъезжаете так много и уже зажили семейным домом. Как хорошо бы было, если б вы приехали сюда и увеличили б семью. Вместо этого она опять уменьшается с новым назначением Мули, а мы-то думали, что они скоро вернутся сюда.

Относительно Вени напишу в следующем письме. Я хочу еще к нему присмотреться, насколько это будет возможно [...].

Всего вам хорошего. Целую крепко Ваша Герта

5.

28.7.51

Дорогие Софья Владимировна и Арон! Чего это вы вдруг замолчали и прекратили дипломатические отношения с нами?

После посылки в<ам> книги «Measef Davag» и письма в начале мая мы от вас не имели ни звука, ни строчки. В чем же дело?

Очень просим написать нам о себе. Тут был Шагал, и мы с ним виделись. От Мули имели уже одно письмо из Москвы. Он пишет, что трудно привыкать к московскому летнему климату.

Я очень устал после учебного года, теперь немного отдыхаю. Герта работает в Тель-Авиве и дома – себя чувствует неважно. Дэвик работает, и учится, и собирается ехать в USA штудировать медицину. Веня здесь стал трактористом. Верочка перешла на последний курс в семинаре. У Моте с /с all right. А с папой все хуже. Послезавтра выборы в Knesset, и мы все с нетерпением ждем, каковы будут результаты. Очень хотелось бы, чтобы создалось стабильное большинство Mapai¹³ и прогрессивных, но кто знает, ¼ миллиона новых olim – terra incognita.

¹³ «Мапай», рабочая партия, партия Бен-Гуриона, была у власти с 1949 по 1951 г.; с июля 1951 г. – еще 4 года.

Всего, всего в<ам> наилучшего. Будьте здоровы и пишите нам. Любящий в<ас> Мака.

6.

3.3.53. Holon

Дорогие Софья Владимировна и Арон! Вы совсем перестали писать и реагировать на письма. А через месяц-два снова будет день Независимости, и мы снова будем гулять по Тель-Авиву, и вспоминать Арона, и вам напишем, и вы снова не ответите. Совсем фе! А на последнее письмо от декабря 1952 тоже не было ответа. Теперь слыхали от Мули, который вернулся на днях из Москвы, что В<ы> были в Африке; это немного извиняет В<ас>. Но В<ы> верно уже вернулись, и поэтому пишу снова.

Что с В<ами>? Как здоровье, дела? Когда В<ы> снова соберетесь сюда? Очень, очень хотелось бы В<ас> повидать. О нас Бог вдруг вспомнил, что была засуха, и теперь льет, как из ведра, но все же зима на исходе. Уже пахнет Пасхой.

Здоровьем мы немного поддались, но держимся. Работы по школе очень много; восемь классов, уже был первый выпуск, немного я занят и общеврейскими делами¹⁴. Герта немного работает дома по переписке, но занята очень домом и хозяйством, которое нелегко теперь вести. Она даже завела маленький курятник.

Дэвик доволен, что был год в Париже и доволен, что вернулся. Он учится медицине в Ерусалиме и уже кончает скоро 2-ой курс. По субботам он дома. Верочка в июне кончает учительский семинар. Веня теперь посещает спец. курс по экономике и готовится стать чиновником в каком-нибудь учреждении. Его жена тоже работает, ей еще не минуло 18 лет, и она покупает продукты по детским купонам [...].

Муля с Руней вернулись из московского изгнания дня три тому назад. Муля очень устал от последних событий¹⁵, а дальше – неизвестно еще, останутся ли они тут или нет.

¹⁴ М. Фридман-Эльяшив работал директором школы в Гиват-Шлоша и в учительской семинарии, в школе Холона, написал учебник по химии для старших классов и для самобразования, пособия по методике изучения природы.

¹⁵ 12 февраля 1953 г. министр иностранных дел СССР А. Я. Вышинский принял у себя д-ра Шмуэля Эльяшова и зачитал специальную ноту Советского правительства о разрыве дипломатических отношений с Израилем.

Жизнь у нас нелегкая, но верим и надеемся на лучшее вскоре. Теперь хотим о в<ас> знать побольше.

Возвращаюсь к прошлому письму. Редакция книги о Литве, кот<орая> тут скоро выйдет, очень просит написать ей биографии тети Эстер, z'l' (Zihrono livraha), Исаака, z'l', и я не вижу, кто бы мог это написать, кроме тебя, Арон, дорогой! Развернись, ой ты гой еси, соберись с силами, и накатай эти биографии, и пришли по моему адресу.

А главное, напишите, очень ждем от вас известий. И наилучших пожеланий к Пасхе и к весне, и приезжайте сюда.

Весь в<аш> Мака

8.

11.3.55.

Дорогие Софья Владимировна и Аарон! Уже так давно мы не писали, но не по нежеланию, а все трудности, и мелочи житейские, и простуда мешали. Мы все ждали обещанного письма от Арона о встрече с Иосей, но все ничего. Мы до сих пор не имели никаких писем от Иоси и Эстер и никак не можем понять их молчания.

Что у вас слышно? Как вы живете-можете? Как здоровы? Не раздумали еще о приезде сюда? Весной?

Я слышал, что собираются привлечь Арона читать лекции о Достоевском.

От Исаака имели письмо, в котором он пишет, что и он подумывает о поездке сюда.

У нас мало нового. Мы живем себе по-старому. Я много занят, и почти нет времени для серьезного чтения. Герта тоже начала опять работать в Тель-Авиве. Дэйвик и Верочка приезжают лишь по субботам.

Руня работает, но все еще не пришла в себя. Мы с ней видимся 2–3 раза в неделю, беседуем по телефону, ибо у нее уже тоже есть телефон дома, и его номер 81827 (Тель-Авив) – 10, нет недели этому событию.

Мы теперь разбираем мулины, z'l', рукописи и хотим отобрать ценное, что можно было бы издать. К сожалению, немного, больше все наброски и юношеские повести.

У нас теперь зима и дожди сильные, но главное, что весь мир ополчился на нас и не хочет оставить в покое, но мы живем по-старому и уверены, что все «образуется» к лучшему.

Была у нас m-me Ализа-Якоб-Левинсон¹⁶ и показывала свои музыкальные произведения – переложила много вещей Баха на рояле, но мы в этом мало что смыслим.

У всех родных все по-старому. Пришли нам карточки также, Арон, сообщи как-нибудь адрес Маруси Донской. И о Иосе напиши. Ну, всего наилучшего, дорогие, в ваших лондонских туманах.

Любящий вас Мака.

9.

27.10.62. Холон

Дорогие! Что это с вами? Не приехали, так уже и писать не надо, и с Новым годом поздравить, и о себе написать. Вы ведь обещали, что теперь в октябре авось приедете. А теперь у нас дивная погода – прямо весна (у нас две весны в год), и первые дожди уже были. Как раз Yom Kippur – грехи наши смыть. Что же у вас слышно? Вы здоровы? Как дела? Вот ты бы был здесь, дорогой Аарон, верно, и в твою честь выпустили бы книгу, как теперь в честь Тартаковера¹⁷, которому минуло 65 лет!

Ни от вас ни слова, ни от Миты, ни от Левы – и все!

Я в этом году очень много работаю. Больше, чем думал, но держусь. Герта более или менее тоже all right.

Дэвик и его жена работают, а дети растут на славу. Яиру уже минуло 5 лет, а Марите – 2 ½ года. От Руни и Вени нет новостей. У Мотэ тоже все как было, только старше стали на пару лет. Вера и Хегай работают в «Давар»-е, ходят слухи, что они авось поедут в Лондон. Выступление Верочки в немецком Television произвело большой фурор, а теперь она пишет книгу о Германии. Месяц тому назад здесь был Иосе

¹⁶ Ализа-Якоб-Левинсон музыковед, в 30-е гг. участвовала в Берлинском Литературном салоне. Переехав в Палестину, работала в музыкальном отделе Национальной библиотеки в Иерусалиме, давала концерты.

¹⁷ Тартаковер Арье (1897–1982), социолог, философ и общественный деятель, доктор права Венского ун-та. Репатриировался в Эрец-Исраэль в 1920 г., но вернулся в Польшу, преподавал еврейскую историю и социологию в ИВО, работал в США. В Израиле вышел 3-х томный труд по истории еврейских общин.

на съезде Евр<ейских> combattants¹⁸ и после виленского заседания уехал. Нюра с мужем были в USA и уже вернулись.

Иосе говорил, что наша тетя Пеппа сильно поддавалась за последний год. Если ты будешь в Париже, дорогой Арон, навести ее, и она будет рада, и mitzvah. Очень хотелось бы в<ас> повидать; приезжайте теперь, когда тучи грозящей войны разойдутся, во что хочется верить от всей души, и вы, и мы будем рады – уже время! А пока [нрзб] фото и всего наилучшего к Новому году, хотя минул уже месяц, но наши пожелания – такие же юные и сердечные, как и до Rosh Hashana.

Всего, всего в<ам> наилучшего. Пишите и приезжайте. Всего-то 5 часов полета. Любящий в< ас> Мака.

Герта:

Дорогие Софья Владимировна и Арон Захарович! Вот и прошли праздники за праздником и съезды всякие, а вы ничего. Надеюсь, что не плохое состояние здоровья вам мешает приехать, а то ведь интересно все-таки.

Мака работает сверх сил, и очень жаль – все силы уходят. У него 19 классов, а вице-manager'a в этом году нету.

Теперь страх перед угрожающей войной как будто медленно рассеивается. Дай-то Бог! Нам бы этого не хватало.

Так новостей семейных нету. Недавно я взяла к нам в гости внучка – Яира, но сейчас же по приезде он заявил, что он бы еще хотел когда-нибудь снова услышать, как его сестричка произносит его имя и говорит: «Яирик». Я хотела его утешить и сказала: ну, ничего, завтра услышишь. Тут он мне сказал: «Бабушка, ты совсем не знаешь, что это такое – тоска?» Это произвело на меня такое впечатление, что, несмотря на большую усталость, я его сейчас же вечером повезла обратно в Тель-Авив. Это он-то, уже в 5 лет объясняет мне, что такое тоска. Такой внук у нас.

10.

27.12.64

Дорогие Софья Владимировна и Арон! Опять прошло два месяца без писем, но теперь, по случаю Нового года и гражданского года, опять шлем вам наилучшие пожелания, много сил и здоровья и возможности приехать сюда.

¹⁸ Еврейских воинов, бойцов.

У нас ведь тепло, ежедневно 20 С, а не 0, как у вас. Дожди временами, и по вечерам холодно, но все же дни, как англичане говорят, bright. А мы, несмотря на все, часто простужены этой зимой.

Сверх ожидания у меня много работы в этом году, последнем году этой работы. Я выхожу на пенсию, но хочу надеяться, что буду достаточно здоровым, чтобы коротать годы в свое удовольствие, и что не будет скучно. Герта тоже порядком устала. Руня уже не работает, а у Вени и Авивы все в порядке, тоже у наших детей и у Мотэ... Внуки растут на славу и доставляют много удовольствия и отрады.

Видите или слышите иногда Веру? Недавно вышла в свет ее большая книга о Германии по-немецки. Хегай-Аггей теперь здесь, Вера удачно замещает его как корреспондент «Давар».

11-го января 1965 г. будет официально открыта в Холоне улица Баал-Махшовеса. Авось ты что-нибудь пришлешь для какой-нибудь газеты? Улица эта по соседству с ул. имени Дубнова, просили твой адрес, и я ей послал, но уже давно о ней не слыхали.

Напишите о себе, дорогие: как силы, здоровье и пр., и пр., и не откладывайте в далекий ящик.

Всего, всего вам наилучшего. В<ас> любящий Мака.

29.12.64. *Герта. Дорогие Софья Владимировна и Арон! Вот и начался новый Конгресс, а вас не вижу здесь. Теперь здесь чудные погоды, но это все же не мешает нам часто болеть. Теперь моя очередь, и я кашляю с маленькими перерывами.*

Что с вами? Как вы боретесь с холодами? Может быть, вы бы отогрелись здесь немного?

От Саши Эльяшева мы получаем хорошие письма, и мы очень рады за них. Видите вы иногда Веру? Она очень много работает корреспонденткой газеты «Давар». Она, очевидно, живет где-то недалеко от вас. А ее муж сейчас временно здесь. Поздравляет вас сердечно с Новым годом, хоть он не совсем наш.

Пишите нам, дорогие, побольше о себе и поскорее, как и что.

Наши дети много работают и ленятся писать, просят нас вас поздравить к Новому году. Детки их очень славные, но они тоже часто простуживаются. У нас гостит сейчас мой дядя из Брюсселя. Приехал сюда, бедный, на двух костылях. Он с трудом передвигается, но его все интересует.

Целую вас крепко и жду вашего ответа.

Вас любящая Герта.

11.

5.8.67

Дорогой Арон! Вот уже два месяца поле войны¹⁹, и как-то все не можем прийти в себя после всего пережитого; много, что раньше казалось важным, потеряло свой смысл, и до сих пор трудно взяться за серьезное чтение. Никогда мы, израильские евреи, не были так одиноки в мире, когда многие друзья отшатнулись от нас, а самые близкие стояли и выжидали, что будет. Насер готовился закончить дело Гитлера. Но наш лозунг был: «Не бывать больше Аушвицу», и мы победили единством народа, храбростью наших сыновей и верой в единство народа здесь и в диаспоре. Мы надеемся, что и в ИВО мы не потерпим поражения. Трудно забыть энтузиазм народа и какое-то мистическое чувство, которое охватило нашу молодежь в последние недели. Мы немного боеем. Я – легко, Герта более тяжело, перетерпела тяжелую гриппу, но теперь у нее все all right. Мы уже были в Ерушалаиме старом и новом, и в Beit-Lehem²⁰, и по дороге на Хеврон. И поедем еще. У Пуни и детей все в порядке. Хотим верить, дорогой Арон, что ты уже совершенно оправился от своей болезни и что к осени сможешь приехать к нам. Ждем известий от тебя, дорогой Арон, и желаем тебе всего всего хорошего, сил и здоровья, и пиши. С любовью. Твой Мака.

Притиска 7.8.67. Дорогой Арон! Герта должна была сегодня войти в больницу на несколько дней для всяких investigations²¹. Поэтому я ограничусь приветом от нее, не желая откладывать отправку письма. Твой Мака.

Ничего серьезного.

12.

6.9.67.

Дорогой Арон! Пронеслась туча, и снова засиял день, и Гитлеру № 2 не удалось осуществить свой замысел стереть нас с лица земли. Такой быстрой и решительной победы никто не предвидел – даже Наполеон мог бы похвалиться. Еще не все закончено, еще будет большая

¹⁹ «Шестидневная война» Израиля с Египтом, Сирией, Иорданией, Ираком и Алжиром с 5 по 10 июня 1967 года.

²⁰ Вифлеем.

²¹ Исследования (англ.)

дипломатическая борьба, но пока праздник на нашей улице. И как говорилось: Mazal tov la-nizahon. «Гром победы раздавайся», «веселись, славный Израиль».

Мы очень беспокоились за Дэвика, но вчера получили от него известие, что он в Иерусалиме и охраняет «Мечеть Омара» и Kotel Mearavi²², и сейчас спокойнее. Ven – all right! Хотим иметь от тебя письмо, дорогой Арон! Пиши! А вскоре мы напишем подробнее. Теперь много людей начинают верить в чудеса.

Всего всего наилучшего. Любящий тебя Мака.

Ну разве лишь в прежние времена были чудеса, а теперь их нет? Слава Богу, все успокоилось. Ожидаем письма от тебя и желаем тебе веселого праздника Shavuot. Трудно теперь больше писать. От Дэвика не имели сведений и были очень обеспокоены. Но мы уже имеем от него записку. Будь здоров и думай о нас всех.

С любовью Герта

13.

Holon

10.4.1968 12 Нисан 5728

Дорогой Арон! От тебя уже давно не было известий, но Мита²³ нам писала, что имела хорошее письмо от тебя. Мы все верим, что с приходом лета ты совсем определишься и сможешь приехать сюда и посмотреть Kotel Mearavi, и Mearat ha-Mahpela²⁴, и Kever imenu Rachel²⁵ и пр., и пр. Зима у нас уже фактически на исходе, и мы очень рады этому, так как этой зимой много были простужены. Я стараюсь как-нибудь исполнить мои долги перед семьей нашей – так, например, я дал Суцкеверу статьи дяди Исидора Hatsharat Balfour²⁶, и он опубликовал их в 61-ом номере «Die Goldene keyt». Наконец-то выйдет в свет большой том моего дедушки, подготовленный к печати «Hotzaat Moscad ha-rav Kuk» в 1914 г.²⁷, и папа все эти десятки лет берег его.

²² Западная Стена (Стена Плача) – остаток Иерусалимского Храма.

²³ Суламита – младшая дочь И.-Н. Штейнберга

²⁴ Двойная пещера (в Хевроне), где по преданию похоронены патриархи.

²⁵ Могила праматери Рахели.

²⁶ Декларация Бальфура – декларация английского правительства о создании еврейского национального очага в Палестине (1917 г.).

²⁷ Книгоиздательство Института им. р. Кука создано в 1936 г. с целью публикации научной, галахической, агадической и исторической литературы. Труд вышел в свет

В ближайшем номере «Ha-avar», посвященном 50-летию русской революции, будет большая статья моя об Исааке, z'l²⁸. Редакторы Крупник и Слуцкий²⁹ многое выбросили, но все же вышла большая статья. Я над ней трудился три недели, и как только получу оттиск, я тебе немедленно вышлю. Я очень хотел бы слышать твой отзыв, дорогой Арон – жаль мне лишь, что до сих пор ничего не сделал для издания книги памяти дорогого Мули, z'l!. Авань, если буду еще жив и здоров, возьмусь и за это. Мы в общем здоровы и держимся. Руня себя тоже чувствует много лучше последнее время, и наши внуки процветают и растут, старшему уже 10 с половиной, а младшей – 2 с половиной года. Мы их часто видим и имеем от них много «нахес».

Часто я также думаю, что надо было бы собрать статьи тети Эстер, но это почти не под силу. Наш senior Мотэ последнее время очень опустился и ослабел, и кто знает, оправится ли он. Недавно миновал год со дня кончины дорогой Софьи Владимировны. Мы тебе снова выражаем наше глубокое сочувствие в твоём горе – но вместе с тем, мы тебе желаем провести хорошо Сейдер и Moadim la-simha!³⁰ Всего, всего тебе наилучшего, дорогой Арон. Возьмись за перо и черкни пару строк любящему тебя

Мака

Герта очень занята приготовлениями к празднику и просила на этот раз передать от ее имени наисердечнейшие пожелания.

14.

13.10.68

Дорогой Арон!

Желаем тебе еще раз всего хорошего, что можно пожелать тебе в день Hoshana – rabbah³¹, когда разверзаются небеса и выносятся окончательный psak-din³² на будущий год.

в 1971 г. под названием «Галахические постановления Давида [Фридмана]», часть 3.

²⁸ Мордехай Эльяшив, «Ицхак Нахман Штейнберг (10 лет со дня его смерти)», Хаавар, т. 15 (Май 1968). Сс. 243–250.

²⁹ Иехуда Слуцкий (1915–1978) – историк, профессор Тель-Авивского университета, писатель.

³⁰ С праздником! Речь идет о празднике Песах, который должен был начаться 12.4.1968.

³¹ Последний, седьмой день праздника Суккот

³² Приговор.

Мы с Гертой были 4 дня в Ашкелоне на съезде археологического общества, и было очень интересно. Самое сенсационное сообщение было сделано И. Ядином о находке tffilin в пещерах Кумрана, написанных 2000 лет тому назад³³!

Вернулись домой позавчера, и сразу приехали на все дни праздника дети, и мы очень рады и довольны, но устаем. Нашли дома также письмо, посланное Вере по ее новому адресу, которое вернулось почему-то обратно. Я прилагаю его при сем и прошу очень как-нибудь сообщить ей об этом, ибо тем временем мы ей писали еще 2-3 раза и возможно, что и эти письма на дошли.

Мы очень просим извинения за trouble (беспокойство), но будет очень досадно, если наши письма к ней не дойдут.

У нас пока никаких особенных новостей нет, и все по-старому. Дай Бог не хуже и в будущем. В экскурсиях по Ашкелону ездил много по Синаю и добрался до Kadesh Barnea³⁴.

Ну всего-всего хорошего от всех нас. В следующий раз пришлю еще снимки. Весь твой с любовью от имени Герты и своего.

Твой Мака.

³³ Ядин Игаэл (1917–1984) – организатор Армии Обороны Израиля, археолог и историк, автор книг о свитках Мертвого моря.

³⁴ Древний город в Ханаане, куда Моисей посылал своих разведчиков.

VIII. Шмуэль Эльяшив (Фридман)

1. Ш. Эльяшив – А. Штейнбергу

2 – 2 – 46

Дорогой Арон!

Давно уже собираюсь тебе написать, но я всегда по части переписки слаб. В этом ты уже мог давно убедитьсяся.

Локер, видимо, уже передал тебе привет от меня¹. Думаю, что он рассказал тебе, что я пережил автомобильную катастрофу, было сотрясение мозга. Когда он меня навестил, я уже оправился. Обещал ему выслать тебе статью числа 8-9/1 с оговоркой, что не будет осложнений. К сожалению, они были. Когда я встал с постели, обнаружили трещину в одном из позвонков спины. Это снова лишило меня полной работы. Затем был в санатории и лишь сейчас могу приступить к написанию статьи для тебя. Так думаю, что смогу ее выслать дней через 8 приблизительно.

О том, что ты редактируешь сборник и ждешь от меня статьи, я узнал лишь от Рубашова². Локер сказал мне, что вы мне писали и телеграфировали, но до меня ничего не дошло. Рубашов мне много о тебе рассказывал, был очень рад встрече с тобой. Это, кажется, первый привет от тебя за все эти годы. Буду рад, если удастся снова наладить связь с тобой. Для первого письма даже не знаю, что тебе расска-

¹ Берл Локер (1887–1972) – израильский общественный и политический деятель, автор статей и брошюр о сионистском движении. Возглавлял Всемирное бюро партии «Поалей Цион», с 1938 г. в Лондоне возглавлял политический Отдел Евр. Агенства, в 1949 вернулся в Израиль, с в 1955 г. по 1959 г. – депутат Кнессета 3-го созыва от партии Мапай.

² Залман Шазар (Рубашов) работал в прессе Гистадрута: гл. ред. газ. «Давар» и ред. «Ам овед».

зять о нас всех. Я несколько лет работал в Vaadat ha-bikoret ha-merkazit.³ В прошлом году оставил ее. Был разговор о переходе в редакцию «Давар», была даже попытка, пока я это отклонил. Сейчас я в Vaad ha-Poel⁴ Гистадрут'а. Возможно, что там я перейду на юридическую работу. Это выяснится сейчас. До войны еще получил тут право практики, после сдачи адвокатских экзаменов, но не пользуюсь этим до сих пор. Последние годы занят литературно-критической работой, опубликовал довольно много статей, преимущественно о русской воен[ной] литературе в России⁵. Сдал теперь для ежегодника «Давар» обстоятельную работу о еврейской литературе в Америке.

Насколько знаю от Рубашова, ты некоторые из моих статей видел и не согласен с моим подходом. Мне будет очень интересно услышать от тебя, в чем именно.

Руня преподает рисование и историю искусств в школах и на разных учительских курсах. Пользуется очень хорошей репутацией в своей области (это, конечно, не значит, что в других областях у нее плохая репутация). Работает тяжело, помимо своей профессии еще много работы по дому, и это, конечно, утомляет в изрядной степени.

Веня уже большой парень, ростом выше меня, любопытный хлопец, музыкален, хотя не играет сам; у него артистические наклонности, чем-то он напоминает в этом смысле Алю (также и своей медлительностью). Во что все это выльется, трудно, конечно, сказать. Тут молодежь его возраста имеет большую общественную нагрузку, на наш взгляд, слишком большую, но несет она ее с увлечением, часто в ущерб многому другому. Мака и Герта, верно, сами напишут о себе. Папа у нас. В нем – после смерти мамы – значительные перемены. Нет следа его былой общительности. Целыми днями сидит дома, ни малейшего желания видеться с кем бы то ни было, апатичен, замкнут.

То, что ты писал Маке о маме, очень взволновало меня, оживило образ минувших лет. Ты писал о твоём чувстве полного доверия к ней⁶. Должен сказать, что с ее стороны было много внимания к тебе,

³ Центральная контрольная комиссия.

⁴ Рабочий комитет.

⁵ Новая советская литература. Тель-Авив.1953, иврит.

⁶ Яркий образ «тети Сони», матери братьев Фридман, А. Штейнберг нарисовал в очерке «Мой двоюродный брат Самуил (Из семейной хроники)». А. З. Штейнберг. Проза философа. С. 187–189.

много озабоченности о твоих делах. Не знаю, писала ли она тебе, но часто порывалась это сделать.

Напиши о себе. Что Софья Владимировна? Как живете, как себя чувствуете? Напиши обо всем.

Преданный вам Муля

Дорогие Софья Владимировна и Арон Захарьевич!

Очень рады были приветом от вас. Пережили мы очень много тяжелого в последние месяцы. Болезнь и смерть Софьи Захарьевны; тяжелая и продолжительная моя болезнь (головной грипп и абсолютная глухота). Когда же оправилась и обрела слух, – происшествие с Мулей. Только недавно все пришло в порядок. Хочу надеяться, что кончилась цепь тяжелых переживаний.

Как и что у вас? Соберетесь, быть может, к нам совсем или на время. Здесь много интересного и оригинального. К стране привязываешься и, несмотря ни на что, любишь ее крепко. Трудно с языком. Я еще не одолела его. Софья Владимировна имела случай убедиться [не окончено]. Руня

2. Ш. Эльяшив – А. Штейнбергу

Тель-Авив. 1.3.46

Дорогой Арон!

К сожалению, я не сдержал слова. Прошу больше не ждать моей статьи. Я сильно перегружен всевозможными срочными желаниями и обязанностями и при всем желании никак не смог выкроить время для этой работы. Хотелось дать тебе что-либо значительное, а для этого нет ни нужного времени, ни покоя. Повторить старое и перекраивать уже нежелательно – нет охоты. Если я причинил к<акие> – л<ибо> осложнения – очень прошу извинить.

Думаю, согласишься со мной, что наша односторонняя переписка не должна на этом оборваться, и вопрос о статье послужит началом возобновления связи между нами. Будем очень рады письму от тебя и Софьи Владим<ировны>.

От Руни привет. Муля.

3. Р. Эльяшова – А. Штейнбергу

19.4.50 Тель-Авив

Дорогой Арон!

Вот Вам дополнительный ключ⁷. Будьте добры запереть входную дверь на оба. Обедайте без нас. Муля возвращается и обедает после 4-х, я – в городе; Веня сегодня в лагере.

Вечером мы оба дома. Как Вы? Буду рада услышать сегодня о Ваших впечатлениях. Вчера был у меня исключительно тяжелый день (как и сегодня), но надеюсь быть сегодня менее усталой.

Простите за беспорядок в кухне. Торопилась на работу. Всего доброго. Кушайте на здоровье! Руня.

4. Р. Эльяшова – А. и С. Штейнбергам

8.6.1958 Тель-Авив

Дорогие! Что и как у вас теперь? Из письма вашего к Маке знала о состоянии Аарона Захарьевича. Надеюсь, теперь все миновало, и вы оба молодцами.

Возможен ли ваш приезд к нам? Как рада была бы я! Теперь очень жарко, но к осенним праздникам было бы как раз!

Пишите о себе. У меня все то же. Работаю много, и это минутами отвлекает от мрачных мыслей. Но свой мир все равно несешь с собой.

Веня много занимается, работает. Решил закончить в этом году свой факультет, и это нелегко. Туна тоже дитя. Работает и умело ведет свое маленькое хозяйство. Сын Давида и Рахили Яир – прелесть! Мака и Герта все то же. Мака выглядит значительно лучше прежнего.

Вот и все наши новости. 19 с<его> м<есяца> – годовщина Третья⁸. Страшно подумать! Пишите, дорогие! Не забывают меня! Обоих обнимаю и целую.

Ваша Руня.

⁷ А. Штейнберг посещал Израиль много раз по делам ВЕКа, его приглашали на конференции и съезды.

⁸ 3-я годовщина со дня смерти Шмуэля. 13 февраля 1957 г. МИД Израиля, Центр культуры и воспитания Гистадрута и школа для работников Гистадрута учредили постоянную годовую премию 500 лир имени Эльяшова «за исследования в области общественной и научной деятельности». В комиссии состоял брат Мордехай.

Любовь и (или) философия

С. В. Розенблатт-Штейнберг

1. Аарон – Соне

Пятница, 12-го октября 1923. Heidelberg

Писал тебе, милая Сонюлочка, 7-го. Имел от тебя во вторник, 9-го, твое второе письмо, а с тех пор больше ничего. Справлялся сейчас на почте. Помнишь, как мы условились? Тебе писал во второй раз до востребования, на Kunterst<rasse>. Хочу надеяться, что у тебя за это время что-либо выяснилось. Сонюлочка, пожалуйста, не лишай себя музыки или театра и т. п. Лишний P<fennig> или два в месяц можешь использовать из моих сбережений. У меня теперь расходы значительно сократились (вчера, напр<имер>, обед обошелся всего в 12 пфен.). Эти дни из-за скачков вообще были очень дешевы, так что в среду Рабинков даже взял в книж[ной] лавке того самого Dessoir'a¹ всего за 1/3 дол. вместо 3-х, который тогда просили.

Сейчас принесли мне твое письмо от 11/X. Не волнуйся, дитя, занимайся: я уверен, что она вообще ищет Anschluss, а о гонораре не беспокойся – там видно будет. Места из Kirkegaard'a (Киркегора) замечательны. Вообще стоило бы сделать такую работу: Kirk<egaard> и Дост<оевский>. Этих мест я не знал.

От Эсф<ири> имел еще одно письмо: она жалеет, что так плохо использовала время в Heid<elberg'e>. Спрашивает о тебе, Сонюлочка, пиши мне на Hauptpostamt. А что у тебя с полицией?

Под белым стягом
Мы год и годы жили рядом:
Ты – под фатою белоснежной,
Невесты девственным нарядом,

¹ Дессуар, Макс (1967–1947) – немецкий психолог и эстетик.

Закрыв от мира лик свой нежный,
Я – в облаченьи мудреца,
В непроницаемом талите,
Провозглашал: Distiucte! Clare!
И недвижим был лед лица.
Завороженная сиестой
Безделья сладкого, тиха,
О том не ведая, невестой
Жила ты в сердце жениха.
А он, пылая тайным жаром,
Все так же ясно, точно, мерно
Учил о том, как все неверно,
И билось сердце под талитом.

(Дальнейшие строфы следуют). Сонюлочка, не огорчайся! Будь молодцом! Повидай Исид<ора>, Фридманов, не уклоняйся от встреч. За все время, кроме Рабинкова, никого не вижу почти. Только раз имел на днях беседу с той старой графиней, о которой рассказывал, а сегодня меня узнал в семинаре Jaspers и очень приглашал навестить его.

Занимаюсь и как-то весел. Надеюсь, что все будет хорошо! Будь и ты молодцом! Во вторник справлюсь на почте, нет ли чего от тебя. С добрым утром! Наверное, получишь в воскресенье утром.

Твой друг и преданный тебе А.

2. Аарон – Соне

4.11.23 Гейдельберг

Милый дружок,

Получил в четверг твое письмо от вторника, в среду отправил тебе свое второе письмо еще по старому адресу. Это первое письмо тебе в Schöenberg. За эти дни у меня ровно ничего нового не прибавилось. Кроме твоих писем, ни одного не получил. Занимаюсь довольно усердно, но рассказа не написал. Занят больше философией. Прочел почти все книги Cohen'а о религии с большим интересом. Напишу, пожалуй, рецензию и отправлю Гессену. На перевод Cohen'а мало

рассчитываю: почерк Bradt'a слишком явно говорит о его легкомыслии и неискренности².

На этой неделе должен был зайти к Jaspers'у по формальным делам, и это посещение превратилось в целый «визит» с часовой беседой en truis (+m-me). Бог ты мой! Какое беспросветное мешанство. В результате, боюсь, что придется участвовать в семинаре Jaspers'a: он меня пригласил das Nivenu's. Еще постараюсь выпутаться. Выяснится в среду. В расходах экономлю, но обходится дорого. За комнату придется, вероятно, платить больше 3D, так как, с уничтожением хлебной и других привилегий, г-жа Woting просто голодает.

Рабинков, очевидно, будет ездить во Франкфурт. В следующее воскр<осень> он едет во второй раз. Так прошла эта неделя. Соню-рочка, не тоскуй и не томись. Бери пример с меня. Кстати, с разменом. Посоветуйся, чтобы не очень терять.

Хотела ли бы ты заниматься с моей племянницей по-немецки? Может быть, написать об этом? Со времени отъезда из Берлина я не имел, впрочем, от брата ни строчки. Писала ли Сене, Фейдерам? (им я уже написал). Смотри, Сонюрка, будь молодцом! Как зубки? А теперь – продолжение:

Под белым стягом
Так годы шли волнистым шагом,
Скользя над временем. У края
Неслась ладья под белым стягом,
Беспечно с бурями играя.
Но путь доверив кораблю,
Я вновь обрел восторг свой юный,
Чтоб в час полночный, полнолунный
В тиши шептать: люблю, люблю!

Наряд люблю твой легковейный
И поступь тихую, как снег,
Твой облик трепетно-келейный,
Весь в дымке монастырских нег;
В душе твоей люблю журчанье
Прохладных и незвучных токов,

² Рецензию А. Штейнберг не написал; очерк «Г. Коген как воспитатель» был написан в 1920 г. и опубликован: Еврейская мысль. Научно-литературный сборник под ред. С. Гинзбург. Том I. Петроград. 1922.

А пуще – неизвестных сроков
И дней ликующих молчанье.
(продолжение следует)

3. Аарон – Соне

Dr. A.Steinberg, Heidelberg, Rahmengasse, 34 – Fr. Sophie Rozenblatt.
Berlin. Goethestrasse 52/1

6.IV. 1930

Последняя кратка из краткой отлучки в Гейдельберг автору трех краток – двух от пятницы и одной от субботы – Сонюрке [...]. Есть у меня просьба: если в Вашем чемоданчике уместится «смокингинд», т. е. черный пиджачишка, то захватите, пожалуйста, с собой. Кто знает, удастся ли еще в предпасхальную пятницу захватить его у Вас, а между тем мой черный костюм очень потрепан (имею в виду только пиджак!). Но если это неудобно, тогда не нужно, каким-нибудь образом образуется и это. Со всеми библиотеками покончено. Г-жа Литтих занята печением пухенов для Раб<инкова> и для меня. Вчера после обеда пили с ней вместе прощальный кофе в моей комнате. Вот какие бывают дела после краткой отлучки в «черные» края. Наступает время Реформации, значит – вперед, в Эйзенах – Ах! А.

4. Аарон – Соне

Вторник, 4. XII. 1934 London NW6 – Берлин

Дорогая Сонюрочка! Дело в том, что мне пришла в голову мысль написать рассказ на языке Переца и Абрамовича³. С воскресенья на понедельник я это сделал, и результат получился, на мой вкус, вполне хороший. Вчера прочел вслух домашним и «покорил», так сказать, всех. Сейчас должен еще немного подправить, но только в мелких штрихах. Выходит, что и это мне по силам. Если после напечатания будут хорошие отзывы, то это может даже стать практически по-

³ Т. е. на идиш.

лезным. Но не будем загадывать. Тема: еврейская старушка, доживающая последние дни в католическом доме призрения. Тон спокойный. «Все уже бывало» – оттененный легкой иронией; в слегка заштрихованном заднем плане – контраст двух религиозных мироощущений. Писание далось мне необыкновенно легко. Правда, я предварительно ясно все себе представил. Засев за писание в 11 вечера, я так увлекся, что прекратил лишь в шестом часу утра, когда дописал весь рассказ до конца. И вот Вам новое подтверждение лучшего состояния здоровья: вчера после шести часов сна, т.е. до полудня, я весь день не чувствовал даже головной боли и забыл, что у меня сердце в груди. Горячо обнимаю, люблю, как всегда, и остаюсь весь с Вами. А.

5. Аарон – Соне

London NW6 – Берлин

10. XII. 34

[...] Теперь о главном пункте. В последнем письме мать выражает желание меня видеть и пишет что-то о высылке денег для меня, но все это очень неясно как-то, и у меня впечатление, что она не хочет, чтобы я приехал теперь. Если через месяц будет ясность в этом пункте и деньги на дорогу, я буду считать, что достигнуто очень много. О «женитьбе» я до сих пор никому не говорил. Думаю, что, если б я сказал, отношения с домашними стали бы хуже, так как у меня чувство, что «аннексионистские аспирации» по отношению ко мне еще далеко не испарились. По этой причине я не могу еще писать об этом и Дав<иду> Осип<овичу>: это было бы здесь очень плохо истолковано. Затем, Соннорочка, Вы ведь понимаете, что я, по существу, предпочел бы остаться single, и для меня это лишь средство перевезти Вас сюда. Я предпочел бы всякую другую возможность. Больше, чем когда-либо, я убежден, что еврейству нужен монашеский орден. Впервые – в этом письме к Вам – записываю это на бумаге. Моя женитьба сделает невозможным для меня когда-либо выступить инициатором того дела, которое мне представляется, чем дальше, тем больше – самым насущным в ближайшем еще десятилетии. Подумайте обо всем этом серьезно. Мне жаль, что я так, второпях, затронул эту тему, занимающую меня с юных лет. Но я хотел бы, чтобы Вы – мой лучший друг – в Ваших помыслах видели меня совсем ясно. Может быть, для

Вас в этом есть нечто нежелательное, поделитесь со мною вполне открыто. Вообще мы не должны ничего скрывать друг от друга, дорогой мой дружок. *Я полон к Вам нежности, очень-очень люблю Вас* и хочу от всей души, чтобы на нашем небе, на том, которое только над нами, не было ни единого облачка. Если бы я знал, что у Вас есть терпение, что Вы верите в нашу звезду вполне, я бы вопроса о женитьбе не поднимал. Вот почему я и смотрю на весь этот проект как на «семейное событие». Но до того, как продолжать, я хочу услышать Вас. Подумайте и напишите. Только, ради Бога, дорогая моя Сонюрочка, не огорчайтесь. Ведь вам не внове, что я на этой планете чувствую себя гостем и по-домашнему никогда на ней не располагался. Еще я не достоин этого высокого звания «гостя». Говорю с Вами так, как ни с кем, и знаю, что мой голос дойдет до Вас. Будьте здоровы, дорогая Сонюрочка, крепко целую Вас и остаюсь Вашим преданным А.

6. Аарон – Соне

London NW6

17. XII. 34

[...] Очень рад, что вы меня правильно поняли в прошлый раз. Я, конечно, хочу сделать все, чтобы вы могли здесь быть. Мы об этом окончательно поговорим, когда увидимся при приезде. У меня такое чувство, что это в начале будущего года осуществится. Мне почему-то думается, что в приезде моем теперь заинтересована и Эсф<ирь> и что она повлияет в этом направлении на мать. На днях было письмо от Маки (кланяется и Вам!) и от Мули – и оба опять настаивают, чтобы я собрался поскорее в Ковну. Должен сказать, что, пожалуй, это даже лучше так ... План наш остается в силе. Теперь о других делах. Я бы очень хотел, чтобы Вы послали Ноцелю мою книжку... Сегодня вечером небольшое философское собеседование, на котором я должен быть. Будьте здоровы, дорогой дружок, бодры и благонадежны. Крепко обнимает Вас Ваш от всего сердца преданный А.

7. Аарон – Соне

3.1.35

А что, милая Сонюлочка, у Вас? Я понял, что Вы живете будущим, но Вы должны при этом не забывать, что возможность жить им – надежды – есть настоящая реальность. Так я отношусь к своему собственному настоящему, и это дает мне возможность даже над историей работать без раздражения.

Имел две продолжительные беседы на философские темы с Leo Strauss'ом, и это меня очень оживляет. Ведь дома нет ни минуты на разговор по существу. Написал в изд-во по поводу книги о Дост<оевском>, и удивляет меня лишь, что скоро три недели, как Яков Савельич не откликается на мое письмо к нему.

8. Аарон – Соне

11.1.35

[О доме брата] Эта жизнь, которую он ведет, сплошное верчение; всегда меж жерновами; просто некогда подступиться; затем инстинктивная боязнь новых забот. Недель шесть тому назад я заговорил об этом; я сказал, что хочу поговорить серьезно с ним одним; условились даже о дне, и в результате – ничего: если он даже забыл, то такая забывчивость сама по себе красноречива. Подсказали «забыть». В конце концов, это для меня вопрос чести, и не только моей. Если б оказалось, что Ваш приезд невозможен (чего я не хочу допустить), то я уеду из Англии, хоть бы на Литву, куда сумеете приехать и Вы. Вообще, это, вероятно, придется сделать, если у меня здесь через четыре месяца не будет больше никакого дохода. Внешне ко мне в доме отношение гораздо лучше, но понять, что у меня другой стиль жизни, это не в натуре брата, слепота которого – и главная его сила, и главная слабость.

9. Аарон – Соне

31.1.35

[...] К планам нелитературным принадлежит проект Вашего переселения сюда; надеюсь, что и он осуществится совсем скоро, так что Вы меня еще застанете в самый разгар работы над историей. Придется очень много переписывать, но тут Вы уже набили руку, не так ли, милый друг?

Если фран>цузский< перевод для Вас слишком трудная работа, отложите в сторону. В голове бродят всякие планы. Сверх заключительный вопрос: How are you? На что Вы должны ответить: Well.

10. Соня – Аарону

17 апреля 1947

Дорогой мой Арюся,

вчера получила твое письмо. Не сомневалась, что твое присутствие на заседаниях создаст в некотором смысле событие. Рада, что чувствуешь себя хорошо и что полет был удачен.

У меня тут все более или менее налажено. Сегодня получила счет от Miller'a – 23 фунта 10 шил. и высылаю им чек. Билеты переменяла на 1-й класс и узнала про поезда. Свои деньги (американские) в банке сегодня получу, но с твоими ничего нельзя делать до твоего возвращения. Одно не ладится – с Розенбаумом. Звоню туда уже третий день – сегодня утром опять звонила – и там никто не отвечает. Проверила в телефонной книге – номер правильный. Буду звонить еще сегодня. М<ожет> б<ыть>, он уехал, но неужели никого не оставил там? Не знаю.

Сегодня получился для тебя новый билет из British Museum и сообщение, что книги твои они передали в библиотеку. Получилось также письмо от Robinson'a с благодарностью за (нрзб). Из Америки пока ничего не было. Получил ли ты мое письмо в Clari? Дорогой, целую тебя, мой любимый. До свидания. С.

11. Соня – Аарону

19.11.50

Воскресенье вечером.

Дорогой мой любимочка, только что написала Маке и Герте, а теперь хочу послать тебе краткий привет. Теперь $\frac{1}{2}$ 8 вечера, в Париже $\frac{1}{2}$ 9-го, и ты м<ожет> <быть> в данный момент говоришь свое звучное «ивритское» слово.

Надеюсь, что ты хорошо устроен в Luteti'и вообще здоров и бодр, мой любимый. Пиши мне самые краткие весточки, но только не слишком редко.

У меня пока ничего нового, я всеми мыслями с тобой. Завтра вечером еще напишу. От всего сердца обнимаю и целую тебя. Сониа.

12. Соня – Аарону

4.2.52

Мой дорогой Арюся, с того момента, как в субботу вечером я в последний раз махнула тебе рукой на прощание и увидела тебя уже в легком тумане, у меня ничего нового и замечательного не произошло, а у тебя, вероятно, наоборот, без конца – новостей и встреч.

Придется уже терпеливо ждать твоего возвращения, чтобы услышать подробный рассказ.

От всего сердца надеюсь, что ты чувствуешь себя хорошо, что нет никаких физических осложнений и что комната у тебя хорошая.

Почта сегодня ничего, кроме «klum»⁴, не принесла. Я сама вчера целый день была дома и ни с кем не беседовала, кроме разве с самой собой. Но это уже в сфере тел «астральных» и «эфирных».

На этом кончаю, мой любимый; если будет что-нибудь экстренное, сообщу, а не то буду ждать твоего возвращения, чтобы продолжить беседу. Горячо, от всего сердца целую тебя. Твоя Софи-Сенига.

⁴ Klum – ничего (иврит).

13. Аарон – Соне

Hotel Carrera Santiago de Chile

Пятница 3-го июля 1953 г.

11.30 утра

Дорогая моя Санюэлита,

сейчас отправил тебе телеграмму, но момент настолько благоприятный – т. е. после Аргентины, откуда прибыл сюда после чудесного перелета через неповторимые Кордильеры, – что не хочу упустить его и пошлю вдогонку телеграммам еще коротенькое письмо, всего-навсего пятое по счету с самого 3-го мая (!!!) Во всем отдам полный отчет в свой час. В Аргентине еще живет древний канныбализм: меня там чуть не съели живьем, даже не изжаривши. В среду вечером был прощальный банкет, а вчера утром птичка улетела. Сразу прибавились новые силы для новых людей, речей и свежей партии взбитых и избитых комплиментов. Хоть мне предстоит один день в Б<уэнос>-А<йрес>'е на пути отсюда в Уругвай, но я всем сказал, что проведу его incognito, которое они считают испанским изобретением.

Большое спасибо за твое пожелание «счастливого пути» сюда, которое прибыло точно накануне отлета. С<емен> и Ф<анни>, верно, уже уехали. Очень жалею, что пропустил их на этот раз. Есть ли вести от брата? Я ничего не имею (сам виноват!). Очень сердечно кланяюсь Беате, и Жене, и Шуре, и всем добрым друзьям. Ведь даже ни одной видовой открытки не написал за все время! Этакое людоедство! Ну ничего, как-нибудь объясню, что трудно человеку «одному», да еще среди людоедов! От души Аарон.

14. Соня – Аарону

Б/д. 1956 Понедельник вечером

Дорогой мой Арюсичка, это моя вторая весточка тебе. Хотелось бы очень знать, как ты себя чувствуешь и не слишком ли у тебя неприятные впечатления от наших «деятелей». Надеюсь скоро получить от тебя хотя бы несколько строк. Видел ли уже Руню и других родичей?

Тут пока ничего нового. Почты еще не было. Сейчас была Векслер, которой я написала два письма – одно из них Dr. Streicher'у

(sic!) в Arlesheim bei Basel. Она сегодня очень огорчена, п<отому> ч<то> какая-то знакомая дама дала ей 55 лет – даже думала сегодня утром, что не стоит вставать. Комическая особа!

Завтра я собираюсь пойти в Anglo-Israeli Club на лекцию Когена.

Имеешь ли ты уже sleeping для обратного путешествия? Возьми заблаговременно, Арюся. Будь здоров, мой любимый, в среду напишу уже в Stelli. Крепко-крепко целую тебя. Твоя София.

15. Соня – Аарону

1956 Лондон-Париж Среда днем.

Дорогой мой Арюся!

Надеюсь, что ты получил два моих первых письма. На этот раз пишу уже в «Stella». От тебя пока еще ничего не было, хотя я очень надеялась, что сегодня утром получу весточку. М. б. придет с другой почтой. Хотелось бы уже знать хотя бы только, что ты здоров и неплохо себя чувствуешь.

Вчера была на лекции Когена. Он, между прочим, под конец сказал, что должен был быть в этот вечер в Париже, но отложил на среду свой доклад там и летит сегодня утром в Париж. Таким образом, ты получил неизвестным, т. е., неведомым тебе образом, привет от меня. Мыслитель он, по-моему, весьма слабоватый, говорит вещи слишком уж простые и очевидные и слишком благодушен – типичный английский раввин. Но иметь с ним дело вероятно приятно, так как он, как будто, глубоко приличный человек. Народу было гораздо меньше, чем в первый раз, человек 70–80.

Имеешь ли ты уже спальное место для возвращения? Жду вестей, мой любимый, горячо целую тебя. Всем сердцем твоя С.

16. Соня – Аарону

б/д [1956]

Воскресенье днем

Дорогой мой Арюсичка, писала тебе в последний раз в пятницу. Надеюсь, что шабес прошел у тебя хорошо и что ты вообще чувству-

ешь себя хорошо во всех отношениях. С облегчением думаю о том, что ты, наконец, через несколько дней будешь опять дома. Сегодня у тебя, я думаю, свободный день, и ты сможешь воспользоваться им, чтобы побывать в Лувре или на выставках. У нас тут сегодня густой туман, так что автобусы почти не ходят и царит белая тишина. В данный момент светлеет и начинает прорываться красное солнце.

Жду теперь от тебя сообщения о приезде. Писать больше не буду, так как едва ли дойдет до твоего отъезда. Будь здоров, мой любимый, всего, всего тебе доброго и счастливого пути домой!

Горячо целую. Твоя всем сердцем С.

17. Аарон – Соне

King David Hotel Jerusalem

Пон<едельник> 5 авг<уста> 1957. 3 ч. поп<олудни>

Дорогая Сонюрочка, это мое уже второе письмо. Вчера вечером получил твою вторую весточку от середины 31-го, в то время, как первую, от вторника, 30-го, я получал уже в пятницу 2-го авг<уста>. Разница в скорости, значит, сутки. Кроме того, мы, как известно, обменялись телеграммами. Передай, пожалуйста, А. Г., что от нее, кроме ее первой телеграммы, я вчера получил также письмо с вложением также от 31 июля. Напишу ей по пунктам; удастся ли сегодня, не уверен, так как каждые полчаса, когда я в отеле, звонок по телеф<ону> и заявка на 10 минут разговора не по телефону, а «лично», а после 6 (шести) надо будет приготовиться к посту.

Перейду теперь к делам семейным»: я только вчера поздно вечером кончил с научным съездом, который для меня означал добавочную цепь встреч и разговоров, но уже в субботу завязался на квартире Шазара второй съезд. Собрание омрачилось сообщением, о котором ты, вероятно, уже знаешь, что Вольфсберг внезапно скончался. Он должен был быть одним из участников второго совещания, и вот вместо этого мы в его первый день, в четверг 8-го, будем его хоронить. Останки завтра или послезавтра придут по воздуху из Берна. У меня в связи с этим много разных мыслей, и я, между прочим, под впечатлением того факта, как здесь воспринимают такие неожиданные удары судьбы.

Два года назад я был на свадьбе их сына, а теперь, увы и увы, на поминках. О дальнейшем: второе совещание затянется до 11 авг. Подумываю о том, чтобы вообще не выезжать из Иерусалима до самого отлета. В среду, 21-го, съездить в Тель-Авив лишь на один день, т.е. без ночевки. В Иерусалиме теперь сосредоточены все мои дела, кроме внутренне-израильских конгрессных. В крайнем случае, попрошу кого-нибудь из конгрессных пожаловать сюда из Тель-Авива. Там, все жалуются, очень влажно и душно. Хоть температура на 3-4 град. ниже (у нас сегодня, вот сейчас, почти 90 по Фар<енгейту>).

Печально, что вдруг и Вольфсберг отошел, и что скажу Софье Моисеевне и детям?

Хотел бы, чтобы ты совершенно не беспокоилась обо мне. Меня хорошо принимают, и я с интересом продолжаю изучать жизнь и людей. В субботу уединился на Горе Сионской, что против моего балкона.

Обо всем доложу в подробности, жду вестей, дорогая Сонюлочка! Твой весь А.

18. Аарон – Соне

Пон<едельник> 12-го, авг<уста> 1957 5 поп<олудни >
King David Hotel Jerusalem

Дорогая Сонюлочка, опять пишу карандашом для ускорения. Это мое четвертое письмо. Завтра две недели, что я здесь, и я все больше склоняюсь к мысли вернуться прямо отсюда.

Конгресс и плюс бесчисленные беседы, плюс частные дела, плюс темпер<атура> 85-86 Фарен<гейту> не могут не утомить, а у меня еще осталось много дела здесь: в Минист<ерстве> Просв<ещения>, в Минист<ерстве> по религиозн<ым> делам, в Агенстве. С вчерашнего дня здесь в отеле Нахум Гольдман⁵, и будет совеща<ние> с ним.

От Руни имею приглашение «в свою комнату», но боюсь, что не удастся воспользоваться.

Писал в последний раз в пятницу. С тех пор имел от тебя: вчера, V-ое, от вторн<ика>, 6-го (Тейша б'ав), а сегодня VI-ое, от пятн<ицы>, 9-ое. Большое спасибо!

⁵ Гольдман Нахум (1895–1982) – с 1956 до 1968 гг. – президент ВЕКА.

Мои новости: ухо поправилось. Ты все спрашивала об этом, а я не отвечал, потому что было без перемен. Но вчера, вернувшись к себе часов в 11 вечера, вдруг заметил, что часы тикают по-иному. Слышу и левым ухом как будто совсем нормально. Даже маленькие часики тикают в левое ухо вовсю. Объяснение всего этого одному Господу ведомо. Будем надеяться, что вернусь двуухим. Ведь на этот раз это затянулось на 2 ½ месяца с одним перерывом 27–28 июля. Очевидно, что старому Иерусалимскому дворянину здешний климат полезен. Кажется, что это теперь не просто случайный перерыв.

Вчера вечером взял слово в «Идеологических прениях» и – без написанного текста, как у всех почти здешних ораторов, – произнес на иврит речь в двадцать минут. Сегодня утром вернул исправленную мною стенограмму и сам удивляюсь, откуда что берется. С содержанием мало кто согласен, но многие поздравляли с красноречием на иврит. Совещание в полном ходу и кончится лишь в пятницу.

В пятницу вечером провел часа три с Вольфсбергами; завтра обедаю у Локеров; имею еще полдюжины приглашений. В субботу обедал у себя в отеле с Суцкевером. От А. Г.⁶ имею всего лишь одно письмо, на которое ответил. Передай, пожалуйста, сердечный привет.

Мне, действительно, не дают покою, опять внизу посетитель, а я, иерусалимский житель, говорю: «Мир Вам». «Ваш» А.

⁶ Анна Григорьевна Клаузнер.

Дружба и философия

Семен и Фанни Капланы

1. С. Каплан – А. Штейнбергу

5 декабря. 1943. Annapolis, Maryland

Вероятно, это будет более или менее точно, если я скажу, что вот уже года 1 ½, как я собираюсь вам написать. Дней десять тому назад у нас был Исаак Захарьевич, который сказал, что нечего собираться, а надо написать хотя бы пару строк. Это, как видите, привело к делу. Так как Исаак Захарьевич – непосредственный виновник письма, то прежде всего о нем. Внешне он не много переменялся. С тех пор (1936 год), как мы его видели, он немного постарел и немного пополнил. Поскольку можно судить на основании короткого нашего свидания, он был у нас день, он духовно прежний, то есть полон моральной активности и, пожалуй, умудрен опытом. Свидание с ним нам напомнило о последних 25 годах жизни.

О нас: с мая 1942 г., благодаря стараниям Якова Савельевича, я здесь учителем Colleg'a. Колледж этот известен тем, что он построен на чтении и изучении так наз. '100 big books' от Гомера, Эвклида до Толстого и Эйнштейна. У меня семинар по библии в традиционном толковании, веду я сейчас семинар по *Jeh^u Halevi*. Обучаю Эвклиду и участвую в ведении семинара для freshmen¹, в котором читаются греческие классики. Работаю я много и многому учусь. Здесь, в Америке, до Colleg'a, я, кстати, основательно проработал еврейскую грамматику и библию по РАШИ, мидраши и пр. Фанни Яковлевна преподает здесь очень успешно русский язык.

¹ Первокурсники.

Мы живем в 5 часах от Нью-Йорка и изредка бываем там. Здесь у нас есть пара знакомых – учителя Colleg'a и Яков Савельевич. Он, кстати, совершенно исключительный преподаватель.

Из общих знакомых упомяну о Черняке, который служит по-прежнему в своем учреждении. Рафаил Яковлевич с женой сдали врачебный экзамен и практикуют в Нью-Йорке.

О моей матери и брате я, конечно, ничего не знаю. Имели мы открытку от Мимы год тому назад, а затем и телеграмму. Она с матерью в Москве, Мима² в университете.

Два года тому назад умер в Ленинграде отец Фанни Яковлевны. Как вы поживаете? Исаак Захарьевич о вас и своей семье рассказывал. Постараюсь достать Вашу, Арон Захарьевич, статью. Может все же решиться нам написать или вам нужен еще бóльший толчок, чем Исаак Захарьевич дал нам.

Пишу только о личном, о всем другом ведь не скажешь. Немцев, вероятно, не позже будущего года сломают. Но Европа уже не будет той, какой мы ее оставили. Увидим ли мы ее еще раз?

Напишите нам. Сердечный поклон. Ваш С. Н. Может просто писать по адресу:

St. John's College, Annapolis, Maryland.

2. Ф. Каплан – А. Штейнбергу

22.1.44

Дорогие Софья Владимировна и Арон Захарьевич!

После долгих сборов Сем<ен> Н<аумович>, наконец, написал вам письмо. Но по моей вине оно пролежало еще больше месяца неотправленное. Очень трудно писать даже о простых личных фактах – как живем, что делаем и пр. Вы это понимаете, вы ведь тоже не писали нам очень долго.

На Рождестве мы были в N.Y. и видели опять Исаака Захарьевича и Аду. Об Ис<ааке> Зах<арьевиче> могу сказать, что, несмотря на некоторый след от прожитых лет, он в сущности – все тот же внутренне и внешне. Мало постарел, полон энергии, нисколько и ни в чем не изменил своих идеалов. Мы были очень рады этой встрече. То, что по-

² Племянница С. Каплана

зади, такое далекое и как будто из другой жизни, вдруг приобретает полную реальность в таких встречах.

Об Аде, конечно, мало сказать, что она изменилась. Я ее видела в последний раз подростком, сейчас она взрослая. Прекрасно выглядит, работает, заботится об отце, Анна Сол<омоновна>³ может быть спокойной за них обоих. Я обещала Аде, что напишу Вам, а Вы передадите Анне Сол<омоновне> наш привет и о них, что у них все в порядке.

Как вы живете? Пришлите книжку с Вашей статьей, Арон Захарьевич. Здесь этот журнал трудно достать. О нас Сем<ен> Н<аумович> в общем все написал. Он много работает, я занята уроками и, кроме того, несколько месяцев как работаю в библиотеке College'a. Мы живем, как всегда, довольно уединенно, но все же ближе к «местной» жизни, чем во всех предыдущих эмиграциях. Семен Н. уже неплохо говорит по-английски, я тоже говорю.

Сердечнейший привет вам и всего доброго. Напишите хотя бы коротко. Ваша Ф. К.

3. С. Каплан – А. Штейнбергу

20 августа 1946 г. Clemons, N.Y.

Дорогой Арон!

Я очень виноват перед Вами, что не ответил Вам на Ваше письмо от апреля месяца. Вы-то ответили непосредственно по получении моего письма. Я хотел сделать то же, потом стал откладывать с одного конца недели на другой и, хоть по субботам все еще пишу, так и не написал Вам.

Когда-то, как Вы знаете, я писал письма легко, но теперь и письма писать стало труднее. Только отчасти я могу сослаться на то, что во время терма у меня много работы, и это в последнее время, особенно в последний год, я чувствовал постоянную усталость. Последнее частично объяснялось воспалением горловых желез. Несколько недель тому назад, под руководством Рафаила Яковлевича, мне железы вырезали. Анализ моей крови «показал», что теперь после операции должна начаться новая жизнь так сказать, жизнь с нормальной усталостью.

³ А. С. Штейнберг, жена Исаака Штейнберга.

Сейчас у нас каникулы, и мы, чтобы избежать annapolis'овскую мокрую жару, на американской ферме на севере от Нью-Йорка.

Я уже несколько раз садился за письмо Вам, но все не пишется. Начну с книги памяти Рабинкова. Никто, кроме Вас, этого не сдвинет с места. Удивляет меня Wolfsberg⁴, который мне в свое время в Нью-Йорке сказал, что это у него на совести, что в нынешнее время этого откладывать нельзя и что он с Вами снесется. Написали ли Вы ему, Барту, Simon'у⁵?

От жены Рабинкова, которой я в свое время ответил, я ответа не получил. Я ей на днях напишу, но я думаю, что о сборнике должны написать ей Вы. Возможно, что она уехала в Палестину, куда собиралась. Когда буду в следующий раз в Нью-Йорке, я снесусь с Фромом, чтобы выяснить, кто из учеников Рабинкова в Америке.

Повидаем мы также Исаака Зах<арьевича>, если он уже вернулся. В прошлом году мы видели всю семью. Мита произвела на нас очень хорошее впечатление. Она просто очаровательна и, видимо, не отравлена ядом журнализма. Леву мы видел мельком, но я вижу его статейки в журнале брата. Ада очевидно имеет целый ряд качеств, которые в этой стране дают возможность сделать журналистскую карьеру.

Видел я том Еврейской энциклопедии⁶ с Вашими статьями. По приезде в Annapolis я этот том выпишу для College'a и Ваши статьи прочитаю.

Что Вам рассказать о нас? Я много работаю, и работа интересная, так как все время читаешь и обсуждаешь только хорошие книги. Вне программы я продолжаю вести еврейские классы. Я многому учусь. Фанни Яковлевна по-прежнему работает в библиотеке, преподает русский и читает те же «хорошие» книги.

Мне трудно Вам ответить по поводу России. Сказать правду, у меня нет «чувства России», как Вы пишете, и я просто не знаю и не вижу процессов за «железным занавесом». К несчастью, русским «бесам» революция удалась лучше, чем французам (они не были бесами, хоть в разум какой-то верили): Робеспьер и Наполеон, победивший

⁴ Авиад Вольфсберг Йешуа (1894–1957) – детский врач в Берлине, ученик З. Рабинкова, глава движения религиозного сионизма «Мизрахи», в Израиле – организатор медицинских учреждений, посол в Скандинавии и Швейцарии.

⁵ Барт Аарон – ген. директор Гос. Банка Израиля с 1947 г., Симон Эрнст (1900–1988) – педагог и философ; основатель двунациональных групп в Израиле.

⁶ The Jewish People Past and Present. Vol. 1, Jewish Encyclopedic Handbooks. 1946. New York.

под Москвой в одном лице или в лице партии, все еще сидит, и уж этому больше четверти века.

Именно благодаря тому, что русская революция «удалась», власти удалось растлить Россию и русского человека, как еще ни одной революции не удалось. Я поэтому сомневаюсь, в каком смысле после революции можно говорить об органической непрерывности в России.

Я боюсь, что тип нового русского молодого человека – это тип «советского американца». Должно пройти много, много времени, чтобы новая Россия начала искать свои настоящие истоки и возродиться в России. На ближайшее же время новая советская интеллигенция мыслит в терминах, навязанных ей революцией, и лишь считает, что для мощи и эффективной работы империи необходим какой-то порядок (с какой-то «законностью»), которую тирания обеспечить не может.

Мне сейчас кажется, что русская революция, по сути дела, не сформулировала и не решила ни одного вопроса: ни государственно-правового, ни экономического, ни национального. Революция дала России просвещение. Но, Боже, в каком виде: в виде пропаганды и специализации, с исключением самого ценного – религии и мысли. Мне кажется, что теперь, правда, больше людей в России могут читать и писать, но гораздо меньше могут отличить добро от зла.

Результаты этого просвещения уже теперь сказываются в самом Кремле. Оттуда не идет ни одной мысли, кроме власти сапога. Оттуда смердит разлагающимися мощами «Маркса, Ленина, Сталина». Впрочем, из Кремля всегда смердило мощами, и в этом есть какая-то непрерывность Византии.

Перечитывая, что я Вам написал о России, я вижу, что это не то, что я хотел сказать. Может быть, все это можно сформулировать так: революция в России победила, потому что в России широко разлито было то, что можно назвать христианской моралью. Именно это нас в России привлекало. Но революция именно это в корне постаралась уничтожить и заменить более «надежным» средством: тоталитарной организацией и просвещением в упомянутом выше смысле. Это в значительной степени удалось. Удалось воспитать новое поколение без понятия о праве и законности. Отойдя от христианства и права, Россия ушла от себя и Запада в Азию, захватив из Европы «интеграл». Под Азией я понимаю тиранию, преклонение перед голой властью.

Что можно ждать хорошего от этого процесса? Разве если только рассуждать, что люди, пережившие и испытывшие весь ужас и пустоту тирании, будут ценить обратное, т.е. право, закон, человечность.

Вот я все же написал Вам и обещаю писать и впредь. Так что и Вы пишете. Напишите о Софье Владимировне, о себе. Как Ваше здоровье, что Вы делаете.

Жму Ваши руки, сердечный вам обоим поклон.

Ваш Сеня.

Яков Савельевич просил Вам кланяться.

Р. С. На днях я получил сведения, что Разумник скрывается в Гамбурге. С другой стороны, кто-то сказал мне, что он умер. Карсавин живет в Вильне и читает историю искусства.

4. Ф. Каплан – А. Штейнбергу

20. 8. 1946. Clemons, N.Y.

Дорогой Арон Захарович,

Мне очень хотелось бы побеседовать с Вами о России и о многом другом, что происходит сейчас в мире. Но письменная беседа все время прерывается, говоришь не то и не так, как хотелось бы сказать. К тому еще «не пишется».

Прошлую зиму я целиком прочла 2 том Федорова «Философия об<щего> дела». Признаюсь, я была под большим впечатлением от этой, по-моему, «русской из русских» книг. Трудно понять современную Россию, потому что трудно увидеть непрерывность развития ее духовного пути от христианства к большевистскому марксизму (если остановиться только на одной из главных «загадок» России). Федоров как будто увидел проблему и искал пути к решению ее. У него наука должна служить религии и «общее дело» есть религиозно-научное воскрешение мертвых. Звучит все это странно (местами примитивно дико), но в чем-то через него я вижу современную Россию. Сем<ен> Н<аумович> решительно не признает ни примитивизма фед<оровско>го мышления, ни «машинного» воскрешения мертвых. В этом примитивном мышлении есть, однако, большая сила «действительности» – в этом тоже много чисто-русского, – как и в глубоком гуманизме его мышления. Я пишу о Фед<орове>, потому что как же почувствовать Россию, если не хотеть окончательно поверить, что Сталин и ГПУ есть последнее, что Россия дала миру.

Мы еще остаемся пару недель на ферме. Проездом через N.Y. мы повидаем Вашего брата и его семью. В начале сентября мне надо вер-

нуться на работу, у С. Н. начало занятий 20.9. Во время термина мы много работаем, у меня, кроме всего, ведь и хозяйство. Но, к счастью, работа в библиотеке мне по душе.

Сергей Яковлевич и Маруся в N.Y., у них все по-старому. Маруся часто приезжает в Annapolis. Из России имеем письма очень редко, много пропадает, посылки тоже. Сердечный привет Вам и Софье Владимировне привет. Пишите нам о себе. Всего доброго.

Ваша Ф. К.

5. С. Каплан – А. Штейнбергу

30 декабря 1946

Дорогой Арон Захарьевич!

В конце лета, кажется, в августе, я Вам писал. Сейчас у меня две недели каникул, и я хочу этим воспользоваться, чтобы написать Вам.

В моем последнем письме я писал Вам о Рязумнике Васильевиче. Недавно был здесь один хороший знакомый, который его видел месяца два назад. Он его с большим трудом разыскал, так как Р. В. скрывается, боясь выдачи. Сейчас он в относительной безопасности и сохранности, и о нем даже заботятся материально. По рассказу моего знакомого, Р. В. – глубокий старик, замученный жизнью, а последнее время – страхом выдачи.

До войны он жил в Минске, очевидно, в ссылке. Немцы его хотели послать на работу в оккупированную область, но он отказался. По рассказу моего знакомого, большевики его ищут, но пущен слух, что Р. В. умер. Поэтому то, что я Вам пишу, строжайший секрет. Если Вы хотите написать, Вы можете сделать это через меня. Обращение должно быть «дорогой Т.»

В свое время я писал Вам из деревни и думал по дороге в Annapolis увидеть в N.Y. Исаака Захарьевича, Фромма и др. Но я никого не застал в N.Y. Они были в отъезде. Так что я ничего для Рабиновского сборника не сделал. Написал в августе заказное письмо жене Рабиноква, но ответа не получил, а письмо не вернулось.

Как Вы и Софья Владимировна поживаете? Может, соберетесь и напишете?

У нас все по-прежнему. Мы много работаем, устаем. Но работа ведь относительно хорошая и дает хлеб. Чего же можно еще желать?

Из Москвы мы имеем письма. Они там очень, очень трудно живут, как нам теперь сообщила польская беженка, вернувшаяся в Варшаву. От Веры Израилевны мы тоже имеем время от времени письма. Она живет с семьей брата в Ленинграде.

[...]

Сердечный Софье Владимировне и Вам от Фанни Яковлевны и от меня привет!

Ваш С.

6. Ф. Каплан – А. Штейнбергу

19.12.48

Дорогие Софья Владимировна и Арон Захарьевич!

Сегодня получила Ваше, Арон Захарьевич, письмо и решила сразу ответить. Письмо это нашей встречи как раз в эти дни в Annapolis'е у нас. Дома я одна. Сем<ен> Н<аумович> уехал на несколько дней в N.Y. Он очень устал и сразу после конца термина решил уехать в N.Y., переменить обстановку и показаться Раф<аилу> Яков<левичу>. Сейчас говорила с Марусей по телефону, в N.Y. сильная снежная буря (помните прошлой зимой снежную бурю, так вот вроде этой), и Сем<ен> Н<аумович> не может вернуться в автомобиле (с Яковом Савельев<ичем>) завтра или послезавтра. У нас в Annapolis'е снег и слякоть, обычная рождественская погода здесь.

Из Вашего письма вижу, что ваш приезд в N.Y. пока отодвинулся, и вы как будто совсем не спешите уехать из Англии и Европы.

По-моему, то, что Вы и другие пытаетесь делать для евреев в Европе – совсем не фантастическое занятие, а очень, очень нужное. Евреи связаны с Европой, часть останется жить в Европе, и, по-моему, неважно, сколько останется, а как останутся. Без настоящей духовной поддержки те, которые остались и перенесли всё, имеют право и должны получить эту поддержку. Конечно, могут быть доклады, сошествия и пр., – не самый прямой и не самый действительный путь для «культурной реставрации», как Вы пишете. Но как мало ни делается, все же лучше, чем ничего не делать.

Вы пишете: в Лондоне «дышится естественнее». Так ли это и в Париже? Как выглядит сейчас Париж? Конечно, я больше, чем хорошо, помню Париж, но именно как «дышится» в Париже и вообще

в Европе, после 8 лет начинаю забывать. Хотелось бы повидать Европу, но, конечно, об этом и думать нечего. Планов на лето у нас еще никаких нет, но, если и будем развезжать, то по Америке.

Рада, что Вы, Софья Владимировна, лучше себя чувствуете. После климата N.Y. даже Лондон, вероятно, кажется климатической станцией. Тепло ли у вас в квартире? А как с посылками, не нуждаетесь ли в них и не начать ли вам посылать их?

Как Александра Л<азаревна> и Розалия Ал<ександровна> поживают, как их здоровье?

Связались ли Вы, Арон Захарьевич, с женой Рабинкова? Кого Вы в Париже и Лондоне еще видели из общих знакомых?

Из России письма от матери приходят все реже и реже. А Мима и совсем перестала писать, боятся очень.

Спасибо за вырезку, любопытно, что этот сэр сказал обо всей программе. Говорят, St. John's лучше, чем Chicago College. И однако и здесь весьма много проблематичного во всей затее.

Сердечный вам привет. Всего наилучшего в Новом Году. Пишите о себе.

Ваша Ф. К.

Напишите о посылках.

7. С. Каплан – А. Штейнбергу

24 января 1949

Дорогие Софья Владимировна и Арон!

На ваши письма следовало бы вам ответить гораздо раньше. Фанни Яковлевна это сделала, я же откладывал, так как работы у меня много, и я всегда не успеваю за ней.

Узнал я о том, что Эсфирь Соломоновна умерла. Вы, вероятно, об этом уже знаете. Как я слышал, она была до того уже целый год очень больна и должна была вести очень спокойный образ жизни, но это ей не удавалось. Она продолжала хлопотать по дому и работать. Я слышал, что незадолго до ее смерти Анна Соломоновна заболела, Ада должна была рожать и Эсфирь Соломоновна поэтому уже совсем не могла смотреть за собой.

Хороший она была человек. Она как-то незаметно отдала свою жизнь на детей сестры, дела Исаака и другие добрые дела.

Не знаю, как здоровье Анны Соломоновны и что у них там вообще. Как Исаак Захарьевич? Вероятно, теперь о Freeland, особенно в Америке, мало кто хочет слышать.

Очень меня порадовало, что Вы, Арон, работаете по восстановлению еврейской культурной жизни. Хотя Вы и пишете о фантастической канцелярии с очень специализированными департаментами и секциями, я думаю, что, вопреки этому, Вы как раз сможете вести это дело к корням и истокам, которые не разменивают себя во множественности. Работа эта стоящая, и очень мало на «еврейской улице» людей, которые знают, в чем суть еврейской жизни. С другой стороны, мне кажется, что те евреи, которые остались в Европе и прошли через все, сами не захотят восстанавливать множественной несущественности, а захотят хлеба насущного в духовном смысле.

Как я понимаю из Вашего письма, Арон, Вы в «солидном» воздухе Англии задержитесь. Вы очевидно не хотите приехать без того, чтобы в «канцелярии Абрамович-Менеса⁷ был какой-то органический порядок, а не департаменты» и «секции». Боюсь, что это трудная задача. Ведь Абрамович и Менес провели всю жизнь во «фракциях» и «секциях» и именно поэтому нуждаются в наведении порядка извне или из другого принципа.

Слышали ли Вы что-либо о жене Рабинкова?

Мы очень рады, что Софья Владимировна хорошо поправилась. Видимо, Вы оба себя хорошо чувствуете.

У нас все по-прежнему. Если не считать, что я в шестом десятке недавно сдал опять шоферский экзамен. Мы переняли у Серг<ея> Яковл<евича> очень старый автомобиль, и я уже совсем, как современный Фауст, через машину молодею.

Напишите нам опять. Сердечный вам обоим поклон
Ваш С.

⁷ Рафаил Абрамович и Б. Менес – члены Фонда им. С. Дубнова по изданию Еврейской энциклопедии.

8. С. Каплан – А. и С. Штейнбергам

8 авг<уста> 1949. Blue Mountain Lake
Дорогие Софья Владимировна и Арон!

Получили в свое время Ваше, Арон, письмо и очень были рады ему и быстрому ответу. Я тоже решил не откладывать ответа, тем более, что теперь-то у меня и время есть. На днях мы возвращаемся в Annapolis, а 26-го начинаются классы. Мы здесь отдохнули и как-то в этом году избежали жары, а теперь уже, если и придется терпеть, то уж очень недолго.

Очень был рад, что Вы встретились с женой Рабинкова и ее полюбили. Она Вам, вероятно, много рассказывала о его последних годах. Надеюсь, что ваша южно-американская поездка осуществится, и вы о пути заедете сюда и расскажете нам. Насчет сборника памяти Рабинкова мне кажется, что важное это обработать оставшийся материал, а что касается статей, то их должны писать только люди, которые могут сказать что-либо по существу о том, что он учил или о нем самом. Сентиментальные же воспоминания части его немецких учеников, которые, по сути дела, Рабинкова не видели, по-моему, не нужны. Что касается меня самого, то я думаю, что, по сути дела, да еще «черным по белому» – вряд ли что-либо могу написать.

Прилагаю Вам вырезку, которую я случайно увидел в газете о Разумнике⁸. Из того, что я читал о всяких невозвращенцах, теперь яснее поведение Разумника: было много людей внутри России, даже евреев, которые не представляли себе, что такое гитлеризм. И было много людей не евреев, конечно, которые, узнав, что такое гитлеризм, считали, что раньше всего надо бороться с большевизмом. Думаю, что Разумник принадлежал к первой категории, но скоро одумался и увидел, что ошибся, дав в русскую газету свои статьи.

Кстати, в Нью-Йорке в приемной у Рафаила Яковлевича я видел Чернова⁹. Он очень постарел, ходит не без труда. Неподалеку сидел Дюбуа¹⁰ со мной. Дюбуа так шипел на Чернова, что я его вывел из комнаты. Шипел же он: «я этого человека ненавижу с первого дня,

⁸ Заметка «К судьбе Иванова-Разумника» из газеты «Новое русское слово» за 14 авг. 1949 г.

⁹ Глава партии эсеров, теоретик социализма, публицист В. М. Чернов (1873–1952) был широко известен до революции. Председатель Учредительного собрания; министр земледелия Временного правительства, эмигрировал в 1920 г. в Прагу и Париж.

¹⁰ Дюбуа А. Э. (1881–1958) – юрист, меньшевик, «коллега» Чернова: в 1917 г. зам. Министра Временного правительства; выслан в 1922 г. С 1940 г. в Нью-Йорке.

как я приехал в Женеву и увидел, как он уплетает и как потом бросился плясать русские танцы». Между прочим, я вспоминаю, что и Рабинова поразил аппетит Чернова, когда он его увидел в Haeberlein'e.

Рафаил Яковл<евич>, Фанни Яковлевна и Генриетта Мироновна вам кланяются. Всего вам обоим доброго к Rosh ha-Shana
Ваш С.

Приписка Фанни:

Дорогие Софья Владимировна и Арон Захарьевич, через 2 дня мы уезжаем отсюда в N.Y. и Annapolis. Начинается опять трудовая жизнь. Но слава Богу, что есть работа, сидеть без дела даже на даче надоедает. Что у вас? Как с поездкой в Ю<жнюю> Ам<ерику>? Как здоровье? Сердечнейший привет и всего-всего доброго в Новом Году. Ваша Ф. К.

9. А. Штейнберг – С. и Ф. Капланам

Вторник, 22 сент<ября> 1959 г.

Дорогие друзья, спасибо за письмо от 3 сент. Мы его нашли здесь, вернулись после почти восьминедельного отсутствия (уехали, вернее, улетели в конце июля в Стокгольм, а оттуда полетели в Швейцарию и лишь в конце прошлой недели дочертили треугольник Лондон-Швеция-Швейцария-Лондон). Еще до отъезда слышал от Як<ова> Сав<ельевича>, что Вы, дорогой Сеня, будете продолжать работу в Colleg'e, и очень рад этому. Приятно также знать, что Вы принялись за Cohen'a, и желаю Вам успеха и в этом новом начинании. Хотя давно не писал, но имел случай поговорить о вас обоих в марте с Ис<аией> Берлиным и Ник<олаем> Вл<адимировичем> Набоковым, а затем с Клейном. Были и другие случаи. Скоро увидим М<арию> Як<овлевну> и Серг<ея> Як<овлевича> (получили от них сообщение о приезде сюда в конце месяца) и продолжим расспросы. Жаль только, что бюллетень о здоровье не вполне удовлетворителен. Вы, милая Фанни Яковлевна, правда, склонны с этим мириться, но мне и по сей день кажется, что «стареть» ненормально. Потолкуем об этом, когда увидимся. Этой весной я чуть не прикатил в Америку, а теперь вижу, можно ждать вас в Европе. Очень, очень рады будем повидаться.

Первые месяцы этого года я был занят писанием подробного биографического очерка для сборника памяти брата. Тема моя была: дет-

ство, отрочество и юность, т. е. период 1888–1914. Писал, хоть по необходимости лишь урывками, с большим увлечением. Чего только не было в те годы! Постарался включить отчетливый силуэт Рабинкова. Когда книга появится, хотел бы, чтобы она была и у вас.

А так дела не оберешься. Вот только что вернулись, а в воскресенье надо снова ехать в Париж на несколько дней. Временами порядочно устаешь, но, по-моему, это не «собачья старость», как любил говорить Разумник Васильевич (и подумать только, ему тогда было меньше пятидесяти!), а коли разрешите – «мудрость» конца седьмого десятка жизни: хочешь – не хочешь, а люди делаются в такой перспективе как бы прозрачными, и детская их хитрость (думают, что их не видно, когда прячутся) утомляет однообразием.

Огорчает меня, кроме того, многое в нашей еврейской жизни, хоть мы ни в коем случае не хуже других – а вот почему не лучше? Ясно, это – врожденное пристрастие.

Кстати, а, может быть, и не кстати – я старался понять брата, когда писал о нем, и еще раз убедился, что личность – вечная тайна: и для себя самой, и для других. С этим, надеюсь, мы все согласимся...

На этом ставлю многоточие. Надо оставить место для С. В., которая, слава Богу, держится недурно, но «толпы» не переносит – нигде и никакой, а я ведь всегда «в толпе». От всей души желаю вам обоим всего доброго и шлю самые сердечные приветствия к Новому году. Le-Shana tova.

Ваш Аарон.

С. В.: Дорогие Ф. Я. и С. Н., и я от души рада, что ваше ближайшее будущее сложилось хорошо. Верю, что будет так и дальше. Ар<он> Зах<арович > так подробно на этот раз рассказал вам о нас, что мне остается также поблагодарить за добрые ваши мысли и чувства и вернуть их вам в усиленной степени.

Сердечно С.

10. А. Штейнберг – С. и Ф. Капланам

Среда, 2 ноября 1960

Дорогие Сеня и Фанни,

Подумать только, что завтра два месяца, как мы распростились в Беатенбурге. Вижу вас обоих, как если бы это было бы вчера¹¹, а сколько всякой всячины набилось в эту всего лишь двухмесячную коробку! От С. В. уже получили отчет о заключительной части нашей передышки в Швейцарии, а <Мария> Як<овлевна> передала вам, конечно, что я съездил благополучно в Париж между Новым годом и Йом-Киппуром. К французскому докладу я успел подготовиться лишь по возвращении из Швейцарии, где, впрочем, вели в последние дни беседы почти исключительно по-французски. Доклад и прения будут напечатаны, участвовало в обсуждении не меньше 14 душ, и проф. Jankelevich¹², о котором вы слышали, приветствовал мой подход как типичное проявление духа русско-еврейской интеллигенции. Когда том выйдет из печати, пришлю вам его. Тут дел и посетителей – нескончаемая череда, а 13-го сего месяца снова надо в Париж на три-четыре недели (Генеральная конференция ЮНЕСКО). С. В. едет со мной, парижский адрес еще не известен нам в точности, но можно писать по адресу Бюро.

Спасибо Вам, дорогой Сеня, за справку о Rosenzweig'е. Ошибка – моя: его статья, о которой мне говорили, напечатана не в *Zweistromland*, а в новом томе «*Franz Rosenzweig, kleinere Schriften*». Berlin. 1957, на стр. 536 он пишет по поводу статей о Библии в IV-ом томе «*Encyclopedia Judaica*» [далее выписка – из статьи – *Н. П.*], выписал все это дословно, потому что, если я Вас правильно понял, вы склонны пренебрегать «идеей эволюции», между тем, как из этой выписки как будто следует, что Р. допускал возможность реального примирения эволюционной точки зрения с действительной «вечностью» Священного Писания.

¹¹ Письма А. Штейнберга по тону близки к его дневникам, напр.: «...в июне снова отправился в Париж с С. для разных съездов и участвовал в Комиссии экспертов для выработки текста Конвенции против дискриминации в образовании (ЮНЕСКО). Затем вернулись в Лондон. В Париже встретились с С. и Ф. Капл[анами] (из Аннаполиса, Мэриленд и далекого прошлого). Затем с ними в августе–сент<ябре> в Беатенбурге около Интерлакена и т. д.». Дневники. Вох. VIII.

¹² Владимир Янкелевич (1903–1985) – философ, преподавал этику и моральную философию; был близок к экзистенциализму.

В книге Rosenzweig'a, присланной мне из Швейцарии, есть много интересного и часты ссылки на Cohn'a. Если Вам трудно раздобыть эту книгу на месте, постараюсь получить ее для вас.

В связи с книгами: я все еще не дочитал томик Leo Straus'a и воздерживаюсь от суждения до того, как будет выслушана и altera pars¹³, т. е. Алекс<андр> Влад<имирович>¹⁴, но если вам книга нужна, черкните два слова; я вышлю ее еще отсюда, а в Париже достану другой экз.

Какие только не бывают совпадения! На днях я получил неожиданное напоминание, что исполнилось пятьдесят лет моей «литературной деятельности», так сказать: в напечатанных в России письмах Брюсова к П. Струве есть письмо, в котором Брюсов пишет о моей первой статье в «Русской мысли» и прибавляет: «Если опыт его (т. е. Штейнберга) окажется удачным, я буду гордиться тем, что хоть одного человека направил на правый путь». Дело идет о моем обзоре новейшей немецкой эстетики, напечатанном в феврале 1911 г., но написан он был в Heidelberg'e в ноябре 1910 г.

Нечего говорить, что я не принимаю по поводу этого «50-летия» ни поздравлений, ни соболезнований. Давайте продолжать переписку до следующего свидания с С. В. и со мной. Ваш А.

11. С. Каплан – А. и С. Штейнбергам

20 ноября 1960 Семен

Дорогие Арон и Софья Владимировна,

Уже больше двух недель прошло, как мы получили Ваше, Арон, письмо, а с тех пор, как мы расстались в Beatenberg'e (я теперь как-то больше чувствую красоту этого места!) прошло уже 2 ½ месяца. Для нас это время не было таким длинным, как для Вас, Арон, так как, не говоря о разнообразии, Ваша жизнь утомительнее.

Вы, кстати, ни словом не упоминаете, как Вы оба себя чувствуете. Мария Яковл<евна> по приезде сюда, рассказала, что Вы, Арон, уже

¹³ Другая часть (лат.).

¹⁴ Кожевников Александр Владимирович (Кожев, 1902–1968) – русско-французский философ. В 1920 г. бежал из России через Польшу, учился в Гейдельберге (ученик К. Ясперса) и Берлине, под руководством Г. Риккерта писал диссертацию о В. Соловьеве. В мае 1926 г. уехал во Францию, где Штейнберг с ним и познакомился. См. Дневники. С. 97.

опять устали и были в свое время довольны, что Вам только через месяц придется ехать в Париж. Надеюсь, что пребывание в Париже не слишком утомительно и Софья Владимировна Вас оберегает от «излишеств».

Пятидесятилетие Вашей литературной деятельности я все же не могу обойти молчанием, так как из этих 50 лет я не только 46 лет Ваш читатель, но и собеседник, что, по-моему, гораздо важнее. Перефразируя Брюсова, я скажу, что, если Ваш опыт со мной удачен или не удачен, то последнее по моей вине¹⁵. Я очень надеюсь, что Вы все же сможете вырвать у Congress'a время и написать об этих 50, в последнем счете, страшных годах.

Вашу статью о Библии, о которой писал Розенцвейг, я очень хорошо знаю. С какой-то поры она у меня лежит в немецком издании Библии, которую я купил еще в Carpenau. От времени до времени я ее перечитывал. Мне в ней нравится именно надвременной характер Библии, который Вы подчеркиваете. Я уже не помню, в какой мере Rosenzweig допускал эволюционную точку зрения – он ведь был, так сказать, ученик Гегеля, но мне кажется очень важным всегда быть настороже *Ze be-zel*, между Библией и философией истории. Спасибо за Ваше предложение прислать Rosenzweig'a. Его и здесь можно достать, но я теперь его читать не могу. Перевод и College отнимают все мое время. Я за это время слабо переводил. Мне осталось перевести еще 125 страниц. Собираюсь я предложить: *Judaism*. Выдержки из *Cohena*. Надеюсь весной кончить перевод вчерне и потом искать издателя и редактора. Вот Вам все наши новости. Будьте здоровы и смотрите за собой и пишите. Ваш С.

Фанни

Дорогие друзья! Вот вы опять в Париже и, может быть, в том самом месте, где мы в начале лета провели много часов вместе. Мне Париж и Европа кажутся такими далекими, почти недостижимыми, хотя в памяти моей совсем свежо [...].

По поводу 50-тия хочется сказать: часто читаешь в предисловиях к той или иной книге, что автор «по настоянию друзей» опубликовал свой труд. Почему «настояния» друзей в Вашем случае не действуют – не знаю. Но я не верю в то, что работу в Congress можно совместить с какой-либо другой работой, а Congress за Вас держится крепко [...] Ваша Ф. К.

¹⁵ См.: «...если получилось хорошо, то это вина не моя, а Вергилия». М. Л. Гаспаров. Гильдия переводчиков. Литературное обозрение. 1998. С. 91.

12. А. Штейнберг – С. и Ф. Капланам

10.12.61

Дорогие мои, Сеня и Фанни, вот тебе и «скоро»! (это я по поводу заключительного напоминания Вашего, дорогая Фанни, «написать скоро»). Ваши письма у нас с самого второго числа прошлого месяца, и откликнуться хотелось немедленно, да мало хотеть, когда летишь не по своему расписанию [...].

Работы у меня больше, чем обычно. В последние месяцы много времени уделял христианским делам и чуть не укатил в конце ноября в New Delhi (в связи со съездом не католических церквей), но, слава Богу, обошлось и без меня. Зато предстоят всякие другие поездки, включая одну в Палестину, но, к сожалению, не в Америку. Говорю «к сожалению», потому что весьма был бы рад повидаться с вами на полпути от осени к осени. Будем ждать лета!

Спасибо за новости, Ф<анни> Як<овлевна>. Я все еще возвращаюсь мысленно к эре Наумыча¹⁶ и к заключительной главе его жизни. Ваше последнее свидание с ним, дорогой Сеня, относится к времени после нашего отъезда из Петербурга (декабрь 1922 г.), и я не помню, чтобы Вы когда-либо подробно об этом рассказывали. А Жене (Евг<ении> Львовне), по моим выкладкам, теперь не менее 77, и должен признаться, что мне хотелось бы еще встретиться с ней – ради Наумыча, ее самой и ради «истины» (не смешно ли?).

[...] Очень признательны мы по-прежнему за Блока, которого время от времени перелистываем. Кстати, в советской книге А. И. Тимофеева о нем (1957) нашел выписку из его записной книжки, хранящейся в Рукописном отделе Института рус. литературы, об его аресте в февр<але> 19-го г. с фразой: «Ночь на одной койке с Штейнбергом». Вся запись совпадает точнейшим образом с моим отчетом в издании Воль<ной> Фил<ософской> Ас<социации>. Еще надо будет когда-нибудь вернуться к этой «ночи» (например, к нашей беседе о еврействе!)¹⁷. История ведь, что ни говори, продолжается! Не так ли, милые друзья?

С сердечным приветом также от «Сонюры». Ваш А.

¹⁶ Один из товарищей в Раппенау.

¹⁷ А. Белый. Р. Иванов-Разумник. А. З. Штейнберг. Памяти Александра Блока. Издание Вольной философской ассоциации. Петербург. 1922. С. 35–63 (https://vtoraya-literatura.com/publ_2031.html). Штейнберг «вернулся» к той ночи в «Литературном Архипелаге». С. 62–68.

13. А. Штейнберг – С. и Ф. Капланам

6 янв. 1963 г.

Фанни и Сеня!

Дорогие Фанни и Сеня, письма Ваши от 4 дек<абря> нашли здесь, а вернулись мы из Парижа, и вернувшись мы лишь 18-го. Спасибо. Рад был узнать, что открылась новая возможность напечатать «Религию разума», и хочу надеяться, что один Cohen не выдаст другого Cohen'a. По-прежнему думаю, что это будет весьма полезно. Нашим англо-саксонским «юдаистам» необходимо привить немного глубоко-мыслия, хотя бы старомодного немецко-еврейского толка. Вот Вы пишете, Сеня, об Евангелии с такой решительностью, что мне невольно думается: «А сколько в этом когенианской непримиримости!» Вспоминается, конечно, и Рабинков, но ведь и он прошел ту же школу. Короче говоря, желаю Вам полного успеха! [...]

Подписал договор со здешним издательством о Достоевском и очень Вам признателен, дорогая Фани, за Седуру, хоть и следовало бы сказать за «Седурака» (это, конечно, между нами)¹⁸. Самое ценное в его сочинении – библиография, и, зная я его адрес, поблагодарил бы не только Вас, но и автора. Но Вам я действительно благодарен. Стараюсь прибавить к ней другие книги, появившиеся в России. Это не легко. Не хотелось бы отстать от их исследовательских успехов. Но главное, что я снова заинтересован темой, и доложу Вам, дорогая моя, что бы ни говорил Сеня, тема захватывающая, даже больше, чем сорок лет тому назад.

«Сорок лет тому назад», – написал я и так же, как Вы, дорогой Сеня, удивляюсь, что могу говорить о таком протяжении времени, как о части лишь собственной, а не какой-то «всеобщей» истории. И задев за Вашу мысль, дорогая Фанни, о сомнительной разумности этой самой всеобщей истории, прибавлю, что следует, быть может, в данном случае умозаключить от частного к общему. Но само собою, требуется вера не только в Разум, но и в Милосердие – в собственной и всечеловеческой жизни. Бог даст, еще потолкуем об этом [...].

В заключение (надо все-таки и честь знать, и оставить несколько строк для С. В.!) – в заключение сорок сороков самых сердечных от крепко помнящего и любящего Аарона.

¹⁸ Седура Владимир (1910–1995) – белорусский журналист, театровед, проф. языка и лит-ры. «Достоевскоеведение в СССР», 1955.

Приписка С. В.: Самый большой привет, дорогие, и от меня. Со всем разучилась писать, так что все буквы получаются танцующими. Но м. б. это к добру. Всего, всего самого хорошего. С.

14. А. Штейнберг – С. и Ф. Капланам

Среда, 9-го января 63 г. 6 вечера

Дорогие друзья, в воскресенье писал вам и выразил надежду, что Cohen Cohen'a не выдаст – вчера получили ваши письма от 5-го с известием, что оба Cohen'a действительно не выдали третьего, то есть Вас самого, дорогой Сеня, поздравляем от души. С. В. знает, что пишу не из дому, и наперед просила меня поздравить и от ее имени. Что еще много работы, отлично понимаю, но с Божьей помощью дело сладится, и глубокомыслие начнет, благодаря Вашей работе, разливаться по артериям еврейской мысли во всей Англо-Саксонии. Так ей и надо!

Вам, милая Фаня, спасибо за выписку из Степуна и за упоминание о книге Комаровича, имя которого мне известно. Но почему название дано по-французски? Неужели появилось французское издание? В воскресенье писал вам о «сороковатых» годах (это старая ковенская шутка), а вот, представьте себе, теперь ровно сорок лет, как вышла моя книжка о Дост<оевском> в Берлине в русском оригинале (1923!), и лишь теперь начинают доходить до меня отклики. Лишь недавно получил польскую книгу проф. Андрея Валицкого, изданную Польской Академией наук под названием «Особь и История», в которой есть глава о Достоевском с рядом ссылок на мою «Свободу» (в одном месте я назван наряду с Н. К. Михайловским). Собирая литературу о Дост<оевском>, встречаю – после сорока-то лет! – отрывки из того, что я писал когда-то на 8-ой Линии Васильевского острова. Больше того: вижу, что в России весьма читали берлинское издание и что даже Луначарский согласился с мыслью, что у Дос<тоевского> «люди-идеи». Согласен ли с этим я сам, постепенно выяснится. Исподволь и между делом раздумываю об этом. Если у друга Вашего Осоргина свои идеи на этом счет, был бы рад узнать. Может быть, передайте ему привет от «коллеги» в некотором роде. Как здоровье? Вижу, милая Фанни, что Вы не совсем в порядке, по крайней мере, были. Ну, а как теперь?

Целую вас обоих, также за С. В., которая сейчас звонила, напомнила, что пора домой. Сейчас бегу, вот только опущу в ящик письмо. Ваш А.

15. А. Штейнберг – С. и Ф. Каплан

Четверг, 18 апреля, 63 г.

Заместителя для меня ищут и, может быть, я совсем скоро узнаю, что таковой нашелся, хотя шансов на это не слишком много. Будучи подвержен пороку добросовестности, продолжаю по мере сил действовать. На этой неделе вышел том «Simon Dubnow (1860–1960)» под моей редакцией с 17-ю статьями на шести языках (пришлю вам экземпляр)¹⁹. Я торопился закончить это дело, как «последнее» на моих руках. Но «история продолжается», и мы были бы рады, если бы она кончилась к осени.

Одновременно готовлю книжку о Достоевском. По договору я должен представить рукопись в конце июля. В начале мая рассчитываю засесть за писание. В последние месяцы начитался всякой литературы, появившейся после моей петербургской работы, и многое в ней пересмотрел, но портрет «мыслителя», мне кажется, в основе схвачен правильно. О «человеке» и «художнике» могу сказать многое, что лишь теперь открывается мне в ясной отчетливости. Поверьте, дорогой Сенечка, что Россию и в самом деле «аршином общим не измерить», а Вас, милая Фаничка, в этом убеждать не приходится. Эта работа, если это можно назвать «работой», меня необыкновенно увлекает, и, стараясь разгадать ту или иную подробность, я ощущаю близость к последним тайнам человеческого существования. Об этом толкуем [...]

Ваш А.

¹⁹ Paris: World Jewish Congress, 1963, Cloth. Good. First Edition. Essays by leading scholars on the occasion of Dubnow's 100th birthday. Essays in English, Hebrew, French, Italian and German Essay by Zimmels on Dubnow's understanding of Sephardi History. Baron on World Dimensions of Jewish History.

16. Ф. Каплан – А. и С. Штейнбергам

14 декабря 1963 г. Annapolis

Дорогие, прошло уже 10 дней со дня получения вашего последнего письма, и мы до сих пор не ответили на него. За то и «наказание»: не знаем, как и что у Вас [...]

Вы писали, дорогой Аарон, что, когда Софья Вл. поправится, Вы «махнете рукой» на Congress и займетесь своими делами. Так ли это? Как подвигается работа о Достоевском? Кстати, в N.Y.-ой газете была очень хвалебная статья В. Вейдле о книге G. Steiner «Толстой или Достоевский»²⁰. Автора мы случайно знаем, он у нас читал лекцию как раз перед выходом этой книги в свет, года три назад, а книгу мы потом частично читали и не были так увлечены, как Вейдле. Но может Вам будет интересно просмотреть ее. Или Вы уже в стадии «предварительного чтения?»

Недавно прочла у Юнга (предисловие к автобиографии)²¹, что он, по его собственному выражению, на 83 году своей жизни занялся «рассказом своего личного мифа». Мне это очень понравилось, т. е., что наши жизни – «личные мифы». Как всякий миф, они начинаются с далекого, важного и неизвестного (это все, конечно, совсем не по Юнгу). Но мне сразу подумалось, что вот Ваши (ненаписанные!) воспоминания могли бы быть и мифом, и вместе с ним очертить многое и многих четко в плане конкретном. Или Вы писали бы иначе?

Теперь напишите без «мифа», что у вас, и о здоровье вашем обоих. Ответьте скоро. Крепко вас обнимаю и будьте здоровы.

Ваша Фаня.

²⁰ Стейнер George (р.1929) – американский филолог. «Толстой или Достоевский» (1959) – первая его крупная работа (1959).

²¹ «То, чем мы представляемся нашему внутреннему взору, и то, что есть человек *sub specie aeternitatis* (с точки зрения вечности – лат.), может быть выражено только через миф. Миф более индивидуален и отражает жизнь более точно, нежели наука. Она работает с идеями, слишком общими, чтобы соответствовать субъективному множеству событий одной единственной жизни. Сейчас, в восемьдесят три года, я предпринимаю попытку объективно рассмотреть мою жизнь. Таким образом я создаю личный миф». 1963.

29.XII. 63. London. 40/99 Haverstock Hill N.W.3.

Дорогие друзья, целый месяц не писали [...]. Думали и говорили о вас промеж себя о вас обоих за этот месяц немало. В последний раз я еще упомянул день рождения Фани. За это время и Вы, дорогой Сеня, перешагнули тот же порог и очутились в осьмом десятилетии Мы оба заочно поздравляли Вас, хоть и знаем, что Вы к хронологии относитесь с покорным пренебрежением. Тем не менее, без нее нет ни истории, ни биографии, и что прикажете делать, если принадлежишь к категории реалистов, считающихся с фактом нашей включенности в солнечную систему. Одним словом, семидесятилетие Ваше, дорогой Сеня, для нас нечто достойное быть отмеченным по крайней мере пожеланием Вам и дорогой Фане еще многие лета жить и здравствовать в безмятежном мире с собою, с людьми и со всем миром. И вот передо мною снова чарочка, чтобы с нею в руке (откладывая на минуту перо) пожелать вам обоим издалека Le-shaim!

Спасибо вам обоим за указания на литературу о Достоевском. Со своей стороны, хотел бы обратить Ваше внимание, милая Фаня, на книгу: «Горький и советские писатели. Неизданная переписка». Литературное наследство, том 70 (Изд. Акад. Наук СССР, М., 1963), в которой на стр. 723 можно найти указатель всех упоминаний о Н. Ф. Федорове, к которому, как оказывается, Горький относился с большим признанием (см. в особенности его письма к нашей вольфильке Ольге Дмитр<иевне> Форш – помните ее?). Мне эта литература нужна для заключительной главы моей о Достоевском. Кстати, в новейшей биографии его, написанной Леонидом Гроссманом, я нашел, наконец, упоминание на Соню Иванову в тонах, близких к моей характеристике ее как «Беатриче» Достоевского, если помните.

Анна Григорьевна, урожд<енная> Соломонович, по мужу Клаузнер, шлет вам привет. Кланяется вам также и Александра Лазаревна, о которой С. В. не переставала заботиться все это время [...]. С любовью. Ваш Аарон.

18. А.Штейнберг – Ф. Каплан

15–16 декабря 1964

Дорогая Фаня, поздновато, и я едва ли успею сегодня написать, как хотелось бы. Из письма моего к Сене можете заключить, что у нас, слава Богу, все более или менее в порядке; если чего не хватает, так это того зимнего пейзажа, который Вы, милая, видите из вашего 8-шестого дома сквозь окна нашего 80-первого номера – его все еще нет и в помине. Но сказать по правде, я едва успеваю смотреть в окно, даже когда сижу дома. Дел не оберешься, и дела все сплошные. Не то, чтобы я сам торопился, но меня торопят неустанно. Спротивление с моей стороны пассивное; будь оно активное, я бы поневоле сам стал торопить себя. Так уж лучше, пусть будет так, как есть.

Книжка о Достоевском дописывается. Закончил главу III «Мыслитель» и занят теперь заключением «Significance» – значением его, т. е. Но места осталось совсем мало, и едва ли удастся высказаться хоть бы надолго «вполне». Подумываю уже о том, на что буду употреблять бумагу, когда Федор Михайлович снова отойдет в сторонку. За эти месяцы я так «обрусел», что невольно соображаю, как все это могло случиться, и сопоставляю разнородные элементы, столкнувшиеся в колбе одной «ячности» (Ichheit – слово немецкое, а русские философы даже обрадовались, что в переводе на русский оно вызывает вкусный запах яичницы и тем самым знаменует воплощение «я» в повседневной жизни). Короче говоря, хотелось бы поделиться, хоть бы с собой самим, моим многообразным опытом. Но об этом еще успеем поговорить. Спасибо сердечное за отчет о здоровье. Держитесь, справляйтесь и ни в коем случае не поддавайтесь «не настроенности», поверьте, нет основания.

Думаем, что письмо застанет вас еще до поездки в Нью-Йорк и что наше пожелание хорошо съездить придет вовремя. Давайте знать о себе почаще и поподробнее. Всегда рады вашим письмам. И, пожалуйста, передайте сердечный привет Марусе и Сергею Яковлевичу. С приветом также от сонюриной души и с собственным душевным приветом.

Ваш Аарон.

16.12.64 Дорогой Сеня, письмо Ваше и рукопись получил на прошлой неделе [Замечания по поводу перевода «Религии разума» Когена – Н. П.].

Добавлю, что занимался я всем этим не без умственного удовольствия, и в какой-то момент даже Сонюра увлеклась задачей разобраться в когеновских хитроspлетениях. Так что в результате мы не в накладе. Посмотрели бы Вы, какой у нас тут возник Марбургский салон на Итонском плацу!²² Семейную хронику передам в письме к Фане. «С каникулами!». От любящих Вас А и С.!

19. Ф. Каплан – А. Штейнбергу

19 февраля 1965

Дорогие мои!

Возвращаюсь опять к прерванному ритму нашей переписки. Мое последнее письмо было от 17 января, как раз месяц назад, а Ваше, дорогой Аарон, в ответ на мое, от 9 февр<аля>. Хорошо, что в эти недели шел усиленный обмен письмами между Вами и Сеней, так можно было, хотя бы поверхностно, что-либо знать о Вас.

В моем последнем письме, мне помнится, я писала о нашем – моем и Сенином – здоровье. Но Вы пишете, дорогой Аарон, что хотели бы в точности знать, все ли у нас действительно в порядке. Согласна с Вами, что здоровье близких людей предмет беспокойства и забот, особенно на расстоянии и особенно в нашем возрасте [...]. Возраст дает себя знать, помните, как у Блока, «пора смириться, сэр»²³. А вы сейчас погрузились в Блока и в воспоминания о той памятной эпохе. Это Блок ведь сказал, что забыть ее мы не «не в силах»²⁴. Вряд ли он думал при этом о памяти, которая хранит лишь голый поток событий. Это другая память – она помнит и проникает в суть и видит через события другое, «значимое». Блок был очень великодушен в этом «мы». На самом деле очень немногие помнят и осмысливают так. Что же вы вспоминаете? Театральный отдел, Вольфилу, Васильевский остров, Суворовский проспект, и холод, и голод, и посылки Арра с шоколадом, и снежные сугробы, и белые ночи, и беседы, и людей, и особенно людей? Я не знаю, что Вы думали, написав, что «в связи с мобилизацией памяти», Вы изучаете «документальное подспорье», т. е. Блока,

²² Иными словами: сочетание Марбургского салона красоты и места физических наказаний учеников Итонского колледжа.

²³ «А. Блок. Осенний вечер был...». 1912.

²⁴ Блок А. «Рожденные в года глухие Пути не помнят своего. Мы – дети страшных лет России – Забыть не в силах ничего».

но если в этом есть намек на начало работы над Вашими воспоминаниями, то я этому всерьез очень радуюсь. Вам дано все для этого. Я тоже в эту зиму читаю поэта, я читаю Данте. Помните, я Вам говорила, как замечателен перевод Лозинского и «сладость» его стиха. Но сейчас я читаю его по-другому. Я прочла несколько хороших комментариев, прочла всего Данте, и теперь «Комедия» немного открывается для меня, очень немного.

Данте-философ меня очень интересует. Помните, в прошлом письме я писала, что есть прямые и окольные дороги. Данте – прямой путь, и нет никакого противоречия в том, что этот прямой путь требует без конца окольных дорог, и можно заблудиться на первом же повороте. Я не могу яснее комментировать мою мысль, но Вы понимаете меня (А почему бы Вам не ответить в следующем письме на это?).

Куда бы поместил Данте Блока в своей «Комедии»? Думаю, в Чистилище и только за «Двенадцать» и Христа. А сам Б<лок>, увы, не знал, почему «Христос»! Так он сам об этом написал, – он видел, но не знал [...].

Милый Аарон, Вы обещали теперь «не терять ритм». Правда, я упомянула, чтобы Вы «писали как пишется», но это только по доброте душевной. Напишите о вашем обоих здоровье, об этом пишите в каждом письме без запросов. Крепко обнимаю вас обоих. Будьте здоровы. Ваша Фаня.

Сердечный вам обоим поклон, обнимаю вас обоих Сеня.

20. А. Штейнберг – Ф. Каплан

24 февраля 1965 г.

Дорогая Фаня, спасибо за письмо от 19-го. Оно пришло вчера и, чтобы не злоупотреблять, не дай Господь, Вашей «добротой душевной», откликаюсь уже сегодня, хотя не успею сейчас держать ответ так подробно, как хотелось бы.

Дело в том, что я еще не отослал в издательство библиографию по ФМД, для которой нужны, ради точности, кое-какие справки в библиотеках. Сейчас собираюсь в Брит<анский> Музей и не хочу откладывать ответ, тем более, что завтра и послезавтра надо будет быть в Бюро. Вот Вам косвенно два ответа на два вопроса: «Д.» и «Конгресс», точнее, ответ и на третий вопрос – о здоровье. Разрешите

перейти в этом же ускоренном темпе к вопросу четвертому – воспоминаниям.

Вы совершенно правы, ставя в Вашем гипотетическом перечислении ударение на «людях» (пропущено только в заголовках «еврейские учреждения»). Но что есть человек?

Поясню примером. Мне хотелось бы в каждом отдельном случае представить «суть». Но что есть суть, например, А. А. Блока? Я начал с него, потому что во всех моих встречах с ним, включая достопамятную ночь в феврале 19-го года на Гороховой 2, меня поражала его загадочность. Между тем, я теперь ясно вижу, что таинственное в нем не было постигнуто в полной мере даже Белым, не говоря уже о Разумнике Васильевиче. Рассказ о нем даст возможности непосредственно перейти к попутному уяснению того, что есть память о людях и что есть для человека человек (Еще не знаю, как мне быть с антиеврейскими наклонностями Блока, которые еще более усиливают мою склонность жалеть его). Таких сомнений и вопросов у меня уже накопилось целая уйма. Стараюсь привести их в некоторое подобие порядка. Но не буду сейчас распространяться об этом. Раздумываю обо всем этом по-русски и, вероятно, излагать придется тоже по-русски.

Еще несколько слов о «прямых» и «окольных» путях. Дант, как говорили в старину, конечно, верный спутник, думаю, однако, что при удаче любой проселок может привести в Рим и Мир. Это один из уроков, почерпнутых мною в собственном опыте, который *ex definitione*²⁵ включает массу наблюдений над опытом ближних и далеких. Главное – доверие к человеческой природе и к потенциалу мудрости, кроющемуся в любом из смертных. Об этом следует поговорить в темпе более медленном.

На этом прерву, чтобы вскоре продолжить, а Вы, милый друг, не давайте мне спуску.

20–21-го писал Сене в последний раз, цитируя «для Вас» из блоковского «Осенний вечер был...», а в это время была уже в пути Ваша цитата из того же источника поистине – «*les beaux esprits...*»²⁶..

К Сене у нас опять обычная просьба: 9-го марта Daniel'ю Siegel'ю (сыну Ады исполнится 18 лет, и было бы желательно, чтобы он по этому сему случаю получил чек на 18 дол.). Значит, до скорого ответа Вашего,

Ваши с любовью Аарон и Соня.

²⁵ По определению (лат.).

²⁶ Прекрасные умы (франц.).

21. Ф. Каплан – А. Штейнбергу

8 апреля 1965 г., четверг вечером. Annapolis.

Дорогие мои, спасибо за письма. Письмо от 4/6 пришло сегодня, а от 30/9 в прошлую пятницу. Меня очень порадовало известие, что поездка в Женеву была удачной. Как видно, вы оба не очень устали от поездки, освежились и проверили свои силы и аппетит к путешествиям. Что швейцарский климат вам обоим на пользу, я не сомневаюсь, вот бы вам там остаться 3 месяца, а не 3 дня.

А вот Ваши, дорогой Аарон, добавочные, как Вы пишете, дела меня огорчили. Где же у Вас силы и здоровье для всего этого расцвета деятельности в ВЕКе? Как же это так получилось наоборот? Не хочу спешить с заключениями, но в следующем письме (как Вы обещали!) напишите подробно, почему все это произошло и в каком оно отношении к Вашим личным планам на ближайшее будущее? Ведь как будто получается, что, по крайней мере, половина лета уйдет целиком на ВЕК, и Вы будете этим летом даже больше заняты, чем в прошлом году. А что случилось с идеей проверки здоровья у врача-специалиста?

Спасибо за вырезку. Пока мне не надо новых переводов, да и у меня под рукой много разных. Но никакой стихотворный английский перевод меня теперь не удовлетворяет, думаю, из-за моего незнания языка в глубину. Если уж перевод, то пусть будет русский особенно потому, что он так хорош.

У нас кончились весенние каникулы [...]

Завтра лекция Исайи Максим<овича>. Лекция его вечером, а до того он у нас с Klein'ами на обеде. Кажется, и жена его придет. Лекция о «Romantic revolution in Ethics and Politics», а в переводе на суть, кажется, главным образом, о Гердере. Читали ли Вы в свое время книгу Бахтина «Проблемы поэтики Д<остоевского>» (изд. 1963 г.)? Ее достать невозможно, но недавно Осоргин как-то достал и подарил нам. Интересно особенно там, где он иллюстрирует свои идеи конкретным материалом из Д<остоевского>. Прошли ли уже Ваши корректуры? Из газет Вы, наверное, знаете, что в феврале умер Степун. Посылаю Вам маленькую заметку из русской N.Y. газеты. Была и статья какой-то его ученицы. Если Вас интересует, пришлю.

На сегодня кончаю. Сеня в семинаре, он очень теперь занят выпускными экзаменами. Напишет Вам сам несколько слов завтра. Конечно, «серьезный поворот» с печатанием Cohen'a нас обрадовал, посмотрим теперь, как это кончится. Но без Вашей, дорогой Аарон,

помощи, ни начала, ни конца не было бы. Обнимаю вас крепко. Будьте здоровы и берегите свои силы. На Соню можно положиться, но на Вас нет! Ваша Фаня.

22. А. Штейнберг – Ф. Каплан

14 апреля 1965. Со вторника на среду

Дорогая Фанни, пишу Вам «следующее письмо»; в первую очередь, в отношении к моему последнему от 29 марта.

Вы совершенно правы: получается, как будто, «наоборот»: вместо сокращения или даже полной отмены работы в ВЕКЕ, есть расширение и растяжение. Но по существу, это связано именно с переходом моим на положение «канцлера в отставке» (переходом куда все еще теоретическом). Стоит показаться на каком-нибудь комитетском совещании, как, например, на последнем в Женеве, и подать мнение по обсуждаемым вопросам, и сразу создается впечатление, что нет никаких препятствий внутренних и физических для продолжения моей 25-летней работы. Тем более, что до сих пор нет никого, кому можно было бы ее передать. Следует, сверх того, принять во внимание, что ВЕК сей находится в состоянии реорганизации, которая должна закончиться на июльском совещании. Тогда именно решится и вопрос, продолжить ли культурную политику без меня или же выключить ее совсем из сферы ВЕКовских интересов [...].

Прибавлю, что корректуры еще не показались; при моем большом опоздании мне совестно торопить издателя, но все же после праздников напомним.

С Бахтиным я в свое время ознакомился, но лишь по первому изданию его книги. Мне тогда показалось, что он утрирует по существу верную мысль (если Вам не лень, то взгляните на то, что сказано в моей петербургской работе на стр. 35 о «симфонической диалектике Д<остоевско>го»²⁷), но, может быть, теперь это у него умереннее. В сжатой последней работе не было возможности входить в разбор

²⁷ «Именно потому Достоевский и есть систематик, что в мысли его господствует симфоническая диалектика, что движения его мысли – ритмические взмахи волшебной палочки дирижера: он, как настоящий дирижер, поворачивается спиной к публике и безмолвно повелевает всему многообразию голосов, из них создавая оркестр и хор». ССД. Берлин. 1923. С. 35.

иных взглядов, но я в заключительной главе отдал дань новейшей разработке «эстетики» Д<остоевско>го в России.

Спасибо за заметку о Ф. А. Степуне (сколько связано воспоминаний с ним, с его семьей и семьей его жены, Никольскими! Буду признателен за статьи о нем). Дальнейшее продолжение прежних писем «в следующий раз». А как Ваше здоровье? Больше ли устаете? Пишите. С пасхальным почтением.

Ваш А.

23. А. Штейнберг – Ф. Каплан

11 февраля 1966 г.

[...] Отвечу еще вкратце на Ваши вопросы, милая Фанни. Последний том Блока так до сих пор не появился у нас. Если вы хотите сделать вторую попытку, честь Вам, как говорится, и слава. То, что Вы говорите о Вашем впечатлении, очень интересно и может помочь мне в литературных воспоминаниях, за которые я надеюсь скоро приняться всерьез. Дело в том, что Федор Михайлович уже кивнул мне в знак прощания. На той неделе получил от издательства корректурные странички, исправил опечатки и в эту среду вернул по принадлежности. Выпуск намечен в середине мая. Перечитав всю книжку в один присест, я, по обыкновению, поморщился, и Соня стала меня за это упрекать.

Здоровье ее (Сони) слава Богу, не плохое. Хозяйство теперь ведется с двойной помощью, и она весьма довольна второй помощницей из Испании родом [...].

Скоро суббота, в честь которой оставляю листок с белым полем. Будьте здоровы и не оставляйте нас долго без вестей.

Как всегда, с любовью и от всей души. Ваш Аарон.

24. А. Штейнберг – С. и Ф. Капланам

Пятница. 18 марта 1966 г. 11 утра

Дорогие мои,

сегодня утром получил письма от 14-го. Спасибо за все и Вам, дорогая Фаня, за все книги. Все кончилось. Соня скончалась в ночь на сегодня. Сижу около нее и читаю Псалмы. Да поможет всем нам Господь.

Анна Григорьевна и муж ее помогают, как могут.

Больше не пишу никому.

Рука не поднимается, чтобы сказать «Gut Shabat». Простите.

Ваш Аарон.

25. А. Штейнберг – С. и Ф. Капланам

27 марта 1966.

Тронут Вашей мыслью, что Вы готовы были бы делить со мной shiva. И после траурной недели поток посетителей не иссяк, а потому я не мог написать раньше. О моем здоровье не тревожьтесь. Если будет возможность, позвоню Вам в четверг. Но сейчас мне хотелось бы предложить вам обоим вот что. Мне хотелось бы, чтобы уход Сони стал вехой в моих отношениях с вами. Она вас очень любила и вспоминала о вас еще в предпоследний день жизни. Мне казалось, что она как-то не договаривает и пытается навести меня на мысль позвать вас теперь же в Лондон. Она скрывала от меня свое предчувствие конца и, очевидно, не могла прямо высказать свое сильное желание проститься с вами. Вы помните, что в Интерлакене, когда мы были еще в полном сборе, я высказался за упрощение отношений, за отмену отчеств и множественного числа в обращении. Голоса, как будто, разделились. Вы, Фаня, высказались «за», Вы, Сеня, отнеслись отрицательно, а Соня, по обыкновению, воздержалась. Пришла ли уже пора... она не договаривала, очень, очень рассчитывала на вас обоих, что вы мне станете вроде брата и сестры.

Присутствие Сони, неотлучное и после похорон, мне помогает неимоверно. Я как-то стараюсь следовать ее воле и требованиям, преодолеваю с ее благосклонной и всепрощающей внимательностью

разные трудности, например, неохоту есть, нежелание видеть подчас совершенно чуждых мне людей, отсутствие интереса к окружающей жизни – в общем, веду себя как вполне нормальный человек.

Ваш А.

26. А. Штейнберг – С. и Ф. Капланам

10 апр<еля> 1966

Дорогие мои Сеня и Фанни, часа два тому назад кончилась суббота, и я прочел твое, милая Фаня, письмо от 3-го с сениной припиской [...].

Вы оба спрашиваете о том, как я справляюсь с Пасхой. Без необыкновенно энергичной и, в смысле традиций, столь же добросовестной помощи четы Клаузнер, не знаю, как я справился бы. Но с их помощью все проходит безупречно. Эти два дня я провел в квартире один, а лучше сказать, в обществе Сони (пишу вам это письмо ее стареньким пером). От посетителей стараюсь отделиться, а сам почти еще не выхожу из дому и слушаюсь доктора [...].

Как только кончилась траурная седмица, я стал писать Соне письмо, очень подробное, очень-очень длинное. Я делаю это почти ежедневно и, ради Бога, не думай, Сеня дорогой, что я сошел с ума. Мне нужно многое выяснить, во многом разобраться, и мне это легче всего, когда я продолжаю мой монолог, обращенный, как во все эти десятилетия, к Сонюре. В это воскресенье три недели, как я ее похоронил, но в центре моего сознания ночь с 17-го на 18-ое – день операции у вас²⁸. Я уверен, что тебе, милый друг Фаня, это не покажется чересчур странным. Иногда я и сам иронизирую: чем бы, мол, ни тешился, лишь бы не плакал. Но ирония иронией, а вот как только кончу это письмо к вам, милые друзья, сразу примусь за свое бесконечное письмо к ней.

Буду вам писать возможно чаще, и вы постарайтесь. После Пасхи придется приняться за корреспонденцию: за эти недели я получил свыше ста писем и телеграмм, из которых многие требуют ответа. Не могу себе и представить, как с этим справиться. Хотел бы только, чтобы общение между нами не было этим задето. Пишите, милые, пишите. Ваш друг Аарон.

²⁸ Речь идет об операции, которую проходил С. Н. Каплан.

Вторник, 3 мая 1966

Очень благодарен тебе, дорогая Фаничка, за оба твоих последние письма. Конечно, я глубоко ценю нашу душевную близость, и каждое твое письмо помогает мне удержать связь с миром, каким он был для меня до 18 марта. Ты права, дорогая моя, меня куда-то уносит. Я все еще не примирился с тем фактом, что пережил Соню. В моем нескончаемом письме к ней я с трудом удерживаюсь, чтобы не упрекнуть ее за это. Говорить об этом вслух не могу, но вот с тобою я могу делиться этими чувствами даже на расстоянии. Ты такова, и такую я тебя знаю чуть не с первой нашей встречи почти полвека тому назад. Будь тверда в своей вере и в своем добром доверии ко мне. Хоть меня и уносит, но еще неизвестно куда, а моя собственная воля бездействует.

За очень редкими исключениями, люди кругом и не подозревают, что со мною происходит, и поневоле мне приходится приспособляться. Это более утомительно, чем передвигать мебель, варить и закусывать. Но не могу же я отказывать в приеме людям, озабоченным моим физическим благосостоянием или имеющим какое-либо неотложное дело ко мне. Вот, к примеру, в воскресенье меня посетил мой новый враг: он провел в беседе со мною три часа – 20 минут были посвящены моему физическому состоянию (он находит, что при моем возрасте организм справляется сверх нормы хорошо, а 160 – еврейской современности. (Dr. Нота, вождь здешних «Мизрахи»); не мог же я не считаться с ним как с дорогим гостем. А переписка! Обрушилась целая лавина писем на шести языках, и большей частью эти куски льда продолжают катиться [...].

Ты видишь, милый друг мой, я занимаю тебя такими «конкретностями» не совсем на тему, ты можешь заключить «от противного», какое это для меня отдохновение – получать твои письма. Так пиши же так часто, как можешь. Крепко обнимаю тебя. Твой А.

28. А. Штейнберг – Ф. Каплан

С воскресенье на понедельник 9-го янв[аря] 1967

Дорогой друг Фанинька, значит не понапрасну я беспокоился. Тебе на самом деле нездоровиться, и пришла моя очередь просить тебя давать мне почаще короткие хотя бы бюллетени [...].

Недели несутся как ошалелые, и вот уже снова Новолуние (канун его в ближайшую среду!). Поздравляю тебя с ним в ответ на добрые пожелания к 1967 году.

«Новые перспективы» в ВЕКЕ – это возможность сдать дела, может быть, уже в марте, хотя это еще не окончательно. Дай Бог, чтобы все оказалось без хвостика, не как у обезьян. А во-вторых, о моем писании: в декабре кое-что успел, и мне кажется, что я нашел ключ к моей теме, напр<имер>, Блок будет появляться и исчезать в толпе современников (начал не с его поэзии, а с его улыбки, которая представлялась мне в телескопе, направленном в прошлое, самой характерной его особенностью). Впрочем, об этом следует поговорить отдельно. Скажу только, что за этим занятием я чувствую себя в родной стихии. Когда увидимся, с помощью Божьей, разьясню подробнее. Теперь же пишу, главным образом, чтобы поскорее получить твой бюллетень. Будь здорова, Фанинька, и да хранит тебя Господь. Твой А.

29. А. Штейнберг – Ф. Каплан

3 января 1968 – 8-й день Маккавеев²⁹.

[...] Между прочим, собиралась ко мне очутившаяся внезапно в Лондоне вдова Якова Исааковича Гордина. Приходят по-прежнему советоваться люди из ВЕКа. Но особенно трудно справляться с перепиской. А во многих случаях это необходимо (среди сорока с лишним писем, на которые надо бы ответить, есть и от Софьи Сем<еновны> Эрлих, и от ее сына Александра, и от детей Ады, и от Левы, и от дочерей Миты, и от парижан, и от аргентинцев, не говоря о Швейцарии и Палестине). Президент Шазар подбивает меня писать побольше.

Ряд мелких, но отнимающих время работ: редактирование сборника о евреях в России, писания на идиш на неизбежные темы (напри-

²⁹ Праздник Хануки (8 дней Макковеев) начался 27 декабря (25 кислева) 1967 г.

мер, в связи с открытием Дома Дубнова в Буэнос-Айресе и т. д., и т. п.). А ведь я одновременно стараюсь писать и «для себя». Иногда это удается. Приспосабливаясь к обстоятельствам, я стал писать отрывками, хотя очень не люблю записей без начала и конца. Наконец, Фанинька, не тебе рассказывать, что невозможно и без чтения, а именно: газет, журналов и книг. Трудное это дело – пополнять образование на 77 году. А сколько мне не хватает! Каждый раз, когда я в субботу прохожу очередной библейский урок, я открываю, что того до сих пор не знал, и то ново, и другое еще не открытая Америка. А сколько надо еще обдумать, продумать, додумать!

Вот видишь, милый друг мой, что я барахтаюсь, как могу. В следующий раз, пожалуй, перейду от перечня к чему-либо определенному, к какому-нибудь одному пункту из области размышлений, напр<имер>, о душе, которая, как известно, неистребима.

А что до тебя, милая Фанинька, пиши, что придет на ум, вот как в этом последнем письме. А Сене скажи, пожалуйста, что я все еще жду вестей от родственников Когена. На следующей неделе, думаю, получу кое-что.

Пиши, Фанинька, если не трудно, подробно, а если трудно, слово вместе строчки и три строчки вместо письма. Да благословит тебя, Фанинька, Господь. Твой любящий А.

30. А. Штейнберг – Ф. Каплан

С 15 на вторник 16-го января 1968 г.

Дорогая Фанинька! Перечитываю в четвертый раз твое письмо от 7–8-го, потому что после получения его в четверг (11-го) все не удалось дочитать его в один присест. О причине ты, вероятно, догадываешься из моего письма Сене от того же четверга. Был тут съезд Совета Конгресса, и, кроме Ригнера, ряд других соратников хотели меня видеть. Хотя я «прикован к своему адресу», как я написал до съезда, но я все же считал себя обязанным довести до сведения членов съезда мои соображения «О еврейской культурной политике после 1967 г.». Как всегда, я пытаюсь заглянуть слишком далеко вперед и за это расплачиваюсь. Слышу с разных сторон: «Весьма интересно, но не своевременно». Зачем же я это делаю? (Еще вчера вечером мне пришлось в связи с этим писать письмо на иврите в Тель-Авив, хотя отту-

да меньше всего можно ждать объективного понимания). Значит, еще раз: зачем я это делаю?

Этот вопрос в измененной форме совпадает с твоим намеком на то, что я, очевидно, понапрасну занят повторением пройденного и давно должен был бы перевести себя в старший класс. Ах, дорогая моя, тысячу раз согласен с тобой, но что прикажешь делать, коли на последней «четверти» у меня две двойки по таким предметам, как Еврейство и Человечество (порядок неважен). Вот ты занимаешься теперь Платоном и рада учиться и правильно понимать, а по моим «предметам» надо лучше понимать еврейскую Библию и Краткий курс Всемирной истории, включая еврейскую. И мысли мои о душе и о смысле собственной жизни неотделимы от того, чему я до сих пор успел или не успел научиться. В субботу 23-го декабря я записал вечером в дневник: «Библия меня увлекает», но разобраться в этом – как и почему? – не так-то легко. Вероятнее всего, тут решает то, что эта, по существу, первая книга в моей жизни, остающаяся и последней, укрепляет грозящее распасться единство и одновременно воскрешает с необыкновенной яркостью образы, привидевшиеся и даже лишь приснившиеся с самого раннего детства (более семидесяти лет тому назад).

Одним словом, можно с полной серьезностью сказать, что я впадаю в детство, но посторонние этого не замечают, а ты, милая моя, может быть, и заметила бы. Я все-таки надеюсь, что это тебя не огорчает, и лишь жалею, что все вопросительные знаки в этом письме относятся ко мне самому. Однако, Фанинька, ты ведь умница и не преминешь ответить и на заданные вопросы, не так ли? Целую и жду продолжения. Твой А.

31. А. Штейнберг – Ф. Каплан

(На бланке: Association of Jewish Journalists and Authors in England Hon. President: Dr. A. Steinberg)

С четверга 25 янв<аря> на пятницу 1968 г.

Дорогой друг мой, Фанинька, получил сегодня утром твое доброе и вдумчивое письмо от воскресенья и сразу отвечаю, чтобы не отодвинуть ответ из-за намечающихся помех до середины или даже до конца следующей недели. Взял первый попавшийся листок почтовой бумаги, связанный с одним из моих очередных дел по развязыванию

разных узлов и узелков. Здешний союз еврейских писателей – один из них. Дай Бог, чтобы дело закончилось одним лишь заседанием у меня на квартире. Все эти подробности – иллюстрация к теме, как трудно распутаться, когда откладываешь эту задачу на вторую половину осьмого десятка. Заключить ли из этого, что вообще не надо было путаться? Это сразу приводит меня к основному мотиву и моего последнего письма и твоего проникновенного отклика. Да, я «впал в детство», я, как малое дитя, удивляюсь, почему пьют чай с сахаром, когда холодная вода – самый вкусный напиток, и продолжаю пить за компанию, даже горькую.

Все это, разумеется, не распивочно и не на вынос, а в переносном смысле, и я сейчас вернусь к теме «беспечального детства» (Брюсов)³⁰ [...].

Дорогая Фанинька, не печалься. Ты очень умно написала о начале и конце жизненного пути и ты спрашиваешь, какое из твоих толкований правильно. Да все правильны, и я только могу прибавить, что, как в пору детства, безначального и бесконечного (нет сознания, ни начала, ни конца), все пред-стоящее, пред-метное, пред-положительное целостно, и непрерывно, и завершено, так я ныне – не всегда, но все чаще и чаще – вижу больше семидесяти лет моей жизни с раскрытыми во все стороны гигантскими окнами, как нечто цельное и завершенное, прочно укорененное в подпочве бытия. Чтоб не искать долго сравнения, уподоблю свое ощущение, пусть по злободневному дешево, восприятию своей индивидуальной солнечной системы из надкосмической высоты. «Солнечная система» попалась в сеть моих строчек не случайно. В детстве моем было яркое центральное солнце, и теперь, когда я принимаю без тени сожаления весь пролегающий через седмицу путь, все то же солнце все так же ярко светит. О чем же печалиться, друг милый? Может быть, это звучит несколько отвлеченно. Слов нет, это надо широко развернуть и разглядить. Но ведь ты мастерица воспринимать и понимать. К тому же у нас общая алгебра [...]. Прости неровные строчки, особенно на 1-ой странице, писал, откинувшись на спинку кресла. Теперь, придвинувшись к столу, крепко целую.

Твой А.

³⁰ В.Брюсов. Поэту. 1907.

Вторник, 20 февраля 68 г. 11 час. вечера.

Твое «конкретное» письмо от 14-го у меня со вчерашнего утра. Спасибо, дорогая моя Фанинька, за исполнение просьбы моей от 10-го. Конкретное и «частное» могут означать то же самое. Тому подтверждение твоя хроника, более подробная, чем обыкновенно. Поста-раюсь и я держать тебя более конкретно в курсе моих частных дел.

Обстановка все та же, и врач по-прежнему доволен, но не могу сказать того же о самом себе. Сохранение жизни никогда не было для меня самоцелью, и дело не в том, что я делаю, а в оценке, вернее, в переоценке всех жизненных задач, когда-либо стоявших и отчасти продолжающих стоять передо мною. Я до сих пор этим занимаюсь и хотел бы занести результаты в протокол, однако для этого нужно гораздо более физической энергии. Нарастет ли она, не знаю. Зима формально приходит к концу, но мне мешает переход к предвесенним туманам. Очень хотел бы писать тебе, милый друг мой, и чаще, и подробнее. Но вот конкретное Я мое и теперь еще не в состоянии отгородиться от отношений абстрактных и общественных, к которым причисляю и деятельность под давлением, точнее, под диктовку своей отвлеченной совести. Никак не выключу из игры себя самого.

Но к делу! Анна Григ<орьевна> вернулась в город с сильной простудой и лишь медленно поправляется. Без ее надзора хозяйство мое либерально-демократически безалаберное. О моем писательстве расскажу отдельно. При усиленно действующей памяти – она мобилизована до второго ополчения включительно – надо было бы круглую ночь записывать или диктовать. Приходится приспособливаться к особенностям особи, которая так поздно раскрывается в личном моем местоположении.

В переписке покуда что лишь одна глава («Шестов»), которая сокращена в трех местах, согласно твоей инструкции, разделена на семь глав и, кажется, чрезмерно разрослась. Пишется легко – «с натуры», но по-прежнему немало и читаю. И об этом в другой раз. Ну вот видишь, как я распластался, и все же недостаточно ощутительно. А у меня еще столько «частных» и «конкретных» вопросов к тебе. И это выходит до другого раза, а на этот раз только крепкий поцелуй, и чтобы все было к лучшему. Твой душевно А.

33. А. Штейнберг – Ф. Каплан

На пятницу 22 марта 1968 г.

Дорогая Фанинька! [...] в сегодняшнем номере литературного приложения к «Таймс» есть большая статья об Андрее Белом, необыкновенно превозносящая его; заглавие: «Bely and The Mongols», № 3447, стр. 292 – целиком – что еще более подзадоривает меня дать свои «показания». О Шестове переписывается на машинке – будет около 50 стр., т. е. 20.000 слов, приходится весьма проверять, что тоже отнимает время, а с русской машинкой надо торопиться. Много перечитывал твоего Блока. Между прочим, получил сегодня от издателя «Dostoievsky» сообщение, что они собираются перепечатать и просят прислать список опечаток. Таковые, я знаю, имеются, и это тоже работа. Не говорю уже о подробном введении к Парижскому сборнику на идиш, без которого книга «не может появиться». Это тоже каша густая, заварившаяся очень давно, из которой крайне трудно вытащить пять пальцев правой руки, без которых не удержать пера.

Анна Григ<орьевна> поправляется, но очень медленно и все еще страдает от онемения пальцев. Несмотря на это, она и в этом году собирается «устроить Пасху. Прямо совестно.

Твой любящий А.

34. А. Штейнберг – Ф. Каплан

С понедельника на вторник, 30 апреля 68 г. Дорогая Фанинька, письмо твое от 22-го получил уже 26-го, т. е. в пятницу. Ты же и Сеня, вероятно, имели от меня привет за это время через Марусеньку: она, действительно, для меня неожиданно позвонила в среду 24-го в половине девятого утра. Вторая ее фраза была: «Да знаете ли Вы, кто с Вами говорит!? Я ответил наикратчайшим образом: «Маруся?» – «Ну да...», и мы минут десять обменивались новостями.

Между прочим, она мне сказала, что я буду иметь скоро письмо от тебя, что и оправдалось. Теперь два слова о перебое в переписке. Твое и Сенино письмо от 8-го я получил 11-го. Если что-либо затерялось, то это, пожалуй, мое письмо к тебе. Постарался восстановить даты, и выходит, что я писал в Аннаполис 3, 9, 18 и еще раз между

9-ым и 18-ым, не знаю, в какой именно день. Писал коротко. Было впечатление, что ты под напором тревожных обстоятельств. Я без слов огорчился. То, что я услышал от Маруси, в особенности медицинский отчет Фанни Львовны, укрепило мое предположение. Дай Бог, чтобы М. Я. и С. Я. вернулись в бодро настроении и привезли с собою во всех отношениях добрые вести.

О себе, говоря вкратце, могу сказать, что жаловаться грех. Держусь, работаю, размышляю, но от заминки еще не отделался. Даже совсем нет. На дворе был всего один раз. А размышления и о прошлом, и о будущем сердце не радуют. Но об этом вкратце не скажешь. Упомяну интересное совпадение. Повторяю – вкратце не скажешь.

На этой неделе вступает в свои права месяц май. Подумываете ли вы о июне и о июле? Впрочем, пусть прежде всего вернуться домой ваши путешественники.

Когда Маруся позвонила, я был в глубоком сне, и снился мне Петербург 20-го года с поэтом Вл. Пястом и Бертран Расселем, говорившем бойко по-русски, причем вы обе, т. е. ты и Маруся, торопили меня: не опоздать бы на поезд. Объяснение – я накануне несколько часов подряд проверял факты по «Записным книжкам» Блока. Было очень странно, как 20-й год мне не просто снился, но реально воскрес в интонации голоса Маруси. Повторяю, вкратце не скажешь. Реальное присутствие прошлого превращает будущее в настоящее. Но в третий раз: об этом вкратце не скажешь, а посему, дорогой друг ты мой, продолжение следует. Очень тебя любящий А.

35. А. Штейнберг – Ф. Каплан

На вторник 14 мая 1968

Милый друг Фанинька! [...]. Прости меня, не сердись, и пусть Сеня не сердится: я снова предлагаю «финансирование» поездки с двух концов – на началах «свободы, равенства и братства». Почти невероятно, чтобы я еще смог когда-либо съездить к вам, факт, что я пережил эту зим, меня немало удивляет. Физически, действительно, «грех жаловаться», но я испытываю в мыслях и в воображении, включая сны, состояния, мне до сих пор неведомые. Если мне память не изменяет, я кончил последнее письмо формулой, приравнивающей будущее прошлому. Это – от нового, почти повседневного Мне вовсе не

показалось «странным», как ты пишешь, что сон о 20-ом годе в Петербурге перешел в «настоящий» разговор с Марусей сего 24-го апреля в Лондоне. Мне кажется, что это и есть тот вековечный опыт, который внушал веру в возможность воскрешать покойников или, по крайней мере, «вызывать» их духи. Говорю же я обо всем этом, потому что силы духовные доходят до такой напряженности, что должны скоро иссякнуть. Скоро это «скоро», не знаю, и мне, впрочем, как и в мае прошлом, кажется, что меньше, чем до мая будущего. Надо ли повидаваться? Я очень хотело бы, не знаю, как ты.

Повторяю, «жаловаться грех». Первого мая я получил письмо от Ясперса (уже упомянутое в последнем моем письме к Сене), в котором он сообщает, что они оба, – а ей, Gertrud, если и меньше, чем 85, то, во всяком случае, больше 80-ти – живо меня вспоминают и даже хотели бы перечитать мои старые писания. Мне стало просто совестно, и потому-то я так и напираю на то, что сохранять бодрость в нашем молодом возрасте – прямой долг. Был бы рад твоему согласию.

Еще раз поздравляю с приездом (лучше – «с прыжком») ваших акробатов³¹ (ведь слетать в Россию – это как прогуляться по туго натянутой проволоке под куполом цирка!) и желаю бодрости, бодрости и бодрости. С горячими чувствами твой преданный и любящий А.

36. А. Штейнберг – Ф. Каплан

Со вторника на среду,
19 июня 1968.

[Разглядывая присланную Марусей открытку – питерский «вид»]. Когда я стал разглядывать изображение Дворцовой площади с Штабной аркой, произошло петербургское наводнение, вокруг меня возникли люди, с которыми я под конвоем свернул с площади на Миллионную, на пути в «Предварилровку», и мне стало особенно жалко молодого союзника Жерве, сына адмирала³², который почему-то искал у меня подтверждения надежды своей, что на Миллионной на тротуаре с правой стороны его будет поджидать молоденькая его жена, награжден-

³¹ Сестра Фанни Маруся и ее муж Сергей Яковлевич.

³² Альфред-Альбер Жерве (1937–1921), французский адмирал, командир французской эскадры, сторонник сближения с Россией. В 1893 г. был избран Почетным гражданином Кронштадта.

ная даром ясновидения. Я надолго задумался и уже принужден был отложить письмо к тебе на сегодня.

Конечно, я не собирался писать тебе об этом воскресшем дне, приключившемся в феврале 19-го³³. Но вот и сейчас, после десяти вечера, я уже больше часа сижу с пером в руке и листом бумаги на столе, захлестнутый все тем же петербургским наводнением. Может быть, это поможет тебе понять, как мне трудно сказать что-либо определенное о своем физическом состоянии отвлеченно, т. е. на языке общих понятий.

Что до истории нашей в целом, то тон моего отношения отличается, как будто, от твоего. Не то, чтобы я был равнодушнее, но, перерезывая во всех направлениях исторический массив последних шести-семи десятилетий, а занят я этим занятием постоянно, потому что всегда близко принимал к сердцу так называемые «события», я в странствиях этих теряю иллюзию за иллюзией, и предутренняя роса грозит выесть глаза. Невольно хочется подчас все забыть. Ну чем мог я помочь несчастному сыну адмирала русского флота Жерве?

В последнюю неделю много читал Библию с рядом толкований, и комментаторы нередко ободряли больше, нежели основной текст Писания. В нынешнем моем состоянии это естественно: средневековые комментаторы тоже заняты были воспоминаниями, между тем как Священное писание напряженно и пристально вглядывалось в будущее, смотрело вперед, а это в наш век для наших глаз вредно.

Беседую с тобой и не знаю, на тему ли. Мог бы продолжать и продолжать. Но докажу крепким поцелуем. Твой А.

37. А. Штейнберг – Ф. Каплан

Со вторника на среду, 23 окт[ября] 1968, оно же Новолуние месяца Мар-Хешвана, года 5729-г. 81 ETON PLACE, Eton College Road, London, N.W.3

После этих подробностей о месте и времени разреши мне, милая Фанинька, пожелать вам всем всего доброго к Новому месяцу, а затем перейти к делу. Но сначала хочу все же поблагодарить тебя за письмо от 17–18-го с приложением и за готовность позаботиться о моих

³³ 15 февраля 1919 г. А.Штейнберг был арестован и препровожден в «предварилровку», на Гороховую.

книжных нуждах. Вижу, как нелегко тебе справляться с повседневной нагрузкой, и боюсь прибавить к ней лишнюю осьмушку. Если это однако не чрезмерно и ты сочувствуешь моему чувству ответственности, я был бы очень признателен за книгу Martin'a, посвященную Шестову³⁴. Что обе его дочери живы, я слышал, но в годы, когда я чаще встречался с Львом Исааковичем, они еще были слишком молоды, чтобы приобщиться к метафизическим исканиям отца. Кроме того, между ним и его дочерьми стояла мать, которая – врач по профессии – чуждалась хасидских напевов. Говорю все это по памяти, и не помещает, если есть случай ее проверить.

То же относится к Блоку, Белому и всей Воль-Филе. Постараюсь узнать точнее, когда (во всяком случае – совсем недавно) и где «Вершины» Иванова-Разумника появились³⁵, после чего сообщу тебе, полагаясь на твое доброе сердце.

Из всего этот легко заключить, что я продолжаю интересоваться сюжетом и не перестал переводить факты, фигуры и конфигурации с непомятой памяти на непомнящую бумагу. Почему я это делаю, одному Господу известно. Но время с шести вечера до полуночи проходит довольно быстро, а результатами я иногда больше, а иногда меньше доволен. Одно несомненно: если я за последние недели иногда улыбался, то было это почти исключительно между 6-ти и 12-ти пополудни, наедине с пером, бумагой. Я делаю это, но не столько для того, чтобы «записывать», сколько для того, чтобы еще и еще раз развернуть свиток событий, которые в проекции на экране в воздухе за окном, на котором вот и сейчас пробегает лента с петербургскими видами и образами конца октября 1918 года. И уже одно то, что полвека как будто и не бывало, заставляет меня одобрительно улыбаться. Ты снова напоминаешь мне, друг мой милый, что мне следует продолжать писать. И уже одно то, что полвека как будто и не бывало, заставляет меня одобрительно улыбаться. Человек еще далеко не научился пользоваться, как следует, присущим ему даром памяти и, как бы боясь ответственности, которая этим возлагается на него, стремится заменить ее механизмом. Какой механизм мог бы реставрировать для меня Петербург моих последних лет в России?

Прости, я отклонился далеко в сторону. Это, по-видимому, естественно, когда привыкаешь к долгим бесконтрольным беседам с са-

³⁴ Shestov Lev. Athens and Jerusalem. Translated, with Introduction, by Bernard Martin. Ohio University Press, 1966.

³⁵ Р. И. Иванов-Разумник. Вершины. Литературная Армения. 1967. № 1.

мим собою. А я еще хотел особо поклоняться Якову Савельевичу и пожелать ему доброго здоровья. Если успею, еще на этой неделе ему напишу и пошлю зеленую книжку [...] . Крепко целую. А.

38. А. Штейнберг – Ф. Каплан

На вторник, 4. II. 69

Дорогой друг Фанинька, письма ваши от 26–29 января пришли накануне нашей почтовой забастовки, нового симптома развала, связанного с переходом на новые социально-экономические рельсы. Об этом в двух словах не скажешь, но в рамках бытовых это проявляется в том, что постоянно приходится с фактором неустойчивости [...]. Вижу действие психо-физического параллелизма в твоей «усталости» и сомнений в возможности «осмыслить и понять». Тебе кажется, что это недочет твой личный. Однако же, друг милый, ты же отлично знаешь, что на этом «недочете» покоится все развитие мысли человеческой: dr. Faust уже заставил признаться: «Da steh' ich nun, ich armer Thor, und bin so klug als wie zuvor»³⁶. И это после целого сонма всяких факультетов. В подобном настроении я много лет тому назад написал стихотворение, из которого сохранил в памяти первое четверостишие:

В простом и скромном сожаленьи
О непостижности миров
Я с несказанном умиленьем
Целую темный Твой покров.

В центре тогда у меня, и теперь у тебя – «вера». На это я надеюсь. И если ты сама считаешь, что «надо держаться», то у тебя – с помощью горсточки благоразумия – есть основания и держаться, и удержаться. Дай Бог!

Ты спрашиваешь, продолжаю ли я писать «воспоминания». Да, но в более медленном темпе. Не видя возможности в близком будущем найти помощь в упорядочении архива, я принялся за дело сам. Помимо чужих рукописей, есть и свои и письма от близких и далеких, список которых включает около полутора ста имен. Среди рукописей есть законченное сочинение «о еврейском характере», написанное по

³⁶ «Вот я сейчас, я бедные ворота, и я такой же умный, как раньше».

предложению Горького и Горнфельда. Я тебе читал из этой рукописи в 1920 г. в Рябове, и там я дал, между прочим, характеристику специфически еврейской памяти³⁷. Представь себе, теперь, почти полвека спустя, я наткнулся в здешней библиотеке на восхваление английского перевода русской книги, написанной проф. психологии Московского университета евреем А. Р. Лурье, под заглавием «The Mind of a Mnemonist»³⁸. [...] Один из результатов исследований взаимодействий исключительной памяти и других личных свойств есть открытие феномена памяти как черты, «характерной для целой социальной группы». Это было то самое, что было «открыто» и сообщено тебе на скамейке в Рябово под Петроградом. Если тебя интересует, постараюсь достать экземпляр для тебя.

В прошлом письме я напомнил тебе о «памяти памяти» Белого. Как видишь, мои «воспоминания» включают и эту разновидность: память об идеях, в том числе, о понятии человека и о том, что обозначается личным местоимением обоих чисел и всех трех лиц, не исключая первого в числе единственном. Таким образом, дела больше, чем сил и времени.

А жизнь идет своим чередом. Ты «жалеешь», и жалость твоя деятельная. По мере сил и я теперь стараюсь придерживаться «филантропии» и извергать из себя «мизантропию». Это тоже требует времени [...].

Очень хотел бы получить от тебя, милая, добрые вести, о тебе и обо всех вас, особенно о Марусе и Сер<гее> Яков<левиче>, и возможно скорее. Преданный, любящий и крепко помнящий друг твой А.

39. А. Штейнберг – Ф. Каплан

На вторник 4 марта 1969 Purim 1969 г.

Дорогая моя Фанинька, получил сегодня утром твое успокоительное письмо от 26 февраля [...]. Вчера весь вечер провел за немецким письмом 90-летней Гертруды Ясперс, овдовевшей накануне своего рождения (до вас, наверное, дошла весть о кончине в Basel'e Карла

³⁷ А. З. Штейнберг. О еврейском национальном характере (социально-психологический этюд) [1922]. Публикация Нелли Портновой. Исследования по истории русской мысли [14]. Ежегодник за 2018 год. – М.: Модест Колеров, 2018. С. 98–159.

³⁸ Маленькая книжка о большой памяти (Ум мнемониста). М., 1968.

Ясперса, которого я ровно год тому назад поздравлял по поводу его восьмидесятипятителетия – здесь это в газетах и по радио было отмечено как «смерть выдающегося психиатра и философа»). Тут тоже «воспоминания», и я мог бы много рассказать и тебе, и кому слушать интересно, о взаимоотношениях покойного Ясперса с Heidegger'ом или об его оценке Рабинкова, с одной стороны, Бубера – с другой, и т. д., и т. п. Будемте все благоразумны, если хотим «держаться». И вот видишь, как мало у меня времени, а между тем задачи размножаются, как одноклеточные организмы. Никто мне не помогает в разборе залежей бумаг, и я выработал особую технику медленных движений, на что, конечно, уходит очень много времени.

Но, слава Богу, тревожные месяцы позади; доктор Левин говорит, что «баланс мой за последний год сведен без дефицита», и я могу продолжать отчет об «архиве».

Повод непосредственно к медицинскому разговору на эту тему дал «американец» Лева³⁹, приславший мне письмо и печатные работы (исследование о Pieta Микельанджело в Флорентийском Соборе и о Пикассо, напечатанном в двойном номере LIFE за декабрь 1968 г., изданном его «Дорофеей»⁴⁰ – может быть, видела?) с предложением «откровенно высказаться» в виде того, что он готовит серию подобных исследований. Возможно, что это был лишь комплимент дядюшке, но дядюшка счел долгом «высказаться, хотя тоже с комплиментами (заслуженными!), но без философии. Ополчился «в защиту» автора соиздательницы LIFE Mrs Dorothy Steinberg, урожденной Seiberling, и пошли писать две губернии, не считая здешней приятельницы Левы, привезшей это художественное поздравление к Новому Году.

При таком положении, которое явно хуже главы одной лишь губернии, пославшие Веру из Иерусалима, якобы мне в помощницы, родичи Эльяшивы вздумали возложить на меня новую задачу: написать биографию покойного дяди, с которым я был так дружен. Не осталось ничего другого, как «пожаловаться» вопросительно доктору: смогу ли? – Его ответ: могу разрешить в крайнем случае сбор материала, растянутый не меньше, чем на год.

Взявшись за дело, я уже выудил записку дяди ко мне от начала 1916 г. со штемпелем «Rarpenau» на конверте, в которой вторая фраза: «Уверен, что ты не погибнешь, при каких бы то ни было обстоя-

³⁹ Leo Steinberg (1920–2010) – племянник Аарона Штейнберга, известный американский искусствовед.

⁴⁰ Жена племянника Лео Штейнберга, американского искусствоведа.

тельстввах»⁴¹ (это наш питерский Я. И. Гордин назвал бы «профетическая медицина»⁴²); два довольно длинных письма ко мне Евгения Павловича Иванова, о котором узнал из поименного указателя в т. VIII, что он уже в 1942 г. скончался и считался «лучшим другом Блока»; десять древнееврейских писем отца ко мне, прекрасно написанных из Москвы за годы 1924–1929, последний год его жизни, которые, может быть, прочтет уже его правнук с пользой и в память своей матери и деда; полный список сочинений... Впрочем, всего в этот поздний час не перечислю, да и одному Господу известно, интересно ли тебе все это – во всяком случае, для сегодняшнего вечера это подходящий случай показать тебе, что я «держусь» и не в дурном настроении, а посему могу послать к тебе и через тебя всем твоим добродушный и задушевный поцелуй! «Гут Пурим». Уже семь семилетий, как мы «знаемся». Доброго здоровья желает всем А.

40. А. Штейнберг – Ф. Каплан

Среда, 21 мая, 1969 г. Канун 49-го дня в счете Омера, 5729. 81. ETON PLACE. Eton College Road. London, N.W.3.

Милый друг Фанинька,

Получил сегодня твою резолюцию по поводу моего предложения от 11-го сего месяца. Смирюсь и перехожу к очередным вопросам. Рад, что вы собираетесь быть моими соседями в первой половине июля и надеюсь, с Божьей помощью, увидеться в привычной обстановке по выше(заново) напечатанному адресу [...].

В этих рамках за последние месяцы нашли себе место самые разнообразнейшие факты, которые, пожалуй, могли бы быть тебе интересны (напр<имер>, переиздание разных прежних работ, документальные подтверждения неких смелых гипотез, участие в разработке ряда проектов полуакадемического характера и т. п.). Однако суть не в том, и чтобы выразить это в немногих словах: все эти месяцы с прошлого октября я отдался, друг милый, стихии напряженной мысли, не чуждой мне с ранней юности. Может быть, будет уместно сказать –

⁴¹ Ср. эти строки в письме И. Эльяшева.

⁴² См.: Владимир Белоус. Вольфила. 2. С.723–725.

я спешно готовил новое исправленное издание хроники собственной эволюции. И, Боже мой, сколько ошибок я нашел – от простых опечаток до зловреднейших иллюзий.

Кому это нужно?

Если ты найдешь время и силы завести переписку на эту и подобные темы, я в твоём распоряжении. Пишу тебе и чувствую себя у подножия Горы Откровения. Да будет Господь милостив. С добрым праздником всем вам. Твой любящий А.

41. А. Штейнберг – Ф. Каплан

Четверг, 11 декабря 1969, 6 ч. Вечера, «после 8-й свечи». Eton College Road London, N.W.3.

Дорогой друг Фанинька, хотел бы восстановить нормальный ритм переписки с тобою, нарушенный вскоре после получения (13-го ноября) твоего письма от 9-го. Я поневоле оставил без ответа твои заключительные замечания философского характера и постараюсь, если удастся, еще сегодня подобрать выскользнувшую нить [...]. Сейчас, после того, как догорели все восемь свечек, перечитал все, что получил от тебя с начала прошлого месяца, и первым делом произношу трижды слово благодарности: спасибо! В них, в этих письмах твоих, отразилась вполне вся пятидесятилетняя дружба наша. Возможно, что я не достоин ее: глядя в эти дни, изо дня в день, на золотистые огоньки, «на которые можно лишь смотреть, но которыми нельзя пользоваться», я любовался не только нараставшим рядом увенчанных очистительным пламенем колонок, но и сказывающимся в этой миниатюрной колоннаде светлым смыслом. Я всегда увлекался «беспольным», тем, чем не следует, чем «нельзя пользоваться». В свете этого смысла я старался всегда упорядочить собственное житье-бытье и отношения к близким и далеким, и даже к Творцу. В этом отчасти и намек на то, что мне очень трудно было примириться с резко подскочившей нагрузкой для моей пользы моих здешних друзей. Анна Григорьевна, к примеру сказать, в это время была больна, но и она, и Mr. Klauzner, не задумавшись, бросались на приступ, заразили своей храбростью и врача, и бледнолицего друга Доротей, и ее самое, покуда не появилась настоящая сиделка, взявшая уроки еврейской стряпни. Можешь себе представить, каково было мне видеть все это после

потерпевшей неудачу попытки бóльшей самостоятельности. Я сразу почти споткнулся и, как стыдно ни было, почти сразу сдался [...].
Твой А.

42. А. Штейнберг – Ф. Каплан

Четверг, опять конец новолуния, Adar'a I-го, 5 фев<аля> 1970 г.
81 ETON PLACE Eton College Road London, N.W.3.

Дорогой друг Фанни, получил 3-го дня твое письмо от 29-го января и в тот вечер упомянул об этом в письме Сене. Ты 29-го упоминаешь лишь это мое письмо, но надеюсь, что до тебя дошло и предыдущее (под 1-е января). Сама сообщаем: писала тебе в последний раз 3 недели назад» – без комментариев. Но кончина Бертрана Рассела⁴³ заставила меня воспроизвести встречу с ним пятьдесят лет тому назад, а заодно и тебя в тогдашней обстановке. Если бы я захотел в письме этом к тебе добавить то, что я в конце того же года услышал в связи с этой встречей в Москве от Луначарского и Покровского, когда начал с ними переговоры от имени Вольфила о созыве Первого Всероссийского Философского съезда с участием иностранцев, то пришлось бы оставить без применения на полях почти все твое письмо, начиная с отправного понятия «старость»; мне не хочется «комкать», а потому ограничусь лишь одним пунктом в конце твоего письма: «начала и концы сходятся, когда круг замыкается». Тут – расхождение: по-твоему – «круг», по-моему – «спираль», и об этом надеюсь поговорить, не торопясь. Иллюстрация: воспроизведен был дедовский дом в Ковне в 1898 г., и вскоре после этого возникла юридическая задача подробно его описать в связи с правами на возмещение убытков наследникам Эльяшевых. Я написал об этом Мите, и в официальном ответе на анкету на всякий случай дал адрес Левы.

Не примечательно ли это, как причудливо в «старости» переплетаются темы благословения по Библии с правами наследства, детское воспоминание с грузной и реально сохранившейся недвижимостью?

⁴³ Бертран Рассел (1872–2.II.1970) – британский философ и общественный деятель.

Но обо всем этом – постепенно. Сейчас пишу, чтобы узнать поскорее, как вы все, включая тебя, на опушке платоновской чащи поживаете⁴⁴.

Анна Григ<орьевна> медленно поправляется и кланяется вам, Патриция⁴⁵ же просит «напомнить» и о ней. Твой, с пожеланием доброй субботы Законов и месяца Адара I-го, любящий А.

43. А. Штейнберг – Ф. Каплан

Четверг, 4 июня 1970. Снова канун Новолуния, на этот раз Сивана, 5730

Твой день, дорогая Фанинька, и как раз вчера пришло твое письмо от 29-го мая. Патриция очень обрадовалась возможности увидеть вас среди гостей на свадьбе и поспешила сегодня оправдать приглашение. Обрадовался, независимо от торжественного события, твоему письму и я: возможность свидания и продолжения «задушевной беседы» все более приближается к [статусу] воплощения во времени и пространстве – дай Бог ей осуществиться в наилучших обстоятельствах для на всех.

[...] Но в других таких случаях – очень широко развертывающихся спиралах – я не так воздержан. В прошлом письме я упомянул heidelberg'ского студента С. Г. Пушкарева (который в 1911 г. познакомился с Абр<амом> Григ<орьевичем> Галопом), ныне тоже достигшим 9-го десятка. Вчера я получил от него второе сверхмерно длинное заказное письмо от 1-го июня из-под Yale'ского ун-та, в котором он утверждает мою догадку, что он знал А. Н. Зильбермана и даже, оказывается, его «патрона, prof. Lenard'a»; упоминается в этой связи и «меньшевик Зубок(sic!)» – говорит ли Сене что-либо это имя? (Я хотя никогда меньшевиком не был, но помню Зубка, так сказать, «на зубок» и, пожалуй, порадую Sergii's Pushkarev'a этим фактическим каламбуром). Он, между прочим, собирается мне прислать свою

⁴⁴ В письме от 29 января 1970 г. Фанни писала, что семинар Я. С. Клейна закончился, о чем она жалеет: «так легко сбиться в пути в дремучем лесу платоновской диалектики».

⁴⁵ Патриция Ульстерская – «сиделка», «помощница по медицинской части и домоводству», как называл ее Штейнберг.

книгу «The Emergence of Modern Russia, 1801–1917» (знаешь такую?)⁴⁶. Короче, и тут та же «прикладная метафизика», хотя и особого рода.

Есть и другие урожаи этих месяцев. Но, как говорит Сергей Германович Пушкарев в последнем письме: «Однако, надо же мне когда-нибудь окончить мое «бесконечное письмо!» (обрати внимание на старую орфографию и кавычки), в данном случае, главным образом, потому, что по сути проблемы довольно сложные, я все равно сегодня не доберусь и, если захочешь, дополню устно. Ну, признайся, друг милый, тебе все это не скучно? У меня целый портфель подобных историй. Твой, очень желающий добра А.

44. А. Штейнберг – С. и Ф. Капланам

Воскр<есень>. 28 июня, 1970

Пишу вам, дорогие мои, чтобы сообщить вам, что я уже несколько дней в восьмом десятке и что переход прошел спокойно и благополучно. Благодарю за добрые пожелания и наперед желаю вам и вашим того же. Письмо Ваше от 21-го на этот раз, вероятно, в виду срочности его содержания, пришло уже 23-го, но другое письмо, из самого Нью-Йорка, от 16-го, прибыло одновременно с вашим. Впрочем, оно было деловое, а не поздравительное.

Мое последнее «деловое» письмо вам, в виду таких порядков, я отправил заказным [...]. Наши общественные нравы и обычаи постепенно превращают «чествование» в бич. Сколько я ни отбивался, «обе» Америки принялись собирать мои еврейские писания, чтобы издать «том 2», и даже, как я на днях узнал, нашли повод снарядить в Лондон «верного человека» для этого дела. Поживем – увидим. Это все по доброте сердечной и из сострадания к бедному брату-писателю, который так и не успел зарегистрировать и полутома «собрания сочинений», накопившегося за шестьдесят лет. Когда я написал одному из этих искренних доброжелателей, что я вообще против подобных «тарарамов», он просто обиделся: «Я – ответил он мне – тоже не тарарамщик и не барабанщик, а все же...». Выходит, я снова провинился: смирение паче гордости

⁴⁶ См.: Переписка С. Г. Пушкарева и А. З. Штейнберга. *Подготовка текста и примечания Н. Портновой*. Новый журнал. 2007. № 248.

Уж простите, что я так разошелся. Это на радостях по поводу приезда вашего. Держите в курсе, а, главное, повторяю, будьте здоровы!

А тебе, дорогая Фанинька, к наступающему в субботу новому месяцу Тамузу – гут ходеш!

Ваш А.

45. А. Штейнберг – Ф. Каплан

Вторник, 8-го сент. 70 г.

Благодарю, дорогая, за письмо от 3-го, полученное одновременно с письмом Маруси от 3-го августа! [...] Неужели наша страна, свободная Британия, стала так своевольничать? Это загадочная головоломка, как сказал бы Черчилль, которую, однако, надо принять во внимание, чтобы не разминуться [...].

Я тебе в последний раз писал, как тебе это, наверное, известно, 3–4 сент. За эти дни «чепуха» перестала распухать, и скоро, вероятно, все утрясется. Зато появились неожиданно новые посетители. Об одном из них ты, пожалуй, знаешь. Это Алексей Александрович Гольденвейзер, нью-йоркский юрист, прикосновенный к «Новому журналу», сын известного киевского адвоката, толстовца, автора книги «Наказание как преступление и преступление как наказание». Дядя, Ал<ександр> Бор<исович> Г<ольденвейзер>, пианист, игру которого Лев Николаевич очень любил, часто гостил в Ясной Поляне. Мой гость немного старше меня, но очень хорошо помнит времена нашей юности в киевской перспективе. Близко знал семью Шестова-Шварцмана и почему-то очень хотел перечитать мою статью о юридической терминологии 1912 г. (я обещал ему послать фото статьи).⁴⁷ Стоит, пожалуй, отметить, что внешне он смотрится древним старцем, но ум и память, как в Берлине 20-х годов, когда он был с покойным Як<овом> Льв<овичем> Тейтелем, оплотом «Союза Русских Евреев». И он настойчиво убеждал: «Мемуары! Нужны, прежде всего, Ваши мемуары...» Это дает мне повод уточнить некоторые мои соображения о «круговой поруке» в отношении прошлого. Коли, с Божьей помощью, увидимся, я смогу, в случае чего, пояснить.

⁴⁷ Конституционная жизнь и юридический метод. Журнал Министерства Юстиции. Март 1912.

А пока могу в двух словах пожелать вам всем накануне переселения в Италию: в добрый час! От всего сердца, твой А.

46. А. Штейнберг – С. и Ф. Капланам

Воскр<есень>, 1 ноября 1970 г.

Спасибо, дорогие, за письма от 26-го, прибывшие сюда под знаком радуги (после Потопа), рассеявшие накопившееся беспокойство. Они были прочитаны после конца субботы, совпавшей с Новолунием. Желаю по сему случаю доброй недели (Gut voch) и доброго месяца (Gut Chodesh), надеюсь, что вы все сохраните сообразное с обстоятельствами равновесие. Отвечаю немедленно в виду того, что предстоящая неделя туго набита, а затем предстоит письмо к 7+7=14-ому в связи в двумя более внушительными семерками. Не забываю, как не забываю и то, что по поводу «старости» существует некоторое разногласие между дорогой Фанни и мной: старость, конечно, «не радость», но есть радости, которые не стареют. Чувствую это особенно отчетливо, когда заканчивается цикл Пятикнижия (Симхат Тора=Радость учения), и все возвращается к Изначальному Началу. Но это, может быть, слишком отвлеченно, хотя и на вопрос той же дорогой Фанни, почему я поминаю то и дело деда, оставляя в стороне отца, я не мог бы ответить менее отвлеченно и не вдаваясь в диалектику смысла чередования поколений. Если мне даровано будет расширение пределов «конкретного» в самом бесспорном его значении, я, с Божьей помощью, еще вернусь к этому.

А вот – предварительно – факты. Ан<на> Григ<орьевна> и Пат благодарят за приветы, я – за добрую память Як<ова> Сав<ельевича> и Льва Штрауса (надеюсь, что и здоровье не уступает напору времени) [...].

Был здесь 20-го октября Ригнер⁴⁸. О книге Сени он полагает, что все в порядке, послал вам поклон. Говорил со мною почти исключительно о ВЕКовых делах, включая решение «чествовать» меня по случаю 80-летия изданием тома в соответствии с моим собственным выбором. Я остановился на собрании методически расположенных исследований и очерков по Философии Истории. ВЕК хотел бы, чтобы

⁴⁸ Ригнер Гергард (1911–2001) – генеральный секретарь ВЕКa (1965–1983).

это был солидный том (стр. 500-600), все по-английски, а затем – отдельно – на ivrit. Ан<нна> Гр<игорьевна> помогает мне подобрать материал, который наполовину надо будет перевести на англ<ийский> (с русск<ого>, нем<ецкого>, евр<ейского> etc). На все это есть ассигновка.

Что до конгрессного тома или томов на идиш, то это затормозилось из-за многообразия склок. Ах, милые мои...

Но Исай Менделевич продолжает меня убеждать, что моя «Автобиография» еще не закончена, и я продолжаю писать (он прав!). Сейчас я занят темой «Горький». Рад был услышать от Сени, что его сотрудничество в Juluismit продолжается. Жду отклика. А что с корректурами «Религии разума»?

Но скажу еще раз: главное – будьте здоровы! Пишите же. Всем сердцем А.

47. А. Штейнберг – Ф. Каплан

1 дек. 1970

Да, Фанинька, сегодня 1 декабря 1970 г., а о возрасте твоём я узнал приблизительно в это время года, несколько месяцев после Рябовского лета, в окрестности Конногвардейского бульвара и Владимирского собора. Накажи меня, если думаешь, что следует меньше помнить и больше забывать, но ведь и тебе кажется странным, что тебе было невдомек, к чему относятся мои заставляющие меня «уважать» тебя твои же собственные семерки, с которыми в моем письме к Сене от 21-го, но уже без всякой математики, я еще раз поздравил вас всех, т. е. вас в Аннаполисе с гостями вашими из Нью-Йорка. Надеюсь, что вы все относительно в порядке. Дай Бог! Что же касается первоначального недоумения, то я мог бы по этому случаю выложить целый ряд предположений и, того и гляди, снова впасть в диалектику. Ограничусь одной «теорией», чтобы рассечь «гордый узел». Ты слишком честна, чтобы принять на веру какой бы то ни было факт, относящийся непосредственно к тебе самой – даже данные, заверенные паспортом, и лучше о них не думать. Хорошо ли это и полезно ли на осьмом десятке, об этом моя история умалчивает. В крайнем случае, могут прийти на помощь старые друзья, к которым причисляю и себя. Твое заключительное «узнаю... принимаю» отношу и к себе самому. Спасибо!

Теперь еще вкратце о своей работе. Составляю оглавление, т. е. подробный связный план целого; сделан учет всего, что под рукой; материал, который надо будет перевести в первую очередь на английский (например, с немецкого), так сказать, застраховать, т. е. не отдавать на сторону, не оставляя себе точной копии оригинала⁴⁹ (тут, кстати, к тебе вопрос и просьба: сохранился ли у тебя оттиск моей статьи из «Biologie der Person» о личности в старой и новой России, и если да, очень ли затруднило бы тебя заказать фотостит в двух экземплярах, конечно, за мой, т. е. ВЕКОВЫЙ, счет, если это для тебя не очень обременительно, просьба сделать это – если хочешь, поясню для чего и дам вам вообще «общий» план) [...]. Твой А.

48. Ф. Каплан – А. Штейнбергу

8 декабря 1970 г., вечером. Annapolis Md

Дорогой мой Аарон,

твое письмо от 1 декабря получилось 3 дня назад. Спасибо. Спешу тебе ответить без задержки, в первую очередь насчет твоей просьбы. Статью твою «Das Individuum im alten und neuen Russland» я, конечно, имею, но, увы, сделать копию не могу: машина в College в починке, послать в Baltimore боюсь, как бы случайно статья не затерялась. Поэтому я решила «одолжить» тебе мой экземпляр с тем, что ты мне его вернешь, не правда ли, при случае. Посылаю статью воздушной почтой в отдельном конверте.

Воспользовалась случаем и перечла статью. Милый, Россия – твоя настоящая «Прекрасная Дама» и ты ее рыцарь. Покинув ее и оглянувшись назад, может быть, уже тогда с ясным сознанием, что ты никогда не вернешься и не увидишь ее, ты с любовью начертал ее образ. Это не аналитический анализ народного характера, а синтез его. Почти видение, «непостижное уму». В нем все или почти все верно и странным образом так близко для всех, кто знает Россию. Образ верен, но «образ» тем и отличается, что он «уходит» от действительности, возвышает (если можно так определить) ее. Прошло больше 40 лет с тех пор, как ты написал эту статью. «Видение» осталось, но перспектива сместилась, и тень легла на многое. Что осталось от общения от «лица

⁴⁹ Речь идет о статье «Das Individuum im Alten und Neuen Russland», опубликованной в сб. Die Biologie der Person. Vol. IV. Berlin. 1928. Сс. 66–81.

к лицу», когда русским целой эпохи пришлось одеть «маски». Как ложь, навязанная сверху тираном и под прикрытием «масок», объявленная вслух (поневоле!) за правду, как это растлило души, этого мы не знаем и об этом можно только гадать.

Что внес материализм («марксизм-ленинизм») в духовную фибру русского человека, тоже неясно. Какой-то яд разложения наверно внесен. И многое, многое другое, что случилось за этот короткий по времени, но чреватый по событиям срок. Слава Богу, читая Солженицына, узнаешь старое, знакомое, настоящее. Значит оно есть, значит «умом Россию не понять, аршином общим не измерить, у ней особенная статья, в Россию можно только верить». Все, что я пишу сейчас – только мысли вслух по поводу прочитанного. Отнюдь не возражение, наоборот, если даже образ уйдет от действительности, он в последнем счете ключ к пониманию этой изменившейся действительности.

На сегодня хватит об этом, но, если ты не согласен со мной и хочешь продолжить беседу, напиши. У нас мало нового. Сеня тебе на днях напишет сам. Unger звонил, что корректура начнет приходить в конце этой недели. Мы будем очень заняты, главное, конечно, Сеня. Я хотела бы, чтобы корректура и печатание уже были позади во времени [...].

Очень, очень рада, что что работа по подготовке материала к печатанию подвигается вперед. Пришли набросанный тобой план, если можешь, слава Богу, что здоровье твое удовлетворительно. А каламбуришь ты можешь, сколько хочешь, я люблю игру слов, когда она выскакивает неожиданно в личной беседе.

Обнимаю тебя крепко, будь здоров и бодр желаю это тебе от всего сердца своего. Анне Гр<игорьевне> привет. Ф. К.

49. А. Штейнберг – С. и Ф. Капланам

Вторник, 6 апреля 1971. 81 ETON PLACES Eton College Road
London, N.W.3.

Дорогие мои, получил сегодня письмо Сени с хасидской картинкой и припиской Фанни, но уже вечером телеграмму и письмо от 29-го февраля. За все сердечно благодарю, хоть Всемирному Почтовому Союзу все еще нужна целая неделя, чтобы доставлять по воздуху конвертик от вас в Лондон, решаюсь впервые после долгого перерыва

дать ответ на ваш главный вопрос обо мне, как если бы средства сообщения стали снова регулярными.

[Далее – подробное описание медицинского заключения врача – Н. П.]

Гостей у меня немало; переписка скорее расширяется, чем наоборот; интересы также никак не хотят считаться с возрастом и естественно – воображение, память и чувства продолжают разыгрывать свои шарады. Есть какое-то основное несоответствие между физическим и душевным, но посетители мои, очевидно, не замечают этого и после оживленной беседы уходят с убежденностью, что я вовсе не болен. Последним в эту Великую субботу был муж Миты биолог Чарный.

Это приводит меня к моему ошибочному предположению, что Ис<айя> Менд<елевич> окажется верным продолжателем хасидского благонравия и передаст вам мой Шалом⁵⁰.

В этой связи хотел бы отметить большую заботливость, которую проявляет по-прежнему Евг<ения> Борис<овна> Гурвич («Женя»): не раз справляясь о вас. От поры до времени я продолжаю с ней разговор, начавшийся в кружке «Шуры» (покойной Александры Лазаревны) еще в Берлине, явился ли уже на земле Мессия или следует еще ждать.

А как вопрос решается по Cohen'у? Полагаю, что теперь Вы оба насыщены когенологией, и, если бы его не было, его надо было бы выдумать.

То, что ты Сеня, пишешь о немецком тексте Дубнова, преувеличено, но сам автор (в третьем томе своей «Книги жизни»), в своей оценке моего перевода приближается к твоему суждению. Поверишь ли, мне еще теперь приходится переписываться с издательством Дубнова (в Иерусалиме) о гонораре. Так вот спираль и продолжает свое дело *more geometrica*.

Следующее письмо будет, с Божьей помощью, обращено к Фанни, а теперь с праздником всем вам и пишите также подробно вашему А.

⁵⁰ Возвращение к бывшей с И. Берлиным полемике от 14–20 июня 1957 г.

50. А. Штейнберг – Ф. Каплан

Со вторника на среду, 14-апреля 1971 г.,
т. е. на 5-й день Пасхи 5731

Милый друг Фанинька..

[...] А теперь от обобщений прошлого письма прямо к делу – к письменному общению с тобою, милая моя, без всякого второго предваряющего «об».

Скажу прямо, что месяцы были нелегкие. Разреши, дорогая моя, перечислить, какими заботами я был завален: подготовлением трех очень разнородных томов; продолжением писательства; обширной перепиской в связи с притязаниями на бабушкино наследство, из которой я узнал, что (для иллюстрации) я – племянник «of Professor Leo Steinberg, New York», и что, следовательно, в завещании покойной матери, кроме брата и меня, должен быть упомянут «your uncle Leo» – и на всю эту загадочную чепуху надо отвечать скоро, на машинке и... в двух экземплярах; но это далеко не все – на меня падает подозрение, что я польстился на имущество родни... Простите, что я занимаю и тебя, и невзрачный мой листок этой чепухой, но ведь, будь ты тут, ты наверно поинтересовалась бы услышать от меня чудовищную хронику мимотекущих дней. А что сказать о том, что мне не верят, будто я уже в 1911 и 1912 гг. стал сотрудником и «Русской мысли», и, главное, «Журнала Министерства Юстиции». «Помилуйте, – я слышу голоса, – да Вам тогда и 20-ти лет не было! Что Вы, смеетесь над нами?». Приходится свидетельствовать, как в кошмаре, перед судилищем в Преисподней...

Дорогая моя, ставлю многоточие... Худший из лгунов тот, кто пытается говорить простодушно в их обществе правду... Естественно, одолевала охота бросить все на произвол судьбы. Однако мотивы, приводившие меня всю жизнь к непротивлению, сохраняют и теперь свое значение, а времени и сил очень немного осталось. Мой вопрос все эти месяцы был: стоит ли продолжать «борьбу за существование?»

Ты видишь, я продолжаю, хотя чепуха и ложь заедают. Нет сомнения, что Ан<на> Григ<орьевна>, которую пугать было бы с моей стороны и низко, и бесцельно, своей энергией и напором дала и продолжает давать перевес чаще, изображающей круг земной нашей жизни. Но мне совестно.

Очень заметно ассимилировалась Патриция. У нее теперь не только собственный муж, но и собственный телефон, не говоря о квартирке. И ей немало помогла Ан<на> Григ<орьевна>. Но повторяю: мне совестно.

Хотел еще назвать нескольких людей, о которых тебе, вероятно, интересно было бы кое-что узнать, но сегодня уже слишком поздно. Опять иллюстрация: для перешедших в еврейство жены Эйслера и мужа ковенской Веры – я почти вроде хасидского волхва, то же – для матери Пат, и нельзя же оставить это без возражения, так называется новая линия «общения». Но если по приписанному мною «народу» слову пол-истины – «цельная ложь», то мой новый опыт меня учит, что и пол-лжи может стать иногда цельной истиной.

Но мы, ты и я, давай стараться никому не уступать «цельной истины» и будем считать ее нашей покровительницей – согласна? Если «да», то так и скажи, и так напиши. От всего не остывающего сердца – твой А.

51. Ф. Каплан – А. Штейнбергу

22 апреля 1971 г.

[...] ты был перегружен разными, частично и бесплодными задачами. Последнее я отношу к бабушкиному наследству: надо два века пережить, чтобы довести такие дела, особенно с русскими, до конца. Но дело начато, и тебе приходится отвечать за «дядю Лео», которого ты так старательно внес в анкету как своего племянника. Ты не написал, как продвигается проект издания твоих статей и удалось ли наладить перевод разноплеменных языков на один – английский. Мне не ясно из твоего письма, идет ли дело об одном томе или больше, и какие это другие тома. Вот эта нагрузка действительно огромная, сверх сил. Я бесконечно жалею, что ты так мало интересовался «собранием своих сочинений» (выражаясь неуклюже, но по сути), хотя бы 10 лет тому назад. Тогда ты еще мог работать с легкостью, и твое здоровье было не так расшатано. Но я верю, что с помощью Анны Григ<орьевны> тебе удастся наладить этот том.

Ты пишешь, дорогой мой, о «истине» и «лжи». По-моему, ложь примешивается к истине, все равно в какой пропорции (ведь дело не в количестве, а в качестве) делает истину не истинной. Другое дело, что

истину нам часто не дано знать, и мы ошибаемся на каждом шагу и на практике, и в теории. Тогда «наполовину ложь», «наполовину истина» может обернуться целой истиной, потому что ложь вовсе не была ложью, а нашим незнанием истины... Семинар Штрауса продолжается, и мы его видим, по крайней мере, каждую неделю.

52. А. Штейнберг – Ф. Каплан

Среда, 28 апреля 1971 г. 18-ое в счете Омера 5731 г.

Сердечно благодарю, трижды, дорогая Фанинька, за три твоих листка от 22-го, полученные третьего дня. Ты молодец: отлично справилась с моими вопросами и даже нашла место для рассуждения об истине и лжи, с которыми, если верно понял, могу согласиться почти без оговорок. Но это завело бы уже в лабиринт обобщений, а мне хотелось бы первым делом консолидировать снова расчищенный путь письменного общения. Начну поэтому с ответа на твои вопросы и – даст Бог – удлиню свой собственный опросный лист.

«Три тома»: главная работа с помощью Ан. Григ – упорядочение материала для англ. тома о «философских аспектах истории», всеобщей и еврейской», может быть, под заглавием «Мессианизм». Материал на шести языках, на которых я писал эти шестьдесят лет, почти весь собран и наполовину с лишним переведен на англ<ийский>, но большей частью лишь вчерне. Я по-прежнему строг к автору и готов многое выключить. Встречаю, однако, сопротивление со стороны слишком доброжелательной критики. Самый факт, что автор уже в 1911 г. писал в отчете о IV-ом Философском конгрессе в Bologn'e⁵¹, что «видеть глаза философа не менее поучительно, чем читать его книги» (по поводу выступления Бергсона), одним из компетентным специалистов рассматривается как свидетельство того, что все мои ранние писания на избранную для этого тему заслуживают переиздания и перевода на «общепонятный» язык. Сколько с таким подходом связано встреч, переписки и технических задач, можешь себе представить. Ты права, конечно, когда говоришь, что это надо было сделать все десять лет тому назад, но мне ведь и теперь еще не ясно, к чему

⁵¹ «Парламент философии». IV философский конгресс в Болонье 6–11 апреля. Русская мысль. 1911, VII.

все это. Оборву на этой иллюстрации и постараюсь лучше объяснить, как под заглавием «Мессианизм» размещаются и все мои работы о современном кризисе культуры: они собраны под знаком «Извращения мессианизма». Даже работа 1932 г. по поводу 300-летия рождения Спинозы находит себе здесь приличное место (в ней, между прочим, я нашел указание на ценность работы Лео Штрауса о Сп<инозе> и Библейской критике)⁵².

Но обо всем этом, даст Бог, сумею продолжить, когда буду иметь твой отзыв: интересно ли это тебе так подробно. И скажи поскорее, как подвигается твоя и сенина работа. Я хотел бы иметь от вас и обо всех вас пусть коротенькие, но регулярно приходящие бюллетени. Я легче, чем в прошедшие периоды, поддаюсь припадкам тревоги, так помоги мне, друг мой милый.

Очень сердечно шлет тебе свои «речарды» Патриция. Анна Григор<евна>, надеюсь, скоро сама напишет. А себе желаю, чтобы и ты приобщилась к общению с твоим А.

53. А. Штейнберг – Ф. Каплан

22 июля 1971

Дорогая Фанинька, милый друг мой, в самый конец пятницы получил ваши письма с приложениями от 13-го. Сене напишу отдельно, Бог даст скоро. Но тебе в этот канун Новолетия драматического месяца – грех задерживать дольше. Хотел тебе писать уже в воскресенье, но, отвечая на вопрос о здоровье, надеюсь дать некое представление об образе моей жизни и о ее безобразно глупых осложнениях в связи с частной моей хронологией. Уже один этот листок может показать тебе обе стороны медали, присужденной мне при переходе через порог девятого десятка: сделать лишнее усилие – экскурсию в кабинет за привычной бумагой с напечатанным адресом – может вызвать припадок одышки, который помешал бы мне и сегодня написать тебе, как мне очень хочется с самого начала недели, и вот, несмотря на свой педантизм, пишу тебе на бумаге, что на столе под рукой [...].

⁵² Fraye Schriftn. 1932. № 14; History as experience. P. 371–381. Последнее издание в переводе на рус. яз.: «Спиноза и человеческая свобода (1632–1932)». А. З. Штейнберг. Философские сочинения. С. 669–672.

Ты спрашиваешь, как идет работа по подготовке тома? Какого тома? Которого из трех? Разреши, Фанинька, напомнить, что уже в мае прошлого года наш друг Исайя из Оксфорда заинтересовался моим «Литературным Архипелагом» (в котором должно было найтись место и для тебя в связи с Бертран Расселом). Пропущу промежуточные стадии, скажу лишь, что и это теперь «том»: нашлись деньги на расходы, и нашлась в Оксфорде специалистка по русской литературе, ездящая сюда с магнитофоном, с которым «вкупе и влюбе», как говорил Разумник, она слушает мои рассказы-экспромты о людях и делах давно – для меня «недавно» – минувших дней. На прошлой неделе, считаясь с распределением времени любезной гостью (Елены Викентьевны, изумительно тонко понимающей русский язык), четыре дня подряд импровизировал свои рассказы по три-четыре часа каждый раз и почти без запинки. Говорю я, само собою, по-русски (как иначе передашь правильно интонацию Белого, когда он на Николаевском мосту, идя за гробом Блока, вдруг повернулся ко мне и сказал: «Саша был органический человек... Дышать нечем, он и задохся... А мы живем!»), а слушательница с аппаратом хотела бы слушать и слушать: «It is all so important ... and so coherent».⁵³ Но не могу же я похерить все остальное. Так вот, дорогая моя, посуди сама: здоров ли я или болен? [...] Как будто сплошь узкие места, а между тем, даже ты, милая моя, нашла, что тон моего последнего письма «бодрый». Вероятно, я торжествовал по поводу того, что «торжества» кончились, но и это оказалось иллюзией. Что до «отметок», то даже пятерки с плюсом мне казались ужасно безвкусными и неуместными, за немногими исключениями, хорошее письмо написал Ригнер, Мме Рединг, дочь покойного Стивена Wise'a и еще кой-кто.

Ты видишь, как я расписался?! Если масштаб тебя не пугает, воздай мне по заслугам, а в конце той недели, с Божьей помощью Маруся и Сергей смогут дать показания очевидцев. Желая тебе, Сене и им «Гут ходеш» и «Гут шабат». Очень любит тебя твой Аарон.

⁵³ «Все это так важно и так понятно» (англ.).

28 июля 1971

Письмо твое от 22 июля, полученное вчера, меня очень, очень порадовало. Конечно, я знала и помнила о твоих замыслах «Литературного Архипелага», но за последние полгода ты ни разу не упомянул о том, насколько конкретно ты уже «крейсируешь» в этом архипелаге. И теперь так получилось, что к своему 80-летию, «вместо подношений и даров» от других, ты оставишь чудный подарок для будущих читателей, для тех, кто через твой рассказ увидит ряд замечательных людей и ощутит духовную атмосферу Вольфины, театральной энциклопедии и всего того, что было связано с Петербургом 18–22 годов.

Через портреты ты выявишь соборный дух того времени, хотя и небольшой, но исключительной группы людей, покажешь, куда уносились их мысль в самом разгаре революции и как искали они (и, конечно, не находили!) ответы на самые злободневные и философские, и политические вопросы и на людях, и в Вольфиле, и в частных беседах. Люди у тебя живут в обстановке «страшных лет», а «страшные годы» осветятся духовностью этих людей. Мне думается, в этом и будет твой «чудный подарок» для будущих поколений, которые не так-то легко смогут связать прошлую Россию с тоталитарной регламентацией и окаменелостью современной. Как удачно и то, что слушательница твоих изустных, переводимых на запись воспоминаний, как ты пишешь, тонко понимает русский язык. Кто она? Русская? Достойный слушатель воодушевляет рассказчика и, хотя ты не упоминаешь об этом, но я чувствую, что записи доставляют тебе большую радость. И я радуюсь за тебя и с тобой. Мы, ты и я, часами и днями много беседовали и вспоминали об этих первых годах и нашей встрече и обо всем, что происходило с нами и вокруг нас, о людях, о Вольфиле, о революции, обо всем. Но я была не только слушательница, но и свидетельница многого (теперь единственная оставшаяся свидетельница, так близко связанная с этим периодом твоей жизни), и твои воспоминания совпадают в конкретных деталях, это скорее как столбики, расставленные на духовной карте того времени.

Ты упоминаешь о 3-х томах. Теперь я знаю о 2-х, но какой 3-й? Смутно догадываюсь, что это может быть сборник статей на идиш? Напиши об этом. Подвигается ли работа с переводами на английский?

Четверг, 9-го сентября 1971 г.

Дорогая Фанинька, наконец-то, после того, как ушло письмо к вам с поздравлением к Новому году 5732 (сумма цифр 17 = тов!), получилась ваше от 2 сентября. Спасибо, и пользуюсь случаем, чтобы «подтвердить» поздравление, а заодно, чтобы возобновить мою с тобою переписку, оборвавшуюся по вине моей и обстоятельств на твоём очень хорошем и ободряющем послании от 28-го июля.

Обстоятельства были всякие – дурные и хорошие. Остановлюсь на том, что называется тов = хорошо. Моя сотрудница, немного экзальтированная ученица и почитательница И. М. Берлина, родом из Южной Африки, из семьи англо-иранской, которой отроду 28, имела, очевидно, поручение представить всю рукопись моего «Архипелага» к началу нового учебного года. На это отпущена была какая-то сумма, но независимо от всего этого, она сама увлеклась моим устным повествованием, и, таким образом, мне волей-неволей приходилось сочинять целые главы экспромтом и говорить, и говорить – иногда по три часа сряду. На той неделе я сказал: стой! Последняя глава «Памяти Льва Платоновича Карсавина». Все в целом – не воспоминания, а «литературная жизнь по личным наблюдениям». Посмотрим, что будет в машинной копии. Елена Викентьевна говорит, что она «в восхищении», но – пушкинский вопрос: «доволен ли ты, взыскательный художник?» Посмотрим.

Покуда-что неожиданный сюрприз к пятидесятилетию смерти Блока. Есть в Англии издательство, перепечатавающее «для специалистов» русские книги нашего с тобою времени. В серию эту, как № 27, они включили отчет нашего заседания «Памяти Александра Блока» с речами Белого, Разумника и моей. Узнал я об этом случайно, а они очень удивились, услышав от Ан<ны> Григ<орьевны> по телефону, что «А. З. Штейнберг» хотел бы выписать несколько экземпляров (один, само собою, для вас): «Как? А он разве еще жив? Вот интересно!» Недаром говорится, не знаешь, где потеряешь, где найдешь.

Конечно, и это только задаток, если будет на то воля Божия. А сказать есть о чем. Но надо считаться с наступлением пятницы и закончить очень теплым приветом. Итак, еще раз L'shana tova от любящего А. З. Ш.

56. Ф. Каплан – А. Штейнбергу

26 сент<ября> 1971 г. Annapolis

Пишу тебе, дорогой мой, за два дня до Йом Киппур. Мысленно желаю тебе легкого поста, но можешь ли ты постить в этом году и разрешил ли тебе доктор. В прошлом году ты постил вопреки его запрету. Как твое общее самочувствие и здоровье?

Твое письмо от 9 сент<ября> разминулось с нашим от 10 сент<ября>. С поздравлением к Новому году. Ты пишешь, что закончил последнюю главу – о Карсавине – и теперь ждешь отпечатанного экземпляра. Очень бы хотела почитать этот том, но вряд ли у тебя есть лишняя копия. Или? И о ком ты писал, перечисли. Хотя бы имена. Мое пожелание тебе (и желание), чтобы эта книга вышла и по-русски, и в переводе. По-русски, я уверена, она передаст и эпоху, и характер людей, и дух того времени. По-английски это трудней конкретно сделать [...].

Обнимаю тебя крепко. Будь здоров в наступающем году и благополучен. Целую. Фаня.

57. А. Штейнберг – Ф. Каплан

Вечер субботы «Бытия» за два дня до Новолуния уже в Новом году,

(с 16 на 17 окт<ября> 71 г.)

[...] Как – ты спрашиваешь – мог я так быстро успеть с целым томом, хотя бы устно и по-русски? Это в некотором роде и для меня самого неожиданно и даже загадочно. Очевидно, в каждом из нас кроются резервы душевной энергии, которые включаются в работу отчасти произвольно, а отчасти потому, что называют в эстетике «вдохновением». В августе, например, я с большим увлечением рассказывал часами о «буднях» нашего «Философского Содружества», не только о Белом, Блоке, Клюеве и Есенине, но и о питерском публике, которую именитые люди привлекали со всех концов бывшей столицы – от Охты до Галерной (нашелся абзац даже для «товарища Миши» и его «Вавилонской Башни» – эпизод, который моей единственной слуша-

тельнице и ее друзьям в Оксфорде показался «ужасно интересным») ⁵⁴. Но прости, дорогой друг мой, так и начало моего отчета не уйдет завтра. Лучше сейчас оставить розницу и дать оптом общее представление о целом. Копий у меня еще нет, да и самый оригинал в Оксфорде. Могу переписать сейчас для тебя.

«Черновой набросок оглавления»:

Вместо предисловия: Литературный архипелаг.

I. Валерий Брюсов

II. Вольное философское содружество

1. Улыбка Блока

2. Иванов-Разумник и Конст<антин> Эрберг

3. Андрей Белый

4. Смерть Блока

5. Белый в бегах

6. Лев Шестов: силуэт сквозь завесу революции.

7. Действие на расстоянии

III. Две души Максима Горького.

IV. Самоцветные слова: Замятин, Гумилев, Кони.

V. На Петербургском перекрестке: В. В. Розанов

VI. Острый взгляд Ольги Форш

Вместо послесловия: Россия и евреи (Памяти Л. П. Карсавина).

Многоточие. Хочу знать, что у вас делается. Откликнись поскорее, и я, с помощью Божьей, снова скоро откликнусь. От Пат очень искренний привет, а от меня всем вам – само собою. А.

58. А. Штейнберг – Ф. Каплан

Вечер суббота 30.X.71 под начало «зимнего времени»

Сердечно благодарю, дорогая Фанинька, за скорый и переливчатый отклик (от 25-го). Собираюсь, как писал в прошлый раз, снова аукнуть, скоро и насколько удастся, протяжно. Насчитать в твоём

⁵⁴ Об отношении Штейнберга к Философскому содружеству свидетельствует его ответ Л. Карсавину, предлагавшему философу присоединиться, если не к православной церкви, то, по крайней мере, к евразийству. «Я старался объяснить ему, что после нашей Вольфилы я не в состоянии уже ни к чему присоединиться». ЛА. С. 215.

письме круглую дюжину пунктов, которых надо бы коснуться. Прости, если в обильном письме будет мало порядка.

Мой «Архипелаг» может явиться над «пучиной вод» (Белый) не раньше весны; все пока в Оксфорде и там же как будто, издательство. Довольно изящно изданная питерская «Память Блока» полетит к вам, полагаю, совсем скоро. Тут сам Бог велел остановиться на минуту на твоём вопросе, «что» происходит с говорящим вслух о делах давно минувших дней, о том, что было полвека тому назад (с этого, как увидишь, как раз и начал свое поминальное слово Борис Николаевич (Белый) в 1921 году, три недели после кончины «Саши» Блока). Нет, дорогая моя, опыт этого лета для меня не был опытом бальзамирования и сдачи материала о живых людях в музей мумий, а наоборот, опыт их как бы чудесного воскресения, во всей конкретной обстановке места и времени. И дорогая моя, если нам суждено еще свидеться, ты увидишь, что и ты сама перед Владимирским Собором, с белой книжкой в руке, более жива в моем сознании, нежели до того, как я отдался стихии «памяти». Если тебе интересно, могу продолжать на эту тему.

Сене хочу написать отдельно. Твой А.

59. Ф. Каплан – А. Штейнбергу

12 ноября 1971 Annapolis

Твое письмо, дорогой мой Аарон, пришло неделю назад, книжка тоже. За то и другое спасибо. Книжку сразу прочла и перенеслась на короткий миг в далекое прошлое. Я помню это прошлое, но далеко не так ярко, как ты, и уж, конечно, не с такими подробностями. Но лица и Разумника, и Белого остались очень ярко в памяти, один мне всегда напоминал очень захудалого попа-расстригу, а у другого что-то в лице было необыкновенно острое, почти нечеловеческое, главным образом, в ярких голубых глазах и в повороте головы. Жду теперь твою книгу, хоть и ждать надо, как ты пишешь, по крайней мере, до весны. Хорошо, что по-русски написано. Як<ов> Сав<ельевич> просил меня передать тебе, что он ждет ответа от Чижевского⁵⁵ (Як<ов> Сав<ельевич>

⁵⁵ Чижевский Дмитрий Иванович (1894–1977) – философ-славист, историк и критик, один из лидеров сионистского движения. Работал в Праге, где при Русском народном Университете вел семинар по Достоевскому. Автор книги «К проблеме двойника». С 1959 г. возглавлял кафедру славистики Гейдельбергского университета. Я. Клейн

ему написал) по поводу переиздания твоей книжки о Д<остоевском> и, когда получит ответ, тебе напишет.

Чтение Платона и Ницше одновременно – острая пища для ума и сердца, особенно последний «задевает» сильно «современностью» (не в вульгарном смысле этого слова). Ты знаешь, как Федоров писал о Ницше? Он называл его «белая бестия» и «дьявол», что с точки зрения Федорова, очень понятно. Но Ницше еще христианин, хоть и помимо своей воли; Федоров этого, по-моему, не видел.

Пиши, дорогой мой, что у тебя. Целую крепко, будь здоров. Фанни.

60. А. Штейнберг – Ф. Каплан

На воскресенье 12 декабря 1971 г.

Дорогая Фанинька, вчера, на один шаг от субботы, получил письмо от 6-го и немедленно порвал заготовленную на воскресенье телеграмму, начинавшуюся словами «Kindly cable health» и т. д. Последние недели я стал серьезно беспокоиться о вас, включая, конечно, Марусю и Сергея Яковлевича (передай им, пожалуйста, сердечные пожелания). Конечно, я привожу в движение и более благотворные объяснения продолжительного молчания, но ведь я живу на фронте (девятый десяток это уже передовая позиция). И естественно, я думаю об утлой нашей утвари чаще, чем о путешествии на Марс. Говорю об этом неохотно, но хроника повседневной жизни неустанно под шумок суфлирует. Редко проходит неделя без новой грустной вести. На фоне моего пестрого прошлого это естественно. Особенно это обидно, когда уходят неожиданно люди значительно моложе меня [...].

А теперь «от себя» и «в сторону» прибавлю, что мне часто хочется тебе писать, но опасаясь я, что тебе будет не до того, хотел бы тебе рассказать подробнее, как ко мне вдруг позвонила молодая оксфордская специалистка по русской литературе и общественной мысли, большая поклонница «сэра Исайи», но уже и сама заслужившая степень «пи-эйг-ди» и даже ведущая занятия в разных оксфордских «коллегиях», что создает и для нее, и для меня замысловатые организационные проблемы. На расходы она не берет от меня ничего, и, несмотря на свою английскую благовоспитанность и мягкость в обращении,

просил его переиздать книгу Штейнберга «Dostoevsky».

начинает чуть ли не сердиться, когда я возвращаюсь к этому пункту. Все это создает для меня, который больше, чем на полвека старше оксфордской барышни, невозможность торопить ее – не желаю я, чтобы она работала для меня за счет, так сказать, своей академической карьеры. Возможно, что на Рождество все значительно подвинется вперед, как это было в июле–августе. Но они там затевают всякую всячину, даже может быть нечто «драматическое» с моим голосом как свидетельством очевидца. Здоров ли я настолько, чтобы взять на себя все эти новые обязательства, не знаю, и врач мой и того меньше. Пат же полагает, что я и без того злоупотребляю своими силами.

Оборву на этой точке, т. е. на добрых пожеланиях Пат, а тебя, милая, прошу сказать мне откровенно: не слишком ли я подробно рассказал о работе над моим «Лабиринтом». Поверь, на девятом десятке для авторского самолюбия не остается свободного угла, особенно когда автор этот поглощен жадной саморазоблачения.

Еще вопрос: есть ли у С. Я. и Маруси полный комплект нью-йоркского Журнала⁵⁶, и не будет ли ей чересчур хлопотливо навести справку (для того же «Лабиринта»)? Второй вопрос, когда и где Федоров назвал Ницше «die blonde Bestie»? Третий: интересно ли тебе исправить опечатки в перепечатанном отчете «Памяти Блока». Фанинька, знай, что все это для меня дело второстепенное по сравнению с вопросом, как ты и все твои поживают. С Новолунием в субботу и с Маккавеевым осьминосвечием. Твой А.

61. Ф. Каплан – А. Штейнбергу

19 декабря 1971

Аарон, дорогой мой, мне так жаль, что я причинила тебе волнение и беспокойство. Я хорошо понимаю, что, когда нет вестей, всякие мысли приходят на ум. Но не поддавайся им, я ведь честно пишу тебе о нашем здоровье. Конечно, мы за год постарели, менее подвижны, больше и быстрее устаем. Но ведь это малости в нашем возрасте, «виньетки» в картине здоровья. Я беспокоюсь о твоём здоровье тоже и в каждом письме прошу тебя писать об этом.

⁵⁶ Речь идет о «Новом журнале». Нью-Йорк.

Меня огорчило в твоём письме упоминание о жажде саморазоблачения⁵⁷. Ты пишешь об этом как бы вскользь, но, Господи, как глубоко и сильно это в тебе, как много ран ты сам себе наносишь. Я отзываюсь на это твоё упоминание, а больше в письме не выразишь.

Хоть тебе это и стоило усилий, но очень хорошо, что Исайя Берлин заставил тебя продиктовать свои воспоминания. Я не сомневаюсь в том, что они будут интересны.

[...] Обнимаю тебя крепко, будь здоров и пиши, когда и сколько, и о чём хочешь, и это будет хорошо. Целую Фанни.

62. А. Штейнберг – Ф. Каплан

На вторник 12.6.73

Дорогой друг Фанинька – тебе первый приз! Не успела Патриция в среду, в первый день праздника, опустить в почтовый ящик мое послание, «чтобы напомнить о себе», как почтальон принес твоё письмо от 1-го июня с ощутительной начинкой и, вопреки большому нетерпению узнать, что в нём, победил Закон, и я вскрыл его (хочешь письмо, хочешь – Закон!) лишь после конца праздника, в прошлый четверг⁵⁸. Считаю, что по теории счастливых совпадений ты опередила меня по крайней мере на сутки, и подношу тебе со всей преданностью 1-й Приз.

Ты подчеркиваешь два вопроса: моё здоровье и литературные дела. На первый могу ответить: в созвездии Весов в общем прошлогоднее равновесие, не без колебаний, однако, как на бирже: то *à la hausse*, то *à la baisse*⁵⁹. (Так ли играет с тобой в биржу твой собственный артрит? Об этом непременно скажи!)

Но дел было много всяких. Глава в «Архипелаге» в значительной мере на бумаге (я говорю о «Философском Содружестве»), но до иностранных гостей ещё не добрался. Все в целом звучит неплохо, и подчас не верится, что было изустным экспромтом. Готов дать подробности, но для начала поясню формулу последнего письма: «Исключен из списка покойников». Это верно. Представь себе, что пятьдесят лет после окончания «Системы свободы Достоевского» дается очень поло-

⁵⁷ Ф. К.: Меня глубоко это огорчает, всерьез.

⁵⁸ Здесь «Закон» – еврейский Закон, Тора.

⁵⁹ То вверх, то вниз (франц.).

жительный отзыв о ней, т. е. о «Системе» А. З. Шт. (с ссылкой на изд. «Скифы», Берлин 1923) в томе «Достоевский – художник и мыслитель», изданном Академией Наук⁶⁰. И я хотел бы напомнить в сжатом виде, как все это началось.

Летом 1920 г. я стоял с тобой в пятницу под вечер на берегу Невы в ожидании парома для переправы на Охтинскую сторону. Промелькнуло в разговоре имя Достоевского. Я сказал: я в Варренау выдумал «целую теорию, что у Достоевского люди не люди, а живые „идеи”». Я мог бы об этом целую книгу написать...». Ты: «Так напишите, а то Вы останетесь при Вашей идее». Подошел паром, беседа оборвалась. Но когда мы чествовали Достоевского в 1921 г. и Разумник предложил мне активно участвовать, я вспомнил наш предохтенский разговор и сказал, что я взялся бы за «философию» Достоевского и прибавил дословно: «Я мог бы целую книгу об этом написать». – «Книгу, – сказал Разумник, – это потом, а теперь давайте доклад». А теперь вот, пятьдесят лет спустя, академия и я принимаем одновременно во внимание твое понуканье. Спасибо!

Есть у меня в запасе много таких «исторических историй», но всего сразу не скажешь. И как все это в уровень проверяемой теории «юбилеев» (пятидесятилетий).

Анна Григорьевна шлет вам обоим теплый привет, а я бью челом...

P. S.: Замечательное письмо от Софьи Семеновны Эрлих-Дубновой после посещения ею сына Виктора; интересные «заседания» с Левой; работа с А. Г. по тому, а потому: «чет и не-чет – все не счет», лишь бы все здоровы были. Аминь!

63. Ф. Каплан – А. Штейнбергу

21 июня 1973

Спасибо, дорогой мой, за письмо от 12/6. Наши письма опять скрестились Я писала тебе ко дню рождения 16/6 и надеюсь, что оно пришло сегодня. А в этом письме я шлю те же горячие пожелания post-factum. Письмо твое нас порадовало. Это только «справедливо», чтобы твоя книга о Д<остоевском> вошла в русскую науку о нем.

⁶⁰ Фридлендер Г. М. Публицистика Достоевского. «Дневник писателя»: Достоевский – художник и мыслитель. Сб. статей. М. 1972. С. 160, 161.

О ней никто из последующих авторов в России не упоминал, но нет никакого сомнения, что лучшая из тамошних книг о Д<остоевском> – книга Бахтина, вышедшая в 1929 г., написана под влиянием твоей книги и даже сильным. Имя твое в библиографии не дано, хотя он подробно разбирает ряд работ. Но совпадение целого ряда его высказываний с твоими мыслями бросается в глаза. Вероятно, твое имя было там под запретом, но теперь через издание Ак<адемии> наук книгу прочтут и оценят⁶¹. А я ее ценю давно и всегда. Конечно, лестно подумать, что я хоть в какой-то степени повлияла на волю автора писать, но, увы, я не помню рассказанного тобой эпизода. Зато с «Архипелагом» дело другое – здесь я и десятой доли вслух не высказывала тебе, как я горячо хотела, чтоб ты написал воспоминания о Вольфиле и о людях вокруг нее. Я всегда думала о еще более широком подходе к этим первым годам революции – о страшной эпохе как бы падения в бездну, а вдали – слабо мелькающий маяк – Вольфила. Ты долго откладывал писание, но теперь, как я поняла из письма, работа, слава Богу, подвигается. Хотела бы прочесть, но надо набраться терпения [...].

Дорогой мой, пиши подробно, тогда это совсем другие письма. Пришли, если можно, копию того, что было в изд<ании> Ак<адемии> Наук. Кончаю, сейчас очень поздно. Обнимаю тебя крепко и будь здоров. Анне Гр<игорьевне> привет, Патриции тоже. Фанни.

64. А. Штейнберг – Ф. Каплан

22 февраля 1974

Переходя к домашней литературе, тронут весьма твоей заботливостью. «Архипелаг» меня ничуть не тревожит – была бы вещь, обертка всегда найдется. И представь себе, твое осуждение Елены Викентьевны (не Викторовны!), очевидно, докатилось до Оксфорда: на прошлой неделе получил еще шестьдесят страниц на машинке. Всего теперь больше трехсот, а я не думал и не гадал, что проговорил два года тому назад все 44 часа с такой быстротой. Очень хотелось бы мне получить твой отзыв, хоть бы на один эпизод (встреча с Russel'em), в котором

⁶¹ Г. М. Фридлендер осторожно заметил первенство Штейнберга, который до Бахтина говорил о том, что Достоевский создал «мир из миров» среди работ 20-х гг. и дважды процитировал его книгу 1923 г. Там же.

ты сама присутствуешь, но, может быть, мне повезет со стенографисткой, и я смогу продиктовать и другие занятые главы, все списанные с «чела века», выражаясь языком твоим и Андрея Белого.

Но «и это еще не все»: 45 лет *post factum* директор славистики в YALE'ском университете проф. Р. Г. Джэксон открыл в парижских «Верстах» а gem, как он выражается, и включил эту «жемчужину» – смерть Свидригайлова – в выпускаемое им на базар драгоценностей ожерелье достоевщины. Очень интересно, очень лестно, и досадный прирост нагрузки, как вижу из надгробного письма профессора.

А ведь и это еще далеко, о, далеко не все: в январе я написал и отправил в Тель-Авив по настойчивой просьбе оттуда этюд о детских и юношеских годах двоюродного брата Самуила Эльяшева-Фридмана, израильского дипломата, кончившего карьеру израильским посланником в Москве в 1955 г. У меня с ним был общий (ковенский) дед, другой его дед, «светоч изгнания» карлинский гений «рэб Довид», и вся атмосфера вокруг этих двух ангелов-хранителей Мули мне памятна с самого 1898 г., а больше же никого не осталось, так как я «Нестор» всего этого похода шести миллионов русских евреев, а между тем... и это еще не все.

Твой истинно любящий. Аарон

65. А. Штейнберг – Ф. Каплан

15 марта 1974

Дорогому другу Фаниньке Каплан, урожденной Чудновской, на скорую руку и в коротеньких образах – лишь бы не тревожились из-за слишком долгого молчания [...].

Якова Савельевича поздравляю. Готов поднести подарок, если ему интересно получить документальное удостоверение о начальной стадии нашего общения, когда в центре стояли Л.П.Карсавин, с одной стороны, и слепой швейцарский финансист Dr. Britchgi, с другой.

По поводу Достоевского: отрывок о Свидригайлове включен в английский [американский] том под редакцией проф. Роберт-Джэксона, директора славистики Yale'ского университета; он же перевел его с русского оригинала и подробно написал мне, что в этих страничках, «как в малой капле воды отражается солнце». Обещал прислать мне

весь том и другие свои работы о Достоевском, чего я, однако, еще не получил (ваша, наша, общая почта?)

Очень интересная рецензия в парижском Mond'e о посмертном томе Кожевникова (Конт!). Думаю, что особенно интересно будет Сене, и хочу послать ему фотокопию.

То, что вашингтонская «Dr Nadine Nator» получила, как она пишет, мой адрес от Сени, тоже, думаю, связано с Yale'ским университетом: они на основании моих работ избрали меня членом Международного общества имени Достоевского и приглашают на съезд в августе в Австрии. Так от камня, брошенного в глубокий пруд полвека назад, все еще идут круги. К добру ли это?

Но такой вопрос не решишь до благословения свечей – до следующего раза, а вы все будьте здоровы и пиши, друг милый! Твой, как встарь. А.

66. А. Штейнберг – С. и Ф. Капланам

10 апреля 1974

Благодарю, дорогие друзья, за письмо от 29–31 марта, которое очутилось на моем овальном столе в самый канун предпасхальной Великой Субботы. Я уже не успел написать сам по расписанию, но вы были тут вблизи в обе велико-торжественные трапезы. Тем более что моим единственным гостем в этом году была Анна Григорьевна, не менее почти меня с увлечением перелистовавшая статью о «Религии разума». Поздравляю вас обоих с такой положительной оценкой. Придет время поздравить и самого Cohen'a. Но все это не нарушило «порядка» узаконенной последовательности праздничных действий. Я настолько оправился, что смог прочесть всю заповеданную повесть вслух. В организации торжества Ан<на> Григ<орьевна> имела деятельное содействие Патриции Патрикеевны, от которой передаю сердечный привет.

Попад на литературную страницу, упомяну другие номера общего интереса.

Статья об Александре Вл<адимировиче> Кожевникове и посмертном его Конте появилась в парижском «Le Mond»-е – без фотокопий не обойтись, и я подожду до завершения переселения Клаузнеров. Получил за это время последние главы моего бывшего «Литературного

Архипелага» – и некоторые главы мне кажутся довольно удачными. Постараюсь переслать кое-что для вашего суждения, а работы Yale'ского проф<ессора> русской литературы о Достоевском тоже, наконец, доехали – работы не оберешься.

Добавлю еще для Сени, что Петр Лаврович Лавров тоже продолжает беспокоить. Мои две работы: «Лавров как философ» и «Начало и конец истории в учении П. Л. Лаврова», – переведены на английский⁶², Соловецкого же Сапира⁶³ знаю и помню с берлинских времен; на пути в Голландию он по совету Исайи мне позвонил, а затем прислал 1-й том специальной монографии о лавровском «Вперед» (те же годы – ровно сто лет тому назад, и смех, и грех, но я люблю учиться и многому научился и у «Бори Сапира», уже дедушки по нынешним временам) [...]. Знаю, что артритики не любят критики, но и у меня, эмфазиматика, та же математика. Так давайте стараться с двух концов.

В эти «праздничные будни» я позволяю себе шутить, но мне вовсе не до шуток. Еще раз – будьте стойки и бодры, как полагается в праздник весны и свободы. Ваш А.

67. А. Штейнберг – Ф. Каплан

С четверга на пятницу 3 мая 1974 г.

Итак, друг мой милый, переписка продолжается. Вчера утром, 1 мая, я получил твое письмо от 26-го апреля, которое Патриция передала мне с веселой улыбкой, зная, что я ждал его с некоторым нетерпением. В нашей хронологической зоне это естественно. Слава Богу, что у вас всех как будто ничто не изменилось к худшему и, дай Бог, чтобы это так продолжалось от улучшения к улучшению [...].

В моем обзоре от 10 апреля я писал, что получил из Оксфорда последние «пленки» моей диктовки «От Валерия Брюсова до иеромона-

⁶² 8 февраля 1920 г. Вольфила отмечала 20-летие кончины революционера-народника П. Л. Лаврова (1823–1900). Среди других, на заседании с докладом «К философии истории П. Л. Лаврова» (опубликован в газ. «Вперед». 1920) выступил А. Штейнберг, развивший его потом в работу «Начало и конец истории в учении П. Л. Лаврова». 1922. В Берлине (Скифы), 1923) издана «Систематическая антология Лаврова». Состав. С. Н. Каплан под ред. А. Штейнберга. Берлин. 1923. В переводе: P. L. Lavrov's Philosophy of History. History as Experience. New York. 1983. S. 64–69.

⁶³ Сапир Борис Моисеевич (1902–1989) – историк, археограф. Как меньшевик с 1923 по 1925 гг. был в Соловецком лагере. Эмигрировал нелегально; в Берлине с 1926 по 1933 гг., с 1935 г. в Голландии, работал в Институте социальной истории.

ха Лавра (Льва) Карсавина», и вот с этого ты прямо начинаешь. Скажу дополнительно, что дело это живет. Меня недавно запрашивали, перечитал ли я заново всю рукопись и что я думаю о ней. Это дело объемистое, но я действительно сам заинтересовался тем, что получилось из сотни моих экспромтов – читал, читал и написал: «Это, несомненно, цельная вещь, но пока лишь черновик, однако, черновик хороший, такой, который легко переписать набело». Есть, правда, части – как я тебе и написал в прошлый раз – почти готовые к печати. Я не думаю, что я слишком «строгий критик», по твоему выражению, но критерий у меня есть против самого себя: если мне самому интересно читать и хочется узнать поскорее, что было дальше, значит удалось. Надеюсь найти время, чтобы переписать для тебя страницы для твоей собственной рецензии.

Чтобы письмо не задержалось, упомяну лишь, что мне должны прислать еще экземпляр со «Смертью Свидригайлова» (по англ.), который, с Божьей помощью, полетит в Аннаполис.

А почему мне «не до шуток», на это теперь не ответишь, сто оснований, из которых мое физическое состояние одно из последних. Пиши, друг милый. Дай Бог тебе и всем вам здоровья, как желает вам ваш А.

68. А. Штейнберг – Ф. Каплан

Среда, 29 мая 1974 г.

Дорогой друг мой Фанни, твое письмо от 21-го мая получил уже 24-го, в пятницу и еще бы мог пожелать вам всем счастливого поворота в домашних делах к наступающему празднику Первинок⁶⁴[...].

Вот, кстати, одна из «ста причин», почему мне, серьезно говоря, «не до шуток». Ты говоришь «старость». В моем ощущении, как я уже в свое время писал тебе, есть радости, которые не стареют. От одного корня физический упадок сил и расширение умственного кругозора. Но факт, что мы, «восьмидесятники», существуем среди таких же «сенаторов», как мы сами, как бы на поле брани. Для примера упомяну предшественника Рабинкова у нас дома, тоже из Тельшинской академии⁶⁵, который недавно скончался в Палестине на 96-ом году жизни.

⁶⁴ Праздник Шавуот.

⁶⁵ З.Рабинков в 13 лет ушел из дома и явился в самую «прогрессивную» литовскую ешиву Тельши, Ковен. губ.

Я с покойным раввином Яковом Мееровичем Берманом крепко дружил всю жизнь и не думал, что его переживу, а вот пришлось.

Но эта почти ежедневная «не радость», а «не до шуток» мне – в одном предложении сказать – оттого, что я занят исповедью, покаянием, «возвращением» к грехам прошлого... и вижу – путь все время был прямой, как струнка: от Библии через Библию к Библии – однако же, как много было неосознанного, незамеченного, не понятого. И вот я строже соблюдаю прямое основное направление, много отдаю себя Священному писанию и естественно каламбурю с притупленным вкусом.

Прости, милый друг мой, за этот пасквиль против себя. Пусть он будет примечанием к нашей дальнейшей переписке. Я вас всех прошу простить меня, а тебя, дорогая, особенно – ну как в Рябове, или в Петербурге, или в Париже, или в Новограде (Ville-Neuve) на берегу Женевского озера. И напиши, если есть охота и сила. Твой А.

69. А. Штейнберг – Ф. Каплан

На вторник, 16 июля 1974 г.

Благодарю, друг милый, за письмо от 8 июля, сегодня утром полученное. Оно мне очень понравилось, как могла бы сказать Мима. Но не по содержанию, а по тону. Новости могли бы быть лучше, могли бы быть – не дай Господь – и хуже, но прямоту и правдивость тона никакой Эвклид не мог бы превзойти. Есть на что положиться, а я, милый друг мой, последние недели думал о вас всех, со всё возрастающей тревогой тосковал по строчке простой правды. Благодарю и согласен на все условия: буду вам писать, с Божьей помощью, безо всякой арифметики и планиметрии, тем более, что ближайшая суббота новолунная и первый из девяти дней, ведущих через пост и молитву к пророческому: «Утешьтесь! Утешьтесь!»

Ты говоришь, «главное здоровье», и я с тобою не спорю, но как не огорчаться, если допотопная трясина стелется тебе прямо под ноги, а Арарат за горами. Я стал больше молиться, чем когда-либо раньше за эти семьдесят лет, что прошли со времени моего тринадцатилетия (83-70=13). Однако, да простит меня Всемилостивейший, я не могу закрывать глаза даже на недомыслие. В Петербурге, в доме на Васильевском, в котором ты и Маруся жили при дворнике Шумакове, я писал,

что латинская поговорка «homo hominibus lupus est»⁶⁶ превратилась в наш цивилизованный век в формулу «человек человеку справочник». Так как не огорчаться, когда со всех сторон меня стараются огоршить дикой и грубой лестью, лишь бы выжать из меня нужную справку. А я, доложу тебе, дал нечто вроде обета – не говорить дурно о людях. Сердце мое беззащитно и иногда подает небольшой сигнал, как накануне нашей Первой Войны, когда я пошел переубеждать В. В. Розанова. Это было в 1912 г.⁶⁷ Большие перемены с тех пор произошли, и, прости меня грешного, не к лучшему. Но уныние – грех, и я не унываю – я молюсь.

Аминь и Аминь – для твоих и моих упований. Твой любящий А.

70. А. Штейнберг – Ф. и С. Капланам

Среда, 14 августа 1974

Дорогие друзья, Фанни и Сеня,

Завтра месяц, как я не писал вам, а от вас нет вестей с 8-го прошлого месяца. Я стараюсь соблюдать благоразумие и не тревожить вас понапрасну, но ведь и вам мое продолжительное безмолвие может дать повод к беспокойству.

В воскресенье, 4 августа, явился без предупреждения мой гамбургский приятель Эйзлер (вероятно, еще помните имя) и по той простой причине, что ему минуло 82 года, захотел повидаться и обсудить сообщая, что было, что есть и, может быть, что будет. Он жил в «вашем» Клайв-отеле и приходил изо дня в день, чтобы позаниматься в семинаре по анализу и синтезу его и моей восьмидесятилетней жизни. Справлялся он, между прочим, и о вас, и в первую очередь – о состоянии здоровья. Я сказал ему, что не забуду упомянуть об этом в моем ближайшем письме к вам, что и делаю под впечатлением неожиданного толчка из Приморья, где «делают луну»⁶⁸.

⁶⁶ «Человек человеку волк» (варианты: Плавт, Сенека)

⁶⁷ «Осенью 1913 года» – начинается глава «На петербургском перекрестке. Встреча с Розановым». ЛА. С.180.

⁶⁸ Речь идет о «лунном заговоре: якобы фотографии лунной поверхности были фальсифицированы на американском космодроме NASA, расположенном на о. Уоллопс (восточное побережье Вирджинии).

Не говорите мне, дорогие, что это не относится к делу. По данным моих семинарских занятий все за всех отвечают, и Георг Эйзлер, с которым я встретился впервые в Лондоне в начале Второй войны, постепенно стал склоняться к подобному же взгляду. Но дети и внуки его полагают, как будто, что у нас, старших, это пережиток средневековых суеверий. И пусть себе.

Держусь, размышляю, пишу, но полагаюсь на волю Всевышнего. Из всего этого вы можете заключить, что я все тот же – что в Баден-Бадене, в Раппенау, в Рябове или в Нью-Йорке.

Я лично хотел бы знать побольше не только о вас, но и об окружении, включая и близких, и далеких. Дай Бог, скоро получить ответ. От всего сердца А.

71. А. Штейнберг – Ф. Каплан

С 17 на 18 октября 1974 г. –

конец Новолуния и канун новой субботы.

Спасибо, друг милый, за письмо от 2–3 окт<ября>, которое прибавило свету к сжатому отчету Миты о телефонном разговоре с Сеней. Но даже после твоих дополнений многое остается неясным. Когда после конца Завершения праздника Пятикнижия я прочел твои по-обычному твердо прямые строчки, почерк твой меня надутил вспоминать и вглядываться. И за это вот – особое сердечное спасибо. Праздник на этот раз совпал с трауром по скончавшемуся Шазару, и мой обширный эпилог к твоему заключительному поздравлению слил воедино всю ту эпоху в Берлине, когда и «Залман», и Рабинков, и Дубнов – все на чем-то сходились, хотя во многом держались исключительно своего, крепко задумавшись над твоим листком, я многое разглядел поновому, а сегодня прибавлю на эту тему один лишь отрывок.

Сидим мы этак после исхода второго дня Нового Года у Дубнова, а «Залман», т. е. будущий президент будущего еврейского государства Шнеур Залман Рубашов (Ш. З. Р.), подбивает Рабинкова рассказать на пользу палестинскому гостю Х. Н. Бялику историю о «шельме» – «о шельме – Торе» – «Что такое?! – удивляется Бялик. – Никогда не слышал...». Рабинков перестает сопротивляться и голосом, вздрагивающим, как черниговская скрипка, поясняет: «Так, значит, был в нашей общине человек немолодой, из бывших николаевских солдат. Само собою, без всяких знаний – все знали – «невежда», «ам гаарец». Но

когда приходил праздник Торы, не было во всей синагоге никого, кто так веселился бы, как он. «А вы то чего?» – спрашивали его иногда именитые прихожане. – Ведь не знаете вы даже, что в ней написано! – Весельчак, однако, со свитком Торы в объятиях приходил еще больше в восторг, похлопывая свиток под самый венец, приговаривая: «Шельма, шельма, сколько я за тебя выстрадал!».

Очень рад, что в траурный час твой привет вызвал во мне такое веселье и даже, если эта история тебе уже известна, не плохо, думаю, вспомнить доброе старое время. Желаю, милый друг Фанинька, узнать побольше о ходе лечения. Твой любящий А.

72. А. Штейнберг – Ф. Каплан

Пятница 6-го декабря 1974 г.

Канун субботы, канун Новолуния, Канун Величания Маккавеев, канун грядущих семейных праздников, включая 81-й год рождения Сени до самого его конца.

Подал в последний раз (на 14-ое ноября) телеграфную весть к твоему 14-ому. С тех пор не удалось, как хотелось, прибавить подстрочные примечания [...].

В прошлый раз в связи с кончиной Шазара я передал историю Рабинкова о священной «шельме», и тогда же у меня мелькнула мысль, а почему не включить в каждое письмо по анекдоту. Их у меня поистине без конца. Но ты, друг милый, включила две вырезки о Белом и увлекла мысли и образы в сторону. Он (т. е. Борис Николаевич) считается теперь у себя на родине и за границей величайшим писателем земли русской в XX веке. Пожалуй, стоит отметить, что впервые предсказал нечто подобное покойный дядюшка Исидор (теперь как раз столетие его рождения), когда, пожуриив меня сначала за то, что я связался с декадентами, взял для прочтения «Серебряный голубь», а на утро уже журил меня за то, что я не понимаю, с кем имею дело: «Ведь это же колоссально – новый Толстой!» Если хочешь, друг милый, это тоже анекдот, только с другой стороны. Значит, история продолжается, и надо, чтобы мы были здоровы – все! Тогда удастся и мои вопросы перечислить. Не унывайте! А так снова – с помощью Божье! – угости письмом с посеянными между строчками подробностями.

Здоровье твое и Сени? Занятия? Мима? Что с Як<овом> Сав<ельевичем>?

И, конечно, Leo Straus! А где Осоргин?

Анна Григ<орьевна> продолжает работу со мною, Патриция тронута вниманием и скромно горда. А жизнь у нас у всех, думаю, труднее, чем в Раппенау. Короче: век живи, век учишься. Эту мудрость я унаследовал от ковенской бабушки. Твой А.

73. А. Штейнберг – Ф. Каплан

Вторник. 18 марта 1975

Дорогая моя современница Фанинька с присными, всех вас со светлейшей Пасхой! Хотел бы ответить на все вопросы и прибавить кое-что о Белом за вырезки, о которых благодарю особо.

Да, девять лет уже из года в год зажигается поминальная свеча и горит больше суток, создавая особую светотень, падающую на всех окружающих, включая и тебя, и Сеню. Думаю, размышляю, сравниваю века, нынешний с минувшим, и стараюсь всех помянуть ласковым словом. Спасибо тебе за это, друг милый. Анна Григорьевна участвует, издалека, но участвует. Тоже Патриция.

Имею сегодня по телефону разрешение А. Г. сообщить тебе ее главную беду: ее сестра, Раиса Григорьевна, в лечебнице для душевно-больных. Иногда лучше, иногда хуже. Но в общем трудно забыть и думать о чем-то другом. Но прервать работу со мной решительно не хочет. Главная работа – английский текст избранных статей к философии истории, напечатанных в период 1911–1971. Эта работа на 4/5 (80%) завершена. Но и «Литературный лабиринт» не лежит совершенно. Наоборот, его треплют с разных сторон. В этот период литературной безнравственности, «допотопной нравственной трясины» иного и ждать было нельзя; но тут удобно перейти к «Борису Николаевичу» (Белому).

За последние шестьдесят лет было [нрзб] много литературных «изгоев» (также и у евреев); в русской же литературе – во всех широтах и по разным причинам. Кто ломался, ломался и сломался, а кто, жестоковыйного народа отпрыск, так до конца не сдался. Недаром упрямяство по-нашему и порок, и добродетель. Все зависит от того, насколько хватит терпения. «Бог – как учит русская пословица – правду видит да не скоро скажет». Об этом одиночкам легко вспомнить накануне освобождения от 1130-летнего рабства. И в этом духе я сказал на интимных поминках А. А. Блока, имея дерзость сказать: «Поэт умер –

да здравствует Поэт!»), имея, конечно, в виду Белого. Это слышали и знали осенью 1921 года и мать, и Марья Андр<еевна>, но и Менделеевы, в том числе, Любовь Дмитриевна, и все сказали «Да!» – Конкретно ли это? – Скажи, друг дорогой, да или нет и, если буду здоров, продолжать ли так и после Пасхи?

От всего нестареющего сердца А.

74. А. Штейнберг – С. и Ф. Капланам

22 июня 1975 г.

Дорогие друзья!

Рад подтвердить получение поздравительных писем от 17-го июня. Письмо из Аннаполиса прибыло вчера, в субботу, как раз, когда в наших синагогах полагалось читать из пророка Осии⁶⁹ главу, завершающуюся стихом: *iagid lekha, adam, ma tov vekhu[le...]* (поведал тебе, человек, что есть добро и т. д.). Три года тому назад мы старались разобраться в том, каков истинный смысл слова «добро» в этой связи – сейчас у меня уже нет сомнения в том, что «свет» в истории сотворения мира есть *Tov*, добро, и хочу поделиться этим с Вами.

Но у меня сначала на очереди пункт о письмах. Прошу Фанни поверить, что ее вопрос не остался без внимания. Если с моей стороны последовало умолчание, то причина – центральное отопление: 1-го мая прекратилось оно, а вместе с ним – моя способность по-обычному управлять пятью пальцами правой руки⁷⁰. Теперь обстоятельства благоприятны, но работы набежало еще больше. Возьму для примера хотя бы одного Рабинкова. Мне очень понравилось, как у Эдвина Фейста, в силу еврейских правил «учиться, чтобы поучать» (*Lelmod velelamed*), появился внучатый, так сказать, ученик Рабинкова⁷¹. И это один из примеров значения еврейской «филологии» (словолубия): «тшува» – покаяние – не только возвращение», но и «омоложение» = возвращение в молодые годы. А когда это случается, хотя бы на 85 году, сразу видишь, как много еще остается «каяться». Все это краткое введение к окаянному моему свитку покаянному. И если найдешь

⁶⁹ А. Штейнберг ошибся: пророк Михи, гл. 5, стих 6.

⁷⁰ Просто руки мерзли (прим. А. Ш.).

⁷¹ 23 мая 1974 г. писатель Эрвин Фейст, ученик Рабинкова, написал Штейнбергу: «Дорогой Аарон! Сегодня у нас снова День памяти (Йом зикорон) нашего дорогого друга и рава Рабинкова, и мы весь день с ним и также с Вами, мой дорогой друг». *Вох XII*.

подобающим, дай понять «Юзе», что у тебя в Европе есть приятель-эмфизматик, ему сочувствующий и желающий улучшения, что – оказывается – не невозможно.

И еще одно доброе слово. Возраст наш не при чем: повторяю – старость не радость, но, Боже мой! неисчислимы радости, которые не стареют, хотя бы «пост, молитва и добрые дела». Zom ve-tfila ve-maasim tovim!

Ваш любящий А.

Анна Григ<орьевна> снова больше помогает, а Патриция старается не отставать.

Индекс имен

- Абрамович Р.А. 85, 212
Айзенштадт А.Г. 72, 77
Акцин Б. 9
Аргаман. советник МИДа Израиля 18
Аронсон А. 29
Ахматова А.А. 160
Ашкенази И.Л. (Маниту) 71
Ан-ский С. (Раппопорт С.) 48
- Бабинский, лондонский знакомый 68
Байрон Д. Г. 41
Бальфур А.Д. 178
Барт А. 55, 206
Барт Р. 76
Бару Н.И. 90
Бах И.С. 174
Бахтин М.М. 22, 229, 230, 273
Бейлис М.М. 162
Белов М. 130
Белоус В.Г. 6, 17, 19, 22, 248

Белый Андрей (Б.Н.Бугаев) 23, 155, 157, 162, 219, 228, 244, 246, 263, 265- 268, 274, 281–283

Бекетова М.А. 283

Бен-Адир (Розин А.) 83

Бен-Гурион Д. 108, 158, 171

Бен-Йоэзер Йосеф 139

Бергман Ш.Х. 100

Бергсон А. 261

Берлин И. М. 7, 15, 130–138, 214, 229, 255, 258, 263, 265, 269, 271, 276

Берлин Ревекка 164

 Ее муж 164

Берлин Эсфирь 165

Берлина А.Е.И. (Гинцбург) 137

Берман Я. М. 278

Бецалель Йехуда Лива 153

Блок А.А. 23, 155 – 157, 161, 219, 226–228, 231, 235, 240, 241, 244, 248, 263, 265–268, 270, 282

Блок (Кублицкая-Пиотух) А.А. 283

Блок (Менделеева) Л.Д. 283

Бенедетто Кроче 132

Бешт (Баал-Шем-Тов) 144

Биншток Л.М. 70

Биншток М.Л. 70

Блюм Л. 74

Борохов Бер 117

Браславер Нахман 144

Бродецкий Зелиг 94

Брюсов В.Я. 217, 218, 238, 267, 276

Бубер М. 16, 55, 63, 94, 100, 139, 140, 247

Бурак И.Н., кузен 167

Бялик Х.-Н. 8, 115, 280

Вайз С. 80
Валицкий А. 221
Валленберг Р. (Wallenberg) 145, 146
Вейдле В. 223
Вейцман Хаим 108, 116
Векслер А. Л. (Шура) 19, 196, 211, 258
Векслер Р.А. 211, 224
Вергилий 218
Вежинский К. 149
Виндельбанд В. 128
Вольф Д. 88
Вольфсон из Ковно 65, 68
Вайсборг Г. 47-50
Вольфсберг А.Й. (Wolfsberg) 166, 198, 199, 206
 его жена Софья Моисеевна и дети 199, 200
Вышинский А.Я. 172

Галоп А.Г. 251
Гаспаров М. Л. 218
Гегель 218
Геллер И.И. 72, 89
Гердер И.Г. 229
Герцль Т. 12, 114, 116
Гершензон М.О. 158
Гессен С.И. 70, 188
Гете И. В. 143, 145
Гиммлер Г. 143
Гинденбург, фон Пауль 79
Гинзберг М. 133
Гинзбург С. 189

Гитлер А. 33, 78, 79, 143, 177
Гликсон М. 120
Гоголь 157
Голомб Э. (Golomb) 83, 100, 109, 113
Гольденвейзер А.А.253
Гольденвейзер П. Б. 253
Гольдман Н. 55, 80, 199
Гомер 156, 203
Гордин Я.И. 71, 72, 78, 87, 235, 248
Горнфельд А.Г. 246
Горький А.М. 7, 224, 246, 255, 267
Гринберг Х.32
Гросбарт Герц 49
Гроссман Л. П. 224
Гумилев Н.С. 267
Гурвич Г.Д. 43
Гурвич Е.Б. (Женя) 258

Давид Осипович (Ландман), знакомый в Лондоне 191

Даладьё Э. 143

Данте 227, 228

Дёблин А. 76

Дейч А. 76

Дессуар М. 187

Деникин А.И. 103

Джэксон Р.Г. (Роберт-Джэксон) 274

Дмитриева Н.А. 71

Донской И.Л. 7, 10, 11, 14, 29, 49, 59–68, 83, 88, 89, 173

Маруся Донская 29, 88–90, 174

Достоевский Ф.М. 6, 15, 21–23, 73, 77, 86, 143, 156, 157, 173, 187, 193, 220–223, 225, 227, 230, 231, 240, 268, 269. 271–276

Дрансейка В. 11, 23

Дубнов С.М. (Simon Dubnov) 7–9, 14, 16, 17, 20, 31–47, 72, 73, 76, 77, 100, 103, 119, 141, 151, 152, 176, 212, 222, 236, 258, 280

Дубнова И.Е., жена С. М. 9

Дубнова-Эрлих С., дочь 34, 35, 43, 46, 150–156, 158–161, 163, 235, 272

Эрлих Генрих М., ее муж 17, 34

Эрлих Александр, сын 34, 35, 152, 160, 162, 163, 235

Шоша жена 162

Эрлих Виктор, сын 34, 35, 152, 155–157, 163, 272

Генрих, внук 152

Мириам, внучка 152, 162, 163

Марк, внук 153, 163

Духовне Л. 132

Дюбуа А.Э. 213

Есенин С.А. 266

Жаботинский В. Е. 12, 34

Жерве А.-А. 242, 243

Жид Андре 109

Житловский Х.О. 41

Замятин Е.И. 267

Зариз (друг Дэвика Фридмана) 112

Зильберман А.Н. 78, 251

Зиновьев Г.Е. 85

Змора И. 55

Зубок, меньшевик 251

Иванов-Разумник Р.В. 72, 208, 209, 213, 215, 219, 228, 244, 263, 265, 267, 268, 272

Иванов Е.П. 248

Иванов В.И. 158

Калманович З.Х. 114, 117, 118, 120

Кан Р. проф. 130

Кант Э. 145

Камбер, легендарный английский король 67

Каплан С.Н. 8, 11, 15, 21, 23, 55–57, 69, 73, 74, 77, 78, 86, 189, 196, 203–205, 208–211, 214–222, 224–229, 232, 233, 236, 240–242, 250–252, 254, 255, 257, 258, 263, 275–276, 279–282

Мима, его племянница 204, 211, 278, 281

Каплан Ф. Я. (урожд. Чудновская) 8, 11, 15, 21, 23, 58, 69–71, 73–75, 86, 196, 203–206, 208–211, 214–216, 218–227, 229–243, 245–256, 258, 260, 261, 263, 264–283

Ее отец 204

Мария Я., сестра 70, 209, 210, 214, 216, 217, 225, 240–242, 246, 253, 263, 269 270, 278;

Сергей Яковлевич, муж Марии 209, 212, 214, 225, 241, 246, 263, 269, 270,

Рафаил Я., родственник 78, 204, 205, 213, 214

Генриетта М., родственница 214

Карсавин Л.П. 11, 59, 63, 208, 265–267, 274, 277

Каспрович Я. 149

Кафка Ф. 157

Кацнельсон Берл 101, 103, 108, 109

Кацнельсон С. (Каценельсон) 32, 34, 35, 38, 39, 41–44, 47

Келли Е.В. 263–265, 269, 273

Кельнер В.Е. 9

Ким, работник издательства «Клал-Ферлаг» 116

Кьеркегор С. 187

Киршнер 86

Клаузнер А.Г. 31, 152, 154, 155, 163, 198, 200, 224, 232, 233, 239, 240, 249, 254, 255, 257, 259–261, 265, 272, 275, 282, 283

Раиса Григорьевна, сестра А.К. 282

Клаузнеры 275

Клаузнер И.Л. 40

Клейн Я.С. 71, 76, 86, 193, 203, 204, 210, 214, 229, 245, 251, 254, 260, 268, 274, 281

Клюев Н.А. 266

Коген, лектор по философии 20, 197

Коген Г. (Cohen H.) 188, 189, 214, 217, 218, 220, 221, 225, 229, 258, 275

Кожевников А.В. (Кожев А.) 72, 217, 275

Колеров М.А. 6, 246

Коллингвуд Р.Д. (Collingwood) 132

Кони А.Ф. 267

Конт Огюст 275

Кордоверо М. 144

Короленко В.Г. 8

Кохановский Я. 149

Кроче Б. 132

Крупник Б. 35, 47, 179

Кук (Рав Кук) 178

Кускова Е.Д. 75

Лаван 40

Лавон П. 9

Лавров П. Л. 276

Лазарев Е.Е. 71

Ландау, главный раввин ЮАР 43

Лапшин И.И. 71

Лао-цзы 143, 144, 149

Лацкая (Аникеева) 159

Лацкий-Бертольди В. И. 159
Леви Ф.Г. (Lewy) 56
Левитас, бухгалтер издательства «Юд. Ферлаг» 34
Левин, лондонский врач 247
Ленин В.И. 207
Лесьмян Б. 143, 149
Лефтович И. 90
Лехонь Я. 149
Лещинский Я.Д. 37, 80, 134
Либерман А.С. 72
Литгих, кухарка в Гейдельберге 190
Лозинский М.Л. 227
Локер Б.181, 200
Лосский Н.О. 71
Лоуренс Т.Э. 75
Лукреций Т.Л.К. 143
Луначарский А. 221, 250
Лурье А.Р. 246

Маймонид (Моше́ бен Маймо́н), Рамбам 51–52, 55, 56, 80
Майстер Эххарт 143
Маккавеи 235, 281
Мамардашвили М. К. 22
Мапу А. 115
Маркион Синопски 148
Марков II (Марков Второй) Н.Е. 145
Маркс К. 207
Маркус-Шольт, художница 116
р. Йеуда бен Бецалель 153
Менделе Мойхер-Сфорим 115, 190
Менес Б. 212

Мережковский Д. 74
Мессенблом Я. 49
Микельанджело Буонарроти 247
Митвох О., проф. YIVO 94
Михайловский Н.К. 221
Мицкевич А. 149
Тов. Миша 266
Могильнер, танцор из Ковно 65
Мовшович Д. 39, 44
Мочульский К.В. 155
Мухаммад Амин аль-Хусейни 112

Набоков Н.Д. 137, 214
Наполеон I Бонапарт 177, 206
Наумыч, из Раппенау 219
Нахман из Брацлава 144
Некрасов Н.А. 157
Неру Д. 158
Николаевский Б.И. 72
Никольские, семья жены Ф.Степуна 231
Нива Ж. 5
Ницше Ф.В. 269, 270
Норвид Ц. К. 144, 149
Нотман М. 19, 89, 101
Нотцель К. (Nötzel) 192
Нэмир (Намеровский), Бернштейн Л. 134

Оакешотт М. (Oakeshott) 132
Оруэлл Д. 157
Осоргин М.М. 282

Павликовская-Ясножевская М. 149
Патриция (Пат) 251, 254, 260, 267, 270, 271, 275, 282
ее мать 260, 283
Перец И.-Л. 114, 190
Пикассо П. 247
Плавт Т.М. 279
Платон 157, 237, 269
Плотин 143
Покровский М. Н. 250
Портнова Н. 6, 10, 16, 19, 49, 246
Прокопович С.Н. 71
Пуанкаре Р. 119
Пуришкевич В.М. 145
Пушкарев С.Г. 251, 252
Пушкин А.С. 144, 156, 161
Пяст В. 241

Рабинков З. Б. 8, 10, 14, 16. 53–58, 74, 78, 86, 97, 98, 139, 140, 187–189, 206,
213–215, 220, 247, 277, 280, 281, 283
Рабинкова Тирца, его жена 206, 211–213
Равидович Ш. 89
Радлер-Фельдман Йегошуа (р. Биньямин) 100
Райс Э.М. 16, 17, 142, 143, 149, 156
Рассел Б. (Russel B.) 241, 250, 263, 273
Рединг Мте 263
Ригнер Г. 236, 254, 263
Риккерт Г. 217
Рисмен Д. 134
Роберт-Джексон Л. 274
Робеспьер М. 206
Розанов В.В. 144, 162, 267, 279

Розенбаум, чиновник в Лондоне 194
Розовский, ковенский чиновник 62
Руми Джелал ад-дин 143
Руппин А. 100

Саймон Леон, член дирекции YIVO 94
Сапир Б. М. 276
Свет Г. 70
Седуро В. 220
Сеземан В.Э. 49
Сенека Л.А. 279
Симон Э.А. 55, 206
Сиеф (Sieff) И.М. 137
Симпсон Уоллис 78
Сингаловский А. 83
Ситрин У. 111
Словацкий Ю. 149
Слуцкий И. 179
Соловьев В. 217
Спиноза Б. 51
Спиридонова М.А. 100
Сталин И.В. 33, 143, 160, 207, 208
Стафф Л. 149
Степун Ф.А. 155–157, 221, 229, 231
Солженицын А.И. 157, 257
Струве П. Б. 217
Сударский, врач 62
Суханов Н.Н. 85
Суцкевер А. 148, 158, 178, 200

Тартаковер А.174
Тейтель Я.Л. 253
Тимофеев А.И. 219
Толстой Л.Н. 203, 223, 281
Троцкий Л.Д. (Бронштейн) 85
Тувим Ю. 149

Уолтер С. 111

Файнлейб 80, 89

Фейдеры, берлинские знакомые 189

Фейст Э. 55, 283

Федоров Н. Ф. 75, 208, 269, 270

Финкельштейн Э. 5

Фокин М.М. 65

Форш О.Д. 15, 224, 267

Фридлендер Г. М. 272, 273

Фридманы 188

Фридман Соня З. 13, 28, 29. 59, 105, 165, 182

Фридман Шмериягу (Шмера) 28, 29, 99, 106, 165, 166, 168, 171, 182

Фридман-Эльяшив Мордахай (Марк, Мака) 7, 12, 13, 14, 17, 18, 97-104, 109, 110, 112, 113, 123, 165, 167, 169, 171–180, 182, 184, 192, 195, 204

Герта, его жена 96, 97, 100, 102, 104, 108, 111–113, 165–168, 170, 171, 174, 176–179, 182, 184, 195

Давид (Дэвик), сын 96–100, 102-105, 107, 108, 111, 112, 165, 166, 168, 170–174, 178, 184

Рахиль, его жена 184,

Яир, их сын 74, 175, 184

Вера, дочь М.Ф и Герты 170–174, 176, 180, 247

Хегай, ее муж 174, 176, 260

племянница Герты 165, 166, 168

ее брат и сестра 165
Роза, родственница 165
Фридман-Эльяшив Шломо (Муля), 7, 8, 12, 13, 18, 97, 99, 101, 104, 105, 107, 112, 114, 116–120, 122, 165, 166, 168–172, 179, 181–184, 192, 274
жена Руня (Рахель), 97, 98, 104, 105, 107, 116, 118, 122, 123, 168, 170, 172–174, 176, 179, 182–184, 196, 199
Веня, сын 103, 105, 107, 121, 123, 166, 168, 170, 171, 174, 182, 184.
его жена Авива 174, 176
Фридман Иосиф (Иоси) 96, 99, 105, 108, 164, 167, 170–174
жена Эстер 99, 168, 170, 173 их дочь Рут 108
Тетя Пеппа 175
Фридман Довид, родственник из Карлина 179, 274
Фромм Э.З. 10, 55, 206, 209

Хайдеггер М. (Heidegger Martin) 247
Хазан В. 6
Хлебников В. 156
Хандлин О. 134
Харув Д. 141
Хаусхиер Р.15
Хусейни, аль М. А.

Цанава Л.Ф. 18
Цунзер Э. (Бадхен) 115

Чемберлен А.Н. 143
Чериковер И.М. 44, 47, 94
Чериковер Р.Н. 151, 153, 154
Чернов В.М. 213, 214
Черняк, американская знакомый Капланов 204
Черток М. (Шарет Моше) 108

Чехов А. 161

Чижевский Д.И. 268

Чуковский К. И. 162

Шагал М.З. 171

Шайковский, организатор выставки С.Дубнова 153

Шазар З. (Рубашов З. Ш.) 16, 55, 141, 170, 181, 182, 198, 235, 280, 281

Шапино Х.-Н. 64

Шварц М.Н. 72, 76, 78

Шекспир У. 143, 144

Шестов Л.И. (Шварцман) 239, 240, 244, 267

Шехтер Ш. 139

Шокен З. 76

Шолом Алейхем 115

Шошани Р. 71

Шполянский А. П. (Дон-Аминадо) 76

Штифтер А. 145

Штейн В. 38, 41, 42

Штейнберг Е. (Шейна) 8, 11, 30, 61, 64, 72, 91, 98, 99, 101, 113, 164, 167

Штейнберг И.-Н.З. 7, 11, 12, 13, 14, 28-31, 38, 43, 45, 47, 57, 59-68, 72, 76, 77, 79-85, 87-98, 100-103, 107, 110, 111, 113, 120-123, 159, 168, 170, 173, 178, 179, 193, 203-206, 209, 211, 212, 214

Анна С., жена 28, 29, 38, 96, 98, 100, 103, 108 -110, 124, 205, 211, 212

Эсфирь С., ее сестра 28, 29, 38, 77, 96, 98, 103, 109, 110, 124, 211

Ада дочь 38, 61, 90, 91, 103, 122, 124, 204 - 206, 211, 228, 235

Daniel Siegel, ее сын 228

Лев, сын (Leo Steinberg) 38, 61, 90, 110, 122, 123, 124, 174, 206, 235, 247, 250, 259, 260, 272, 282

Доротей (Dorothy, урож. Seiberling) его жена 247, 248

Мита (Суламита), дочь, 123, 124, 174, 178, 206, 235, 250, 280

Чарный ее муж 258

Штейнберг С.В. (Розенблатт, урожд. Беккер) 19, 20, 29, 30, 42, 43, 45, 47, 50, 52, 56, 58, 63, 64, 66, 73, 81, 83, 86, 89 – 91, 95, 96, 98, 101, 104, 105, 107, 110, 112, 113, 118, 128, 136, 149, 153, 154, 156, 158 – 160, 165, 167, 169, 171, 173, 175, 176, 179, 183, 185, 188–199, 208–210, 212–219, 221–224, 226, 228, 230–234

Штейнер Р. (Штайнер) 144

Штраус Л. (Straus L.) 217, 254, 261

Шумаков, петербургский дворник 278

Эвклид 203, 278

Эдуард VIII, король 78

Экхарт И. 143

Эйзлер Г. 260, 279, 280

его мать 260

Эйнгорн Д. 76

Эйнштейн А. 203

Эльяшев Исидор (Баал-Махшовес) 7, 8, 13, 27, 80, 123, 176, 178, 247, 248, 281, 282

Полина (Перла), его жена 8

Эльяшев Аля, его сын 10, 80, 96, 100, 123, 165, 168 (?),

Эльяшев Макс 165

его сын Саша 165, 170

Эльяшева-Гурлянд Э. З. 9, 10, 14, 17, 19, 27, 29, 30, 48–52, 62, 63, 72, 74, 111, 113, 116, 118, 119, 165, 173, 179, 187, 192

Вайсбарт Ганс, ее муж 29, 49–52

Эльяшев Борис (Барух) 113, 123, 124, 164, 165

Саша, его сын 165

Эльяшев Хацэ, родственник 112, 164

Мотэ, родственник, 105, 108, 112. 165, 167, 168, 170, 171, 174, 176, 179

Идель, родственник 165

Рая, его жена 164

Эльяшева Рахель 30, 113, 164, 167

Ревекка, ее дочь 30

Эльяшевы, семья 96, 247, 250

Эрберг К.А. (Сюнненберг) 19

Эрлих Г.М. 46

Юнг К. 223

Яков 40

Ядин И. 180

Якобсон 92

Якубович И.С. 117

Якубович Г. 166, 168, 170

Ганя, его жена 166, 170

Янгуданова Е. В. 78, 138, 140

Янкелевич В. (Jankelevich V.) 216

Янкинский М. 12

Ясенский Б. (Зйсман В. Я.) 149

Ясперс К. Т. (Jaspers K.) 7, 14, 15, 127–129, 188, 242, 247

Гертруда, жена (урожд. Майер) 15, 127–129, 242

Altman д-р 130

Berman Н. 90

Bradt, переводчик 189

Britchgi, финансист 274

Buttenriser 56

Cohn Marcus 55

Durack (Дюраки), семья 92

Finkel, балетмейстер 65

Franks, адвокат 81

Ginzberg R., домовладелец 69

Glatzer N. 55
Gregoire (George Balanchin) 65
Gumpertz Fritz 55
Halevi Jehuda (Леви) 89, 203
Homa B. Dr. 234
Heidegger M. 247
Jakob-Lewinson A. 174
Joos Kurt, лондонский хореограф 65
KentrIDGE Morris 82
Krutikov M. 83
Lebman Э.-И. д-р 101
Lenard F. Prof. 251
Martin B. 244
Melville (Мелвилл) 92
Miller, чиновник в Лондоне 194
Putman 39
Ruttin Э. 134
Rapaport A. 90
Rhodes C. J. 85
Roth д-р 130
Rozenzweig F. (Розенцвейг Ф.) 78, 216–218
Rubin P. 109
Robinson 194
Steiner G. 223
Streicher д-р 196
Struck Hermann 55
Unger, работник типографии 257
Unna Isaak 55
Wise S. 263
Wolfsberg O. 55, 206
Woting, хозяйка квартиры в Гейдельберге 189

ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ФОТОГРАФИИ
АТЕЛЬЕ
№32 «МОСГИКО» ТВЕРСКАЯ 64.

Елена Штейнберг

Аарон Штейнберг с родителями. 1915

Залман-Барух Рабинков

Исаак Донской с женой Рахелью

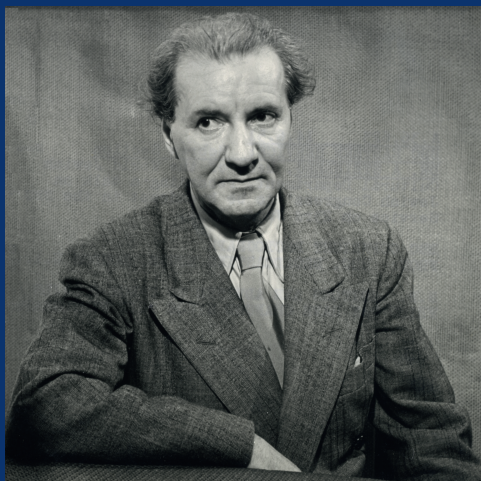
Бал-Махшево и Шолом-Алейхем

На конференции в Кинг-Дэвид. 1955 г. Иерусалим

Аарон Штейнберг и актриса Ида Каминская

Сборник переписки философа и общественного деятеля Аарона Захарьевича Штейнберга (1891—1975) с членами семьи, друзьями и соратниками: братом И.-Н. Штейнбергом, С. Дубновым, К. Ясперсом, И. Берлиным, М. Бубером, С. и Ф.Капланами и др., — дополняет картину его богатого и цельного творческого наследия. В ней воссоздается не только его многолетняя культурно-просветительская работа Директора Департамента культуры Всемирного Еврейского Конгресса, но и духовные искания одного из значительных философов-экзистенциалистов середины XX века.

ISBN 978-0-244-49521-3

9 780244 495213

90000

München, 2019

ImWerdenVerlag

<https://imwerden.de/>